

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

В ТЕМНОМ-ТЕМНОМ ЛЕСУ

РУТ УЭЙР

Рут Уэйр

В темном-темном лесу

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Р.

В темном-темном лесу / Р. Уэйр — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-098572-2

В темном-темном лесу Десять лет назад Нора окончила школу и порвала все связи с друзьями. С тех пор Нора ни разу не видела свою лучшую подругу Клэр... Стоял темный-темный дом... пока однажды ей вдруг не пришло приглашение на девичник Клэр. Что это, как не шанс оставить наконец позади все призраки прошлого? А в темном-темном доме была темная-темная комната Но что-то пошло не так. Совсем не так. И в этой темной-темной комнате... Некоторым тайнам лучше оставаться не раскрытыми.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098572-2

© Уэйр Р., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	43
Глава 11	49
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	60
Глава 15	61
Глава 16	67
Глава 17	69
Глава 18	72
Глава 19	78
Глава 20	88
Глава 21	92
Глава 22	98
Глава 23	107
Глава 24	111
Глава 25	115
Глава 26	119
Глава 27	123
Глава 28	128
Глава 29	132
Глава 30	137
Глава 31	140
Глава 32	145
Глава 33	148
Глава 34	152
Глава 35	154
Глава 36	158
Выражение признательности	160

Рут Уэйр

В темном-темном лесу

© Ruth Ware, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

*Кэти, остальным трем пятым.
С любовью.*

В одном темном-темном лесу стоял
темный-темный дом.
В этом темном-темном доме была
темная-темная комната.
В этой темной-темной комнате был
темный-темный шкаф,
а в этом темном-темном шкафу прятался...
СКЕЛЕТ!

Детский фольклор

Я бегу.

Бегу сквозь залитый лунным светом лес, спотыкаясь о торчащие из-под снега корни. Ветки цепляют за одежду, колючки хлещут по голым рукам. Дыхание жжет горло.

Мне больно. Очень больно.

Но я умею бегать. Умею очень хорошо.

И когда я бегу, в мыслях у меня повторяются какие-нибудь слова. Например, время, в которое я хочу уложиться, или какая-то обида, которую надо втоптать кроссовками в асфальт.

В этот раз слово лишь одно. Оно звучит в голове ударами молота.

Джеймс. Джеймс. Джеймс.

Я должна успеть. Добежать до шоссе, пока не...

Вот оно! Черная змея асфальта под луной. Я слышу рев мотора, вижу белые лучи фар, такие яркие, что больно глазам.

Слишком поздно?

Последние метров тридцать я несусь вперед на пределе сил. Запинаюсь об упавшие стволы и ветки. Сердце отстучивает в груди барабанную дробь.

Джеймс.

Поздно, машина уже близко, не остановить...

Но я все равно бросаюсь чуть ли не под колеса.

«СТОЙТЕ!»

Глава 1

БОЛЬНО. Болит все. Свет режет глаза. Голова раскалывается. Я чувствую запах крови. Это от нее мои руки липкие.

– Леонора?

Голос пробивается сквозь туман боли. Я пытаюсь помотать головой, язык не слушается.

– Леонора, все хорошо, ты в больнице. Мы везем тебя на обследование.

Голос женский. Громкий и нарочито четкий. От него у меня ноют уши.

– Надо кому-нибудь позвонить?

Я снова пытаюсь помотать головой, но женщина мягко останавливает меня:

– Аккуратней. У тебя черепно-мозговая травма.

– Нора, – шепчу я.

– Позвонить Норе? Кто это?

– Это я... меня так зовут.

– Ладно, Нора. Не бойся. Больно не будет.

Но мне больно. Очень больно.

Что произошло?

Что я сделала?

Глава 2

Едва проснувшись, я поняла, что сегодня подходящий день для пробежки по парку – для самого длинного маршрута, почти в девять миль. Осеннее солнце пробивалось сквозь плетеную занавеску из ротанга и золотило простыни. Пахло ночным дождем. С постели мне был виден платан под окнами, его листья уже начали темнеть по краям. Я закрыла глаза и с наслаждением потянулась, чувствуя каждый мускул, слушая потрескивание и вздохи – системы отопления, приглушенный гул машин с – улицы.

Каждое мое утро начинается одинаково. Я живу одна, могу позволить себе устроить все по-своему, без помех. Нет у меня ни подружки-соседки, которая выльет себе в кофе остатки молока из пакета, ни кота, которого с утра пораньше может стошнить на ковер. Что оставила накануне вечером в холодильнике, то ты там и найдешь. Сама себе хозяйка.

Дома я и работаю. Когда не нужно ходить в офис с девяти до пяти, очень легко расслабиться; дни теряют форму, сливаются в один, и вдруг выясняется, что уже пять вечера, а ты до сих пор в халате и за весь день поговорила только с молочником. Бывает, что я сутками не слышу живого человеческого голоса, если не считать радио, и меня такой расклад вполне устраивает. Это хорошая жизнь для писателя – наедине с голосами в своей голове, с придуманными тобой персонажами. В тишине и молчании они обретают реальность. Короче, жизнь хорошая, но не вполне здоровая. Поэтому важно ее как-то организовать, создать себе распорядок и придерживаться его – чтобы хотя бы как-то отличать будни от выходных.

День мой начинается так.

Ровно в половине седьмого я просыпаюсь от гула бойлера – включилось отопление. Смотрю в телефон – просто чтобы убедиться, что еще не настал конец света. Некоторое время лежу, слушая уютное потрескивание в батареях.

В семь утра включаю новостную программу на радио, жму на кнопку запрограммированной с вечера кофемашины. Кофе – «Карт Нуар» в бумажном фильтре. У моей крошечной квартирki немало преимуществ; одно из них – дотягиваешься до кофемашины и холодильника, не вылезая из постели.

К концу выпуска новостей кофе готов. Я выползаю из-под теплого одеяла, плеснув в чашку немного молока, делаю себе тост с малиновым джемом «Бонн маман». Без масла – не из соображений диеты, а просто потому, что не люблю.

Дальше все зависит от погоды. Если идет дождь или мне просто не хочется бегать, я принимаю душ, читаю почту и сажусь работать.

В этот раз день был отличный, мне не терпелось поскорее выйти из дома, пробежаться по мокрым листьям, подставить ветру лицо. А в душ потом.

Я натянула футболку и легинсы, сунула ноги в кроссовки и бодро сбежала три лестничных пролета вниз – и наружу, в мир.

Вернулась я потная и запыхавшаяся, от усталости едва держась на ногах, и долго стояла под горячим душем, продумывая дела на грядущий день. Заказать продукты, холодильник почти опустел. Посмотреть правки к последней книге – обещала редактору их прокомментировать до конца недели и еще даже не сядила. Проверить сообщения, приходящие через форму обратной связи на сайте, сто лет откладываю, так что их много накопилось. Конечно, по большей части это спам – какую защиту ни ставь, боты все равно пролезут. Но среди мусора попадает и полезная информация: например ссылки на рецензии или предложения дать отзыв на чью-то работу, который пойдет на обложку. А иногда... иногда письма от читателей. Вообще, обычно люди пишут, если книга им понравилась, но бывает, спешат сообщить, какая я дура. Мне странно и неловко читать любые отзывы, как восторженные, так и негативные. Совершенно посторонние люди вдруг высказываются о твоих личных мыслях, как будто кто-то сунул

нос в твой дневник и выражает о нем свое ценное мнение. Вряд ли я смогу когда-нибудь к этому привыкнуть. Наверное, оттого и приходится подолгу собирать волю в кулак, прежде чем взяться за почту.

Одевшись, я раскрыла ноутбук и принялась удалять ненужные сообщения. «Виagra». Тайненькое знанище, как удовлетворить любую. Красотки без ком-плексов.

И вдруг...

Кому:

Мелани Чжоу; Кейт Дерби; Кимайо, Лиз; info@LNShaw.co.uk; Мария Татибоз; Айрис Уэствик; Кейт Оуэнс; smurphy@shoutlinemedia.com; Нина да Суза; Крис Френч

От: Флоренс Клэй

Тема: ДЕВИЧНИК ДЛЯ КЛЭР!!!

Клэр? Я знаю одну Клэр, но...

Сердце забилось быстрее. Вряд ли речь о ней. Мы десять лет не общаемся.

Минуту курсор подрагивал над кнопкой «удалить», но потом я все же открыла сообщение.

ВСЕМ ПРИВЕТИКИ!!!

Для тех, кто не в курсе, я Фло, лучшая подружка Клэр по университету. А еще я – ТА-ДА-ДА-ДАММ! – свидетельница на ее свадьбе! И в мои обязанности входит организация ДЕВИЧНИКА!!!

Я уже спросила у Клэр, и – как вы наверняка догадались – она не хочет никаких банальностей, резиновых членов и розовых перьев. Поэтому я приготовлю для нас всех утонченное развлечение – уик-энд за городом в Нортумберленде, в тех местах, где наша дорогая невеста училась в колледже. (А там, может, и найдем способ устроить один-другой пошлый – конкурс!)

Девичник назначен на четырнадцатое – шестнадцатое ноября. Да, понимаю, времени осталось совсем мало, но выбора особо нет – рабочие планы, Рождество, все такое. Прошу как можно скорее ответить мне, ждате ли вас или нет.

Очень надеюсь на встречу со старыми и новыми друзьями!!!

Целую-обнимаю,

Фло

Грызая ноготь, я перечитала послание, силясь хоть что-нибудь понять. Потом взглянула на список адресатов и обнаружила в нем одно знакомое имя: Нина да Суза.

Все ясно. Это Клэр Кавендиш, других вариантов нет. И вроде бы в универ она поступила то ли в Дареме, то ли в Ньюкасле, так что пассаж про Нортумберленд подтверждается.

Но почему? Почему Клэр вдруг захотела позвать меня на девичник?

Может, это ошибка? Может, «лучшая подружка» Фло просто скопировала себе адресную книгу Клэр и разослала приглашения на все женские имена?

И все-таки в списке адресатов всего двенадцать человек. Вряд ли я попала в такой узкий круг по-ошибке...

Я вглядывалась в экран, словно надеясь среди пикселей найти ответы на тревожащие меня вопросы. И почему я не удалила письмо сразу...

Внезапно я почувствовала, что больше не могу сидеть на месте. Я вскочила, прошлась до двери, вернулась к рабочему столу и замерла, снова глядя на экран ноутбука.

Клэр Кавендиш. Почему я? Почему сейчас?

Спрашивать у этой Фло явно смысла не имеет.

Но есть один человек, который может знать.

Я села и быстро, не давая себе возможности передумать, набила сообщение.

Кому: Нина да Суза

От: Нора Шоу

Тема: Девичник???

Привет, Нина, как дела? Надеюсь, хорошо. Честно говоря, я была удивлена, когда получила приглашение на девичник у Клэр. Ты поедешь?

И стала ждать.

Следующие несколько дней я пыталась выбросить полученное приглашение из мыслей. С головой погрузилась в работу, пытаюсь закопаться в хитрых задачках, поставленных редактором. Однако письмо никак не хотело забываться, оно постоянно напоминало о себе, как язва на кончике языка или как сломанный ноготь, который все время за что-то цепляется. Оно сползало ниже и ниже в почтовом ящике, но все равно мозолило глаза, и флажок «не отвечено» горел напротив немым упреком. Вопросы, которые оно во мне породило, не давали покоя.

«Ну, отвечай!» – умоляла я Нину, когда бегала по парку, готовила себе ужин или просто сидела, глядя в одну точку. Я даже думала ей позвонить, но не знала, что именно хочу от нее услышать.

И вот несколько дней спустя, когда я рассеянно листала «Твиттер» на телефоне, оно пришло.

Сообщение от Нины.

Я отхлебнула кофе, сделала глубокий вдох и открыла письмо.

Кому: Нора Шоу

От кого: Нина да Суза

Тема: Re: Девичник???

Здорово! Сто лет с тобой не общались! Только прочитала письмо – всю неделю на поздних дежурствах. Честно – вообще не хочу туда ехать! На свадьбу-то меня давно пригласили, но с девичника я надеялась как-нибудь соскочить. А ты едешь? Давай уговор – поеду, если ты тоже поедешь?

Я пила кофе, глядя на экран. Курсор завис над кнопкой «Ответить». Нина так ничего для меня и не прояснила. В голове продолжали роиться вопросы. Когда свадьба? Зачем звать на девичник того, кто не приглашен на свадьбу? И кто жених?

Слушай, а за кого она

Я напечатала это и тут же стерла, не закончив фразы. Нет, нельзя спрашивать прямо. Так я сразу признаю, что вообще не в теме, а это удар по моему самолюбию.

Старательно заставляя себя не мучиться незадачным вопросом, я приняла душ и оделась. Но когда села работать и заглянула в почту, в ящике было еще два непрочитанных сообщения. Первое – от какой-то подруги Клэр, она извинялась, что не сможет приехать, девичник попадает на день рождения кого-то из семьи. Второе – от Фло, и на этот раз она включила опцию «уведомить о прочтении».

Кому: info@LNShaw.co.uk

От: Флоренс Клэй

Тема: Re: ДЕВИЧНИК ДЛЯ КЛЭР!!!

Дорогая Ли!

Прости за настырность, просто уточняю, получила ли ты мое прошлое письмо! Вы с Клэр давно не общались, но она ТАК надеется, что ты приедешь!

Она часто вспоминает о тебе и жалеет, что после школы жизнь вас развела. Не знаю, что там у вас случилось, но она бы **ОЧЕНЬ** хотела видеть тебя на девичнике. Порадуй невесту, а?! Тогда ее девичник получится идеальным.

Целую-обнимаю,

Фло

Пожалуй, это должно было мне польстить – Клэр так меня ждет, что Фло изо всех сил пытается до меня добраться, – однако я только разозлилась. Меня беспардонно дергали, а уж уведомление о прочтении – это и вовсе вопиющее нарушение границ. Как будто Фло за мной шпионит.

Я закрыла почту и взялась за рабочий документ, гоня от себя все мысли о девичнике, но слова Фло эхом висели в воздухе. «*Не знаю, что там у вас случилось...*» Прямо как обиженная маленькая девочка, которую не приняли в игру. «Это уж точно, – мстительно подумала я. – Не знаешь. И нечего копаться в моем прошлом».

Сама я давно зареклась это делать.

Вот Нина – другое дело. Она теперь живет в Лондоне, мы время от времени пересекаемся с ней в Хакни. Она часть моего настоящего.

А Клэр я решительно оставила в прошлом, в той моей жизни в Ридинге.

И все же в глубине души маленький упрямый голосок повторял: «Она же была твоей подругой, лучшей подругой детства, а ты сбежала от нее не оглядываясь, даже не оставив номер телефона, разве подруги так поступают?»

Совсем разнервничавшись, я вскочила на ноги и, не придумав ничего лучше, направилась делать себе еще кофе. Стоя над шипящей и булькающей кофемашиной, я грызла ноготь и думала о десяти годах, прошедших с нашей последней встречи. Вернувшись с чашкой за стол, вместо работы я полезла в «Гугл» и нашла страничку Клэр Кавендиш в «Фейсбуке».

Как выяснилось, женщин с таким именем было много, и кофе мой успел остыть, прежде чем я нашла похожую на нее. В качестве изображения в профиле стояла фотография пары в костюмах персонажей из «Доктора Кто». Лица девушки было не разобрать под растрепанным рыжим париком, но что-то в том, как она хохотала, запрокинув голову, заставило меня перестать крутить вниз бесконечный список. Парень рядом с ней изображал Мэтта Смита: всклокоченные волосы, галстук-бабочка, очки в роговой оправе. Я открыла фото в полном размере и долго разглядывала, все больше укрепляясь в уверенности, что это все-таки Клэр. Парня же я точно не знала.

Я полезла в информацию о пользователе. В числе взаимных друзей значилась Нина да Суза. Определенно, это та самая Клэр. В графе «Отношения» стояло: «девушка Уильяма Пилигрима». Имя было смутно знакомо. Кто-то из школы? Нет, единственный Уильям в нашей параллели носил фамилию Майлз. Пилигрим... Нет, не помню такого. Я заглянула в его профиль, но аватаром там служил налитый наполовину пивной стакан.

Я вернулась на страничку Клэр. В голове звучали слова из письма: «она **ТАК** надеется, что ты приедешь... часто вспоминает о тебе».

Что-то очень похожее на чувство вины сжало мое сердце.

Я уехала не оглядываясь, сбежала, оглушенная горем, и долгое время все мои силы уходили на то, чтобы просто переставлять ноги, продвигаясь вперед – как можно дальше от того, что осталось в прошлом. Пришлось сосредоточиться на самосохранении, на большем я была не способна.

И вот Клэр игриво смотрела на меня из-под рыжего парика, и в ее глазах мне чудилась мольба и даже упрек.

Против своей воли я стала вспоминать ее. Восторг, который охватывал всякого попавшего в лучи ее благосклонности. Ее низкий грудной смех, записочки, которые она пускала по классу, ее жестокий юмор.

Лет в шесть я впервые осталась у нее в гостях с ночевкой. Помню, как лежала без сна и слушала ее посапывание. Потом мне приснился кошмар, и я описалась. Клэр обняла меня, устроила в собственной постели, чтобы я не мерзла, а сама убрала мокрое белье в корзину и полезла в шкаф за свежим. С первого этажа донесся сонный голос миссис Кавендиш, она спрашивала, что мы там шумим, и Клэр быстро ответила: «Я опрокинула молоко, прямо Ли на кровать».

На секунду я перенеслась на двадцать лет назад, почувствовала себя маленькой испуганной девочкой, вдохнула запах той ночи – духоту детской комнаты, сладкий аромат шариков для ванной из стеклянной банки на окне, запах наглаженного свежего белья.

«Только никому не говори!» – попросила я, когда кровать была совместными усилиями перестелена, а мокрые пижамные штаны спрятаны в мою сумку. «Конечно!» – заверила Клэр. И никому не сказала.

Я все еще сидела, глядя на фотографию, когда в углу экрана с писком выскочило новое сообщение. Нина писала мне: «*Ну что? Фло меня трясет. Да или нет???*» Я встала, прошлась до двери и обратно, изнывая от глупости происходящего, села и быстро вбила ответ: «*Ладно. Поехали*».

Ответ от Нины пришел через час.

Обалдеть. Пойми меня правильно, я не ожидала. Удивлена, в хорошем смысле. Поехали. Только теперь не вздумай слиться. Имей в виду, я врач и знаю не меньше трех способов убить тебя, не оставляя следов. Целую, Нина.

Тяжело вздохнув, я открыла первое письмо от Фло и стала писать ответ.

Дорогая Флоренс (можно Фло?!)

Я приеду, с удовольствием. Передай Клэр спасибо за приглашение. Буду рада познакомиться с тобой и наконец повидаться с ней.

С наилучшими пожеланиями,

Нора (хотя Клэр помнит меня как Ли)

P.S. Впредь лучше писать мне на этот ящик. Тот, что на сайте, я редко проверяю.

Дальше сообщения посыпались одно за другим. Целый водопад отказов со ссылкой на занятость. «*Буду в отъезде*». «*К сожалению, в эти дни я работаю*». «*У меня семейные дела – мемориальная служба*». (Комментарий от Нины: «*Да-да, я похороню следующую идиотку, которая тыкнет по кнопке «Ответить всем!»*») «*Уезжаю на снорклинг в Корнуолл*». (Комментарий от Нины: «*В ноябре???* Она ничего умнее не могла придумать? Если бы я знала, что планка так низка, я бы соврала, что меня завалило в чилийской шахте!») Еще работа. Еще семейные дела. И всего несколько писем с согласием.

В итоге список участников вышел коротким. Клэр, Фло, какая-то Мелани, Нина, я и некий Том. (Комментарий от Нины: «*Какой, на хрен, ТОМ???*»)

Всего шестеро. Как-то мало для всеобщей любимицы. По крайней мере, в школе Клэр была звездой. Хотя предупредить в самом деле стоило бы по-раньше.

Может, поэтому она пригласила меня? Для массовки, а то вдруг большинство откажется? Нет, Клэр не такая... или не была такой. Клэр, которую я знала, пригласила бы только тех, кто ей нужен, и презентовала бы все действие как суперэкссклюзивную вечеринку для сливок общества.

Я не хотела думать об этом. Старалась похоронить воспоминания под ворохом насущных забот. Но они продолжали всплывать, когда я меньше всего ожидала – то во время пробежки, то внезапно посреди ночи.

Почему, Клэр? Почему сейчас?

Глава 3

Ноябрь наступил с пугающей быстротой. Я старалась с головой уйти в работу, но с приближением дня X отвлечься от тревожных мыслей становилось все сложнее. Я выбирала самые длинные маршруты для пробежки, желая загнать себя до предела, но едва голова моя касалась подушки, внутренний голос начинал шептать: «Десять лет. После всего, что случилось. Почему сейчас?» Я не могла отделаться от ощущения, что совершаю чудовищную ошибку.

Я придумала бы какой-нибудь благовидный предлог и не поехала, однако был уговор с Ниной, я не могла ее подвести. Так что мерзким холодным утром четырнадцатого ноября с дорожной сумкой в руке я сошла с поезда в Ньюкасле и первым делом купила себе кофе в киоске на платформе. Нина курила самокрутку и ворчала на проклятую английскую погоду. Третий девичник за год (затяжка), прошлый обошелся ей почти в пятьсот фунтов (затяжка), а на этот вся тысяча уйдет, если со свадьбой посчитать (выдох). Честно говоря, проще было бы просто выписать им на эти суммы чек и обойтись без мороки, и кстати говоря (окурки затушен тонким каблучком), какого черта нельзя было взять с собой Джесс?

– Ну, типа, потому что это девичник. – Я взяла стакан и пошла за Ниной в сторону знака парковки. – Весь смысл в том, чтобы гулять без партнеров. Иначе почему не притащить заодно и жениха.

– Машину ты по-прежнему не водишь? – уточнила Нина, когда мы закидывали чемоданы в багажник арендованного «Форда».

– Не-а. Еще один жизненно необходимый навык, который я так и не освоила. Извини.

– Передо мной-то что извиняться. – Нина плюхнулась на водительское место, втянула длинные ноги, захлопнула дверь и сунула ключ в зажигание. – Терпеть не могу быть пассажиром. Вождение как караоке: когда за рулем или микрофоном ты сам, все круто, а когда кто-нибудь другой – либо жуть, либо стыдоба.

– Знаешь, просто... в Лондоне машина скорее роскошь, чем средство передвижения.

– Я обычно езжу к родителям на арендованной машине.

– Ну... – Я посмотрела в окно. – Сложновато доехать до Австралии на арендованном «фордике».

– Господи, я и забыла, что твоя мама эмигрировала. Как его там зовут? Отчима твоего?

– Филипп, – ответила я.

И почему я вечно ощущаю себя обиженным подростком, когда произношу это имя? Имя как имя...

Нина бросила на меня быстрый взгляд и кивнула на спутниковый навигатор.

– Подключи эту штуку, пожалуйста, и вбей координаты от Фло. Иначе из Ньюкасла мы вообще не выберемся.

Уэстерхоуп, Трокл, Стейнгейт, Халтуистл, Уорк... Сменяли друг друга знаки, от которых веяло поэзией, дорога серой лентой разворачивалась под колесами вдоль пастбищ, пустошей и низких холмов. Небо над головой было затянуто облаками, и маленькие каменные домики, время от времени попадавшиеся нам по пути, прятались по ложбинкам, словно в страхе, что их заметят. Нина ехала по навигатору, так что работать штурманом мне не пришлось, от чтения в машине меня укачивает, поэтому я закрыла глаза, отгородившись от Нины и от радио, и осталась один на один с вопросами, не дававшими мне покоя.

Почему Клэр меня пригласила? Почему сейчас?

Захотелось накануне свадьбы оживить старую дружбу? Если так, почему не позвала на саму свадьбу? Нина-то приглашена, значит, церемония явно будет не только семейная.

Воображаемая Клэр с укором покачала головой, прося меня набраться терпения и подождать. Клэр всегда любила секреты. Ее любимой игрой было узнать о тебе какую-то тайну и

намекнуть о ней в разговоре. Она ничего никому не разбалтывала, просто намекала, чтобы ты поняла: *она знает*.

В Хексеме мы остановились поесть и перекурить, затем помчались в сторону парка Килдер-Форест, свернув с шоссе. Небо над головой казалось бесконечным. Дороги становились уже, деревья по их сторонам – гуще, и вот ветви уже нависали над нами поверх тонкой каменной стены, служившей дорожным ограждением.

Когда мы въехали в лес, связь со спутниками ослабела, а потом и вовсе пропала.

– Погоди. – Я полезла в сумку. – У меня распечатана схема от Фло.

– Вот кто у нас хорошая девочка, – съязвила Нина, но в голосе у нее проскользнуло облегчение. – А чем тебя айфон не устроил?

– Известно чем. – Я продемонстрировала ей мобильник, который безуспешно пытался загрузить гугл-карты. – Тем, что он бесполезен, когда пропадает связь. – Я глянула в распечатки. – Так, нам нужен «Стекланный дом» по дороге Стейнбридж-Роуд. Сейчас надо направо, потом изгиб дороги и наш поворот, должен быть уже совсем ско... а вот мы его и проехали.

– Офигенный из тебя штурман!

– Чего?

– Раньше предупреждать надо! – Нина изо-бразила механический голос навигатора: – «Через пятьдесят метров поворот направо. Через тридцать метров поворот направо. Вы проехали. Пожалуйста, развернитесь там, где это разрешено».

– Ну вот и развернись там, где разрешено, поворот ты прощелкала!

– Да плевала я! – Нина ударила по тормозам и сделала резкий разворот на сто восемьдесят.

Я зажмурилась.

– Все равно что караоке, говоришь?

– Ой, да ладно, там дальше тупик. Кто бы оттуда мог выскочить?

– Ну, не знаю, любой из остальных приглашенных на это мероприятие!

Я приоткрыла глаза. Машина набирала скорость в противоположном направлении.

– Короче, сейчас. Там практически тропинка, но Фло точно отметила именно ее.

– Практически?! Это и есть тропинка!

Нина крутанула руль, и мы поехали прямо сквозь лес, подпрыгивая на ухабах.

– Это называется «грунтовая дорога», – выдохнула я, глядя в окно на грязную канаву, к которой вполне могли бы ходить на водопой бегемоты. – Вообще, я думала, это их частная подъездная дорожка, но мы уже полмили по ней катимся, а ей все конца не видно...

Я смотрела на последнюю страницу в распечатках. Она представляла собой спутниковый снимок местности, на котором был отмечен единственный дом.

– Если это их «подъездная дорожка», какого хрена они за ней не следят?! – рывкнула Нина, когда «Форд» подпрыгнул на очередной кочке. – Если я угроблю здесь машину, подам в суд! Плевать на кого, но я платить не буду!

За следующим поворотом дорога внезапно кончилась. Перед нами были узкие ворота. Нина проехала через них, припарковалась и заглушила мотор. Мы вылезли и изумленно уставились на дом.

Не знаю, чего именно я ожидала, может, небольшого домика с соломенной крышей, с балками и низкими потолками. Вместо этого перед нами возвышалось фантастическое сооружение из стекла и металла. Его словно собрал малыш из конструктора и бросил, наигравшись. В лесу оно смотрелось до того неуместно, что мы разинули рты.

Распахнулась входная дверь, я увидела копну золотистых волос и вдруг запаниковала. Зачем я сюда приехала?! Это ошибка, и теперь уже не сбежать!

На крыльце стояла Клэр.

Только она была... другая.

Я напредила себе, что все-таки прошло десять лет; люди меняются, набирают вес. В двадцать шесть мы уже не те, что в шестнадцать, – уж кому, как не мне, это знать.

Но Клэр изменилась слишком сильно. В ней что-то сломалось, словно погас внутренний свет.

Однако стоило ей заговорить, как иллюзия развеялась. Манера речи – единственное, что выдало мне мою ошибку. Она не имела ничего общего с Клэр. Клэр всегда щебетала как девчонка, у этой же девушки голос был низкий. И очень, очень па-фосный.

– Приве-ет!!! – протянула она так, что явно были слышны три восклицательных знака, и я сразу поняла, кто перед нами. – Я Фло!

Когда смотришь на фотографии братьев и сестер знаменитостей, кажется, что видишь того самого человека, только отраженного в кривом зеркале – таком, которое искажает совсем чуть-чуть, и даже не поймешь, в чем именно кроются отличия. Просто что-то потеряно, где-то проскочила фальшивая нота.

Такова была девушка на крыльце.

– Господи, как я рада, что вы приехали! Ты, наверное...

Она остановилась на более очевидном варианте: несложно соотнести фамилию «да Суза» с обладательницей орлиного профиля, черных гладких волос, как у Евы Лонгории, и роста выше ста восьмидесяти сантиметров. Отец Нины был из Бразилии, мать – англичанка из Далстона, а сама она родилась в Ридинге.

– ...Нина, да?

– Ага. А ты, наверное, Фло?

– Ах-ха!

Нина бросила на меня лукавый взгляд, буквально подначивая меня рассмеяться. А я-то думала, что не бывает людей, которые на самом деле говорят «ах-ха», а если и встречаются отдельные экземпляры, то эти глупости из них быстро вышибают в школе. Видимо, Фло оказалась крепким орешком и глумление одноклассников ее только закалило.

Фло с энтузиазмом пожала Нине протянутую руку и обратила сияющую улыбку ко мне.

– Тогда ты, получается, Ли?

– Нора, – машинально поправила я.

– Нора? – озадаченно переспросила Фло.

– Полное имя Леонора, – объяснила я. – В школе меня знали как Ли, а сейчас все зовут Норой. Я, кстати, говорила про это в письме...

Всегда терпеть не могла имя Ли. Во-первых, оно скорее мужское. Во-вторых, в сочетании с фамилией Шоу получалось неблагозвучное Лишоу, и всякие остряки дразнили меня «лишаем».

Короче, та Ли умерла, осталась в прошлом. По крайней мере, я очень на это надеялась.

– А, ясно! У меня есть кузина Леонора! Мы зовем ее Лео.

Я вздрогнула. *Лео*? Так меня звал только один человек.

Молчание затянулось. Фло издала неловкий смешок:

– Ха-ха! Ну ладно, вот вы и здесь, скоро будем веселиться! Клэр еще нет; я, как свидетельница, сочла своим долгом приехать раньше всех!

– Ладно, свидетельница, какие чудовищные пытки ты для нас заготовила? – спросила Нина, перетаскивая дорожную сумку через порог. – Боа из перьев? Шоколадные члены? Предупреждаю, у меня на них аллергия вплоть до анафилактического шока, не заставляйте меня доставать шприц с эпинефрином.

Фло нервно рассмеялась, глядя то на меня, то на Нину и явно пытаюсь понять, шутка это или нет. Нина умеет прикалываться с абсолютно непроницаемым лицом, так что те, кто

мало ее знает, нередко теряются. Я видела по глазам, что Нина размышляет, не подразнить ли Фло еще немного.

– Какой... э-э... красивый дом, – поспешила сказать я, чтобы их отвлечь, хотя «красивый» тут было не самым подходящим эпитетом.

Несмотря на плотное кольцо деревьев вокруг, дом вселял чувство уязвимости – из-за стеклянных фасадов, открытых взглядам со всех сторон.

– Правда?! – Фло просияла. – Это дом моей тети, она вообще живет в городе, а сюда приезжает отдыхать. Но зимой она редко бывает, нечего тут делать на отшибе... Вон там гостиная.

Через огромный холл высотой до самой крыши мы прошли в длинную комнату с низким потолком. Противоположная от входа стеклянная стена смотрела прямо на лес. Ощущение складывалось очень неприятное: невозможно было отделаться от чувства, что мы на сцене разыгрываем спектакль для невидимых зрителей, скрытых среди деревьев. Я поежилась и отвернулась, разглядывая обстановку. Хотя тут стояли длинные мягкие диваны, гостиная все равно смотрелась какой-то голой – и я быстро сообразила почему. Дело было даже не в отсутствии малейшего беспорядка и не в минималистичном декоре – две вазочки на каминной полке плюс картина Марка Ротко на стене. Просто тут не было ни одной книги. Обычно там, куда люди приезжают отдыхать, есть хоть одна книжная полка с потрепанными романами Агаты Кристи и Дэна Брауна в мягких обложках. А этот дом больше напоминал мертвую журнальную картинку.

– Вот здесь телефон. – Фло указала на доисторический дисковый аппарат с витым шнуром, который смотрелся довольно странно в современной обстановке. – Мобильная связь то есть, то нет, так что пользуйтесь этим.

Но мое внимание привлек не телефон. Над простым строгим камином я увидела нечто еще более неуместное: начищенное ружье на торчащих из стены деревянных штырьках. Как будто его телепортировали сюда из какого-нибудь маленького паба. Интересно, ружье настоящее? Я попыталась оторвать от него взгляд и прислушаться к тому, что говорит Фло.

– ...а наверху спальни. Вам с сумками помочь?

– Нет, спасибо, – ответила я.

– Ну, если ты предлагаешь... – в ту же секунду отозвалась Нина.

Фло на секунду замерла с ошарашенным видом, потом бодро подхватила здоровенный чемодан Нины и поволокла наверх по лестнице из матового стекла.

– Так вот, там четыре спальни, – тяжело дыша, сообщила она, добравшись до верха. – Я подумала, что в одной будем мы с Клэр, во второй вы, девочки, в третьей Том – как вы понимаете, его надо селить одного, ах-ха?

– Ах-ха, – подтвердила Нина с непроницаемым лицом.

Я пропустила это мимо ушей, так как еще переваривала новость, что у меня не будет возможности скрыться от людей хотя бы в спальне.

– Остается еще Мелани, ей мы тоже выделим отдельную комнату. Все-таки у нее полугодовалый ребенок, ей нужнее!

– Ребенок?! – переспросила Нина с неподдельным испугом. – Она же не с ребенком приедет?!

Фло оглушительно расхохоталась и прикрыла рот ладонью.

– Нет, конечно! Я к тому, что надо дать ей возможность хоть здесь выспаться.

– А, ну да. – Нина заглянула за ближайшую дверь. – И какая наша?

– В конце коридора две самые большие. Занимайте ту, что справа, там две кровати. Слева одна большая кровать с балдахином, там будем спать мы с Клэр.

Тяжело дыша, она остановилась перед дверью из беленого дерева.

– Вот. Вам сюда.

В спальне были две аккуратные белые кровати и невысокий комод, все обезличенное, как в отеле. И, разумеется, кровати стояли напротив стеклянной стены, причем здесь это вообще не поддавалось разумному объяснению: спальня выходила на северную сторону, на подножие заросшего сосновым лесом холма, – то есть вида не было никакого. Результат скорее вызывал клаустрофобию: над тобой нависала зеленая громада, которая постепенно темнела по мере того, как сгущались сумерки. Я посмотрела на тяжелые кремовые портьеры и подавила желание немедленно их задернуть.

Фло тяжело грохнула чемодан Нины на пол. Встретив мой взгляд, она широко улыбнулась, и улыбка вдруг сделала ее почти такой же хорошенькой, как Клэр.

– Есть вопросы?

– Есть, – кивнула Нина. – Курить можно?

Фло помрачнела.

– К сожалению, тетя не разрешает курить в доме. Но у вас есть балкон. – После небольшой борьбы с замком она открыла раздвижные стеклянные двери. – Вот, можешь курить там.

– Супер, – заключила Нина. – Спасибо.

Фло не без труда закрыла вход на балкон, повернулась к нам, раскрасневшись от напряжения, и отряхнула руки о юбку.

– Ну, теперь можете спокойно распаковаться. Буду ждать вас внизу, ах-ха?

– Ах-ха! – с энтузиазмом подтвердила Нина.

Пытаясь отвлечь внимание на себя, пока Фло не заметила в ее голосе издевку, я выпалила «спасибо» так громко, что получилось почти агрессивно.

– Вот и хорошо! – неуверенно проговорила Фло, попятилась к выходу и исчезла.

– Нина... – угрожающе начала я.

– Ну что? – рассеянно бросила она через плечо и подошла к стеклу посмотреть на лес. – Кстати, Том все-таки мужик, судя по отчаянному стремлению Фло ограбить наши женские прелести от его неистовых игрек-хромосом.

Вопреки своей воле я прыснула. Такова Нина. Ей прощается то, что другим никогда не сойдет с рук.

– Наверняка он гей. Иначе зачем приглашать его на девичник?

– Знаешь, возможно, для тебя это будет новостью, но если кто-то в этом деле играет за другую команду, это вовсе не влечет за собой смену пола. Вроде бы. Хотя погоди-ка... – Она заглянула в свой вырез. – А нет, на месте, четвертый размер, все по инвентарной описи.

– Ты прекрасно знаешь, что я не об этом.

Я шмякнула свой чемодан на кровать, потом вспомнила, что там косметичка, и стала обращаться с ним бережней. Первым делом я достала кроссовки и аккуратно поставила их у двери – пусть служат мне знаком «аварийный выход».

– Суть девичника перед свадьбой отчасти в том, чтобы отдать дань восхищения мужскому началу. А кто разделяет это восхищение? Женщины и геи.

– Почему ты мне раньше не сказала?! У меня же была такая хорошая отмазка! В следующий раз, когда получу приглашение на девичник, нажму «ответить всем» и напишу: «Извините, не приеду, поскольку не разделяю восхищения мужским началом!»

– Я говорю *отчасти*. Отчасти!

– Ничего, ничего, – трагически проговорила Нина, отвернувшись к окну. – Я привыкла быть изгоем в гетеронормативном обществе.

– Иди ты! – огрызнулась я и тут обнаружила, что Нина смеется.

– Что мы вообще здесь делаем? – Она завалилась спиной на кровать и скинула сапоги. – Не знаю, как ты, а я с Клэр не общалась года три.

Я промолчала. Не знала, что сказать.

Зачем я приехала? Зачем Клэр меня позвала?

– Нина... – начала я с комком в горле и учащенным сердцебиением. – А кто ее...
Закончить я не успела, потому что на весь дом раздался оглушительный стук.
Кто-то долбил кулаком в наружную дверь.
Внезапно я почувствовала, что совсем не готова узнать ответы на свои вопросы.

Глава 4

Мы с Ниной переглянулись. Сердце у меня стучало, как эхо ударов в дверь, но я пыталась сохранить хотя бы внешнее спокойствие.

Десять лет... Изменилась ли она? А я изменилась?

Я проглотила ком в горле.

В высоком атриуме коридора слышались шаги Фло, лязгнув замок на тяжелой двери, зазвучали голоса.

Я прислушивалась изо всех сил. Это не Клэр. Голос, который я различила за смехом Фло, был отчетливо... мужским?

Нина перекатилась на живот и приподнялась на локте.

– Так, так, так. А вот и наша игрек-хромосома пожаловала.

– Нина...

– Ну что? Что ты на меня так смотришь? Идем, познакомимся с единственным кобелем на этом сучьем сборище.

– Нина! Хватит!

– Хватит что? – Она встала.

– Хватит говорить пошлости.

– Какие пошлости? Я использовала метафору в чисто зоологическом смысле!

– Нина!

Но она уже поскакала вниз прямо в носках, и через мгновение я услышала ее голос: «Привет, мы вроде незнакомы».

Вроде незнакомы. Точно не Клэр. Я сделала глубокий вдох и пошла вниз.

Сначала я увидела их сверху, с лестницы. У девушки – очевидно, Мелани – были гладкие черные волосы, собранные в узел на затылке. Она улыбалась и кивала, слушая щебет Фло, и при этом не переставала рассеянно тыкать в экран телефона.

Рядом стоял парень с чемоданом «Берберри». У него были блестящие каштановые волосы, безукоризненно белая рубашка – явно после прачечной, ни один нормальный человек так хорошо бы ее сам не отгладил – и серые шерстяные брюки, идеально посаженные, наверное какой-нибудь «Пол Смит». Услышав мои шаги, он посмотрел вверх и улыбнулся.

– Привет. Меня зовут Том.

– Привет, я Нора.

Я заставила себя спуститься до конца и протянуть ему руку. Его лицо казалось смутно знакомым, но я никак не могла вспомнить, где его видела.

– А ты, наверное, Мелани?

Девушка оторвалась от телефона и подняла на меня глаза со смущенной улыбкой.

– Э-э, да, привет. Извините, я просто в первый раз уехала от ребенка. Ему полгода, оставила дома с папой. Очень волнуюсь, а телефон что-то совсем не ловит...

– Да, тут проблемы с сотовой связью, – сказала Фло виноватым голосом; она покраснела, то ли от нервов, то ли от восторга. – Ловится только в саду на холме и с балконов – в зависимости от того, какой у тебя оператор. Но в гостиной есть местный телефон, пойдём, я тебе покажу.

Они ушли, а мы с Ниной остались в компании Тома. Я все не могла отделаться от ощущения, что где-то его видела.

– Вы с Клэр вместе учились или работаете? – неловко спросила я.

– Ну, в театральных кругах все друг друга знают. На самом деле нас с ней мой муж познакомил – он режиссер.

Нина лукаво подмигнула мне у него за спиной. Я сделала ей страшные глаза, чем несколько озадачила Тома.

– В общем, мы с ней познакомились на благо-творительном вечере «Королевской театральной компании». У Брюса там была постановка, а мы с Клэр разговорились о работе.

– А ты актер? – спросила Нина.

– Нет, драматург.

Писателю всегда удивительно встречать кого-то из своего цеха. Сразу возникает некое чувство товарищества, тайная связь, как у масонов. Интересно, так у всех? Может, сантехники чувствуют то же самое при встрече с другими сантехниками и бухгалтеры тайком кивают друг другу?.. Хотя, наверное, дело в том, что у писателей не так много шансов встретиться. Все-таки большую часть времени мы проводим за работой в уединении.

– А Нора книги пишет, – ввернула Нина, цепко глядя на нас с таким видом, словно выпустила на ринг двух бойцов в легком весе.

– Правда? – Том посмотрел на меня совсем другим взглядом, будто только что увидел. – Какие?

Ненавижу этот вопрос. Никогда не любила обсуждать то, что пишу: так и не смогла перебороть в себе ощущение, что чужие люди копаются в моих личных мыслях и чувствах.

– Э... романы, – туманно ответила я.

Вообще говоря, детективные романы, но стоит об этом сболтнуть, как люди начинают предлагать криминальные схемы собственного сочинения.

– Серьезно? Под каким именем?

Это такая вежливая форма вопроса: «А ты вообще известная?»

– Эл-Эн Шоу, – ответила я. – «Эн» там просто так, второго имени у меня нет, добавила лишний инициал, чтобы произносилось полегче. А ты, значит, пьесы сочиняешь?

– Да. И часто завидую романистам: вы-то можете все контролировать и актеры не пытаются зарезать лучшие реплики.

Он улыбнулся, сверкнув неестественно белыми зубами. Наверное, фарфоровые виниры.

– Разве не приятно – работать вместе с другими людьми? – осмелилась предположить я. – Разделять ответственность? Все-таки театральная постановка – дело большое.

– Да, в этом есть свои плюсы. Конечно, славу приходится делить с другими, но и тухлые помидоры тоже.

Я собиралась продолжить разговор, но тут в гостиной Мелани резко положила телефонную трубку на рычаг. Том инстинктивно повернулся на звук, и по наклону головы и выражению лица я вдруг узнала в нем парня с фотографии из «Фейсбука».

На картинке рядом с Клэр был Том. Выходит, ее жених – кто-то другой.

Я еще переваривала это открытие, когда к нам с улыбкой вышла Мелани.

– Фух, наконец дозвонилась до Билла. На домашнем фронте все спокойно. Извините, что я тут была вся в своих мыслях, просто ни разу еще не уезжала от малыша. Не то чтобы я не доверяю Биллу, вовсе нет! Я знаю, что он справится... Просто... Ну ладно, хватит мне уже болтать о своем! Ты Нора, правильно?

– Идите все в гостиную! – крикнула Фло из кухни. – Я чай делаю.

Мы послушно выполнили указание. Я с интересом наблюдала за реакцией вновь прибывших на стеклянную стену.

– Занятный вид, – проговорил наконец Том.

– Есть такое. – Я посмотрела на лес: в сгущающихся сумерках у меня возникла иллюзия, что деревья приближаются к дому и почти закрывают собой все небо. – Чувствуешь себя как на ладони. Все-таки тут не помешали бы занавески.

– Да, неудобно. Как будто юбка заправлена в трусы, – ни с того ни с сего ляпнула Мелани и засмеялась.

– А мне нравится, – сказал Том. – Похоже на сцену.

– А мы кто, зрители? – спросила Мелани. – Увы, постановка скучная. Актеры как деревянные! – Она обвела нас глазами и, не найдя одобрения, принялась неловко объяснять шутку: – Ну, в смысле, там же лес и...

– Мы поняли, – кисло перебила Нина. – Тим ведь что-то другое имел в виду, правда?

– Том, – поправил Том слегка раздраженно. – Да, мне это представляется иначе. Мы актеры. А вон там... – Он повернулся к стеклу. – Вон там наш зритель.

Что-то заставило меня поежиться – не то угрюмый лес, молча взирающий с той стороны стекла, не то холодок, который Том и Мелани принесли в дом снаружи. В Лондоне еще стояла осень, но здесь, на много миль к северу, мы в одночасье перенеслись в зиму. Густые кроны сосен заслоняли и без того скудный свет, и воздух уже дышал грядущими морозами. Приблизилась ночь; дом стал похож на фонарик, сияющий во тьме. Я представила, как тысячи мотыльков и мошек кружат вокруг него, не в силах противостоять притяжению света, и разбиваются о холодное стекло.

– Я замерзла, – сказала я, чтобы сменить тему.

– Я тоже. – Нина потерла руки. – Может, печку раскочегарим? Она газовая?

– Не, дровяная. – Мелани встала на колени перед печкой и с трудом открыла дверцу. – У нас дома похожая. – Она повернулась в сторону кухни и крикнула: – Фло! Можно мы печку растопим?

– Можно! – донеслось в ответ. – Спички в горшке на каминной полке. Если не справитесь, я подойду через минутку.

На камине было несколько минималистичных горшков. Том принялся заглядывать в них в поисках спичек и вдруг замер, уставившись на то же, что прежде шокировало и меня.

– О-хре-неть... – проговорил он, глядя на ружье, висящее чуть выше уровня глаз. – А Чехова тут, типа, никто не читал?

– Чехова? – Фло протиснулась в дверь, удерживая на бедре поднос. – Это который русский? Не волнуйтесь, патроны в ружье холостые, кроликов пугать. А то они выкапывают луковицы и вообще разоряют весь сад. Если тетя их видит – стреляет из окна.

– Ну, прямо... по-техасски, – заметил Том, любезно взяв у нее поднос. – Не то чтобы мне не нравилась лихая эстетика американского Юга, но когда такая штука висит перед носом... слегка действует на нервы – особенно тем, у кого они слабые.

– Да, я понимаю, стоило бы держать ружье не на видном месте, – согласилась Фло. – Оно принадлежало моему дедушке и вроде как семейная реликвия.

Мелани затопила печку, Фло принялась разливать чай, угощая всех печеньем, и разговор потек сам собой: о ценах на прокат машин и аренду жилья, о том, как правильно – наливать молоко в чашку сразу или потом... Я сидела молча, погружившись в свои мысли.

– Чаю?

Я не сообразила, что обращаются ко мне, и вздрогнула от неожиданности, когда Фло похлопала меня по плечу, не дождавшись ответа.

– Чаю хочешь, Ли?

– Нора, – поправила я, выжав из себя улыбку. – Э-э... прости, а кофе есть? Забыла предупредить, я не пью чай.

– Ой, извини, пожалуйста, – пролепетала Фло с самым расстроенным видом. – Мне стоило подумать... Кофе нет. И купить негде – до ближайшей деревни сорок минут, магазин уже закроется. У меня в голове была одна Клэр, когда я закупала продукты, она так любит чай, что я даже не...

– Ничего, – перебила я с улыбкой. – Могу и чаю попить. Не расстраивайся.

Я взяла у нее из рук чашку и сделала глоток. Чай был обжигающе горячий и на вкус предсказуемо омерзительный – бурая жижа с молоком.

– Клэр скоро подъедет. – Фло посмотрела на часы. – Ну что, может, я пока изложу нашу программу?

Все закивали, Фло извлекла листочек со списком. Я скорее почувяла кожей, чем услышала, как Нина испустила тяжелый вздох.

– Так вот, Клэр приедет в шесть, потом мы немного выпьем – у меня тут шампусик в морозилке и всякие ингредиенты для мохито, маргариты и всего такого. И, думаю, полноценным ужином морочиться не будем. – (Тут у Нины вытянулось лицо.) – Есть пицца, есть разные крекеры, есть во что их макать – короче, выставим все на журнальный столик и устроим фуршет. А в процессе немного поиграем, чтобы познакомиться. Может, сейчас и начнем? Просто расскажем пару слов о себе, пока дожидаемся Клэр?

Мы переглянулись, оценивая друг друга, прикидывая, кому хватит смелости начать. Впервые я попыталась вообразить Тома, Мелани и Фло рядом с Клэр, и это оказалось довольно сложно.

Хотя нет, вот с Томом было как раз очевидно. Роскошная одежда, театральная среда – у них с Клэр много общего. Клэр всегда любила красивых людей – и женщин, и мужчин – и окружала себя ими, испытывая искреннюю, бесхитростную гордость за их привлекательность. В этом не было ни грамма фальши: Клэр не видела в чужой красоте никакой для себя угрозы; в конце концов, с ее внешними данными и вкусом она могла себе это позволить. И она очень любила помогать другим выглядеть лучше и подчеркивать свои достоинства, даже тем, у кого этих достоинств не так много, – например, мне. Помню, как перед вечеринками она таскала меня по магазинам, одно за другим прикладывала платья к моей тощей плоскогрудой фигурке и, поджимая губы, оценивала результат, пока не находила то, что сидело идеально. Она сразу видела, что кому пойдет. Всегда говорила, что мне стоит сделать короткую стрижку. В школе я ее не слушала, но вот теперь, десять лет спустя, я живу с короткими волосами и понимаю, что она была права.

Насчет Тома все более или менее ясно, а вот дружба Клэр с Мелани и с Фло... Из переписки я сделала вывод, что Мелани то ли бухгалтер, то ли юрист, и она действительно выглядела как человек, которому привычнее носить костюмы. Обувь и сумка у нее были дорогие, а джинсы смотрелись очень вынужденно и явно подбирались без особой любви к предмету – самого простого синего цвета и неудачного мешковатого кроя. Десять лет назад Клэр бы едко окрестила такие «мамашкиными штанцами».

У Фло джинсы были явно дизайнерские, однако сидели на ней неожиданно плохо. Создавалось впечатление, что она просто купила комплект с манекена в «Олл Сэйнтс», не задумываясь, насколько эта одежда ей пойдет и ее ли это вообще размер. Она то и дело одергивала слишком короткий топ, прикрывая складки над врезающимися в бока узкими джинсами со слишком низкой посадкой. Все это прекрасно подошло бы для Клэр и было бы вполне в ее духе, но только кто-то очень жестокий мог нарядить так Фло.

И я никак не могла представить ни Фло, ни Мелани рядом с той Клэр, которую я знала. Неужели действительно как подружались в университете, так и продолжают общаться? Знаем мы эту студенческую дружбу... На заре первого курса заводишь толпу приятелей, потом со временем понимаешь, что между вами нет ничего общего, кроме необходимости посещать одни и те же лекции, но отчего-то год за годом продолжаешь посылать открытки по праздникам и ставить лайки в «Фейсбуке». Хотя... прошло десять лет. Клэр теперь может быть совсем другой. Возможно, это Фло и Мелани сейчас трудно представить ее дружбу со мной.

Обведя глазами остальных, я поняла, что они делают то же самое – оценивают новых знакомых, прикидывая, как они могли попасть в число ближайших друзей Клэр. Том разглядывал меня с неприкрытым любопытством, и я поспешно отвела глаза. Начинать не хотел никто. Молчание стало неловким.

– Давайте я буду первой, – наконец вызвалась Мелани.

Она убрала волосы с лица и нервно потеряла цепочку на шее. Я заметила маленький, очень простой серебряный крестик.

– Я Мелани Чжоу, ну, то есть Блейн-Чжоу, но это слишком длинно, так что на работе я представляюсь девичьей фамилией. Хотя мы с Клэр и Фло учились на одном курсе, я поступила через два года после школы, так что я немного вас всех постарше... То есть не знаю, сколько тебе, Том. Мне двадцать восемь.

– Двадцать семь, – сказал Том.

– Значит, я среди вас самая старая. У меня недавно появился ребенок... ну, как недавно, полгода назад. Я еще кормлю, так что отнеситесь с пониманием, если я вдруг выбегу из комнаты в ни с того ни с сего промокшей майке.

– Сцеживаешься, да? – сочувственно спросила Фло.

За ее спиной Нина скосила глаза к переносице и изобразила, что вешается. Я отвернулась, чтобы ее не поощрять.

– Да. Сначала хотела замораживать, потом передумала. Наверняка же хоть немного, но выпью. Да и везти замороженное назад такой геморрой... Так, что еще... Живу в Шеффилде, работаю юристом, сейчас в отпуске по уходу за ребенком. С Беном остался муж. Бен – это наш сыночек. Он очень... ладно, не буду мучить вас болтовней. Он просто чудесный.

Ее встревоженное лицо осветилось улыбкой, на щеках появились ямочки, и у меня кольнуло сердце. Я не завидовала – у меня уж точно не было никаких мыслей о беременности, – но все же ощутила тоску по такому полному, безоговорочному счастью.

– Ладно, фоточку-то покажи! – сказал Том.

Мелани опять просияла и с готовностью достала телефон.

– Если настаиваете. Вот тут он только что родился...

На фото была Мелани, белая как простыня, с кое-как собранными волосами. Она устало улыбалась белому кульку, который прижимала к груди.

Мне пришлось отвести взгляд.

– А тут он улыбается. Это не первая улыбка, первую я не поймала, но Билл улетел в командировку в Дубай, так что я постаралась сфотографировать следующую и отправила ему. А вот такой он сейчас, тут личико хорошо видно. Надел на голову тарелку, милаха...

Здесь ребенок, конечно, разительно отличался от своей версии с первого фото. Там был надушенный синюшный комочек, тут – хохочущий щекастый малыш с оранжевой пластиковой миской на голове, весь перемазанный в какой-то зеленой жиже.

– Милаха! – воскликнула Фло. – Наверное, на папу похож?

– О господи! – Том вытаращил глаза в полупритворном ужасе. – Вот оно, родительство, добро пожаловать, все, что не выдержит многократной машинной стирки, просим оставить у входа.

– Ну да, что-то вроде того. – Мелани с улыбкой убрала телефон. – Но привыкаешь на удивление быстро. Для меня уже в порядке вещей перед выходом из дома проверять, нет ли каши в волосах... Все, хватит, а то я уже скучаю! Давай теперь ты, Нина. – Она повернулась к Нине, которая устроилась поближе к печке, обхватив колени. – Мы с тобой вроде встречались в Дареме? Или я путаю?

– Нет, не путаешь. Я к вам раз заезжала по пути к приятелю в Ньюкасл. Фло не помню, а с тобой мы точно пили в баре. Пили же?

Мелани закивала.

– Ну, короче, для тех, кто не знает: я Нина, мы с Клэр и Норой вместе учились в школе. Я врач... то есть учусь на хирурга. Вот недавно вернулась, работала три месяца в организации «Врачи без границ» и узнала об огнестрельных ранениях гораздо больше, чем хотела о них знать... Не верьте таблоидам, в Хакни мы все-таки сталкиваемся с огнестрелом не так часто.

Она вдруг потеряла лицо ладонями. Впервые я увидела в ее броне трещинку. Я, конечно, догадывалась, что Колумбия не прошла даром, но после ее возвращения оттуда мы виделись всего пару раз, и она ничего не рассказывала, разве что пошутила про ужасную местную еду. Теперь же я задумалась, каково ей пришлось – каждый день штопать людей... которым это не всегда помогает.

– Короче. – Нина выжала из себя улыбку. – Я все, теперь пусть Тимми отдувается. Давай, мальчик Тим, твоя очередь.

– Ну хорошо... – Том криво усмехнулся. – Начнем с того, что зовут меня Том. Том Френч. Как меня тут уже отрекомендовали, я драматург. Не то чтоб сильно известный, но кое-что авангардное написал и даже награды имею. Мой супруг – театральный режиссер Брюс Уэстерли, возможно, вы о нем слышали...

Возникла пауза. Нина помотала головой. Том обвел взглядом всех и наконец с надеждой посмотрел на меня. С неохотой я тоже ответила «нет». Мне было очень неловко, но смысла врать я не видела. Том вздохнул.

– Да, люди, далекие от театральной жизни, не особенно обращают внимание на фамилии режиссеров. А с Клэр мы познакомились как раз через театр. Она ведь работает в «Королевской театральной компании». Брюс много с ними сотрудничает, ставил у них «Кориолана», например.

– О, «Кориолана»! – повторила Фло, энергично кивая.

Желая оправдаться за свое невежество, я тоже закивала – пожалуй, слишком энергично, потому что сразу почувствовала, как с волос сползает заколка. Нина зевнула, поднялась и молча вышла.

– Мы живем в Камдене. У нас пес по кличке Спартак. Если коротко, то Спарки. Порода – лабрадудель, помесь лабрадора с пуделем. Ему два года. Такой сладкий, но, конечно, не самая подходящая собака для пары трудолюбов, которые все время в разъездах. К счастью, мы нашли ему чудесную няню, она его выгуливает, когда нас нет. Так, что еще... Я вегетарианец. Господи, больше и сказать-то нечего. Хватило двух минут, чтобы перечислить все самое интересное. А, у меня есть татуировка. Сердце на левой лопатке. Вот, собственно, и все. Давай теперь ты, Нора.

По совершенно непонятным причинам я вдруг покраснела и уронила чашку, разлив чай на колени. Поспешно вытираясь краем шарфа, я заметила, что Нина вернулась. В одной руке у нее был табачный кисет, другой она ловко сооружала самокрутку, не сводя с меня темных глаз.

– Да мне и говорить особо нечего, – проямлила я. – Я, как и Нина... Клэр знаю со школы...

Мы не общались десять лет.

Я понятия не имею, зачем я здесь.

С трудом сглотнув, я продолжила:

– Мы с ней давно не виделись... как-то жизнь раскидала.

Лицо у меня горело. Еще и печка наконец раскочегарилась. Я машинально попыталась заправить волосы за уши, забыв, что у меня теперь короткая стрижка, так что пальцы скользнули по коротким взмокшим прядям, и жест вышел совсем беспо-мощным.

– Я писатель. Окончила Университетский колледж Лондона, какое-то время работала в одном журнале, без особых успехов, потому что всякую свободную минуту строчила роман – вместо того, чтобы набирать материал для статей и заводить полезные контакты. Короче, первую книгу я выпустила в двадцать два года и с тех пор только этим и занимаюсь.

– То есть ты реально зарабатываешь писательством на жизнь? – Том вскинул бровь. – Ого... Респект.

– Ну, не то чтобы прямо совсем одним писательством... Иногда даю онлайн-уроки, иногда колонки в журналы пишу. Ну, и еще мне повезло. – Тут я прикусила язык. – То есть,

конечно, нельзя называть такое везением. Короче, умер дедушка и оставил мне небольшое наследство. Хватило на маленькую студию в Хакни. Она совсем крошечная, помещаюсь я и ноутбук, зато хотя бы о крыше над головой можно не беспокоиться.

– Здорово все-таки, что вы до сих пор подруги, – заметил Том. – Ну, в смысле, вы с Клэр и Ниной. Я после школы не общался ни с кем из одноклассников. Они в большинстве были мне совершенно чужими людьми. Да и вообще не скажу, что у меня остались приятные воспоминания о школе.

Говоря это, он не сводил с меня глаз, и я еще больше покраснела. Опять попыталась заправить волосы за ухо и уронила руку. Возможно, мне показалось, но в его взгляде сквозило какое-то ехидство. Он что-то знает? Он явно ждал от меня каких-то комментариев, однако обсуждать эту тему я не хотела. Пауза стала неловкой. Я мялась, изнывая от неправильности всего происходящего. Что я тут делаю? Десять лет прошло. *Десять лет!*

– Да у кого они остались-то, приятные воспоминания, – наконец пришла мне на помощь Нина. – Я лично помню только, что школа – отстой.

Я посмотрела на нее с благодарностью, а она едва заметно подмигнула мне в ответ.

– Так в чем тогда секрет долголетия вашей дружбы? – не унимался Том. – Как вам удается ее поддерживать?

Я смерила его откровенно неприязненным взглядом. Ну чего прицепился? И не одернуть его никак, не рискуя выставить себя полной идиоткой...

– Сама удивляюсь, – ответила я с вымученной улыбкой. – Просто нам везет, наверное.

– А муж или партнер у тебя есть? – спросила Мелани.

– Ни того, ни другого, даже лабрадудля нет.

Это должно было прозвучать как шутка, и все действительно засмеялись, но без особого энтузиазма и с явной жалостью. Я передала эстафету Фло, желая поскорее выйти из центра внимания.

Фло же была счастлива поговорить о своей дружбе с Клэр.

– Мы познакомились в университете. Обе поступили на историю искусств и попали в одно общежитие. Я зашла в общую комнату и увидела ее. Она смотрела сериал «Жители Ист-Энда» и грызла прядь волос – ну, знаете, эта ее милая привычка намотать локон на палец и его покусывать. Такая прелесть!

Я попыталась вспомнить, водилась ли за Клэр в школе такая «милая привычка», но ничего на ум не шло. Хотя нет, в памяти возникла картинка: Клэр сидит в кафе возле школы и рассеянно наматывает на палец кончик косы. Может, она его и грызла, не помню уже...

– На ней было голубое платье – она и сейчас в него влезает, представляете? Я лично после универа поправилась килограмм на шесть! Ну, короче, я сказала «привет», а она мне: «Ух ты, красивый шарф». И с тех пор мы лучшие подруги. Я... В общем, она такая классная! Всегда меня вдохновляет, поддерживает... Немногие могут, как она... – Фло осеклась, и я с ужасом заметила, что у нее увлажнились глаза. – Ладно, проехали... Она моя каменная стена, и я для нее на все готова. Вот на все. И я очень хочу сделать для нее *идеальный* девичник. Чтобы прошло как по маслу. Для меня это *безумно* важно. Это как... короче, как последнее, что я могу для нее сделать, понимаете?

И все это со слезами и с таким искренним пылом... Я даже слегка испугалась и, покосившись на остальных, поняла, что не одна такая. На лице у Тома была оторопь, а Нина вскинула брови так высоко, что они скрылись под челкой. Одна Мелани сохранила безмятежный вид – словно такой накал эмоций по отношению к подруге был для нее в порядке вещей.

– Ну... она просто замуж выходит, не в тюрьму садится, – сухо заметила Нина.

Фло либо не услышала, либо намеренно пропустила слова мимо ушей. Она откашлялась и утерла глаза.

– Извините. Господи, вот я сентиментальная рохля...

– Э-э... а чем ты по жизни занимаешься? – вежливо спросил Том, и тут до меня дошло, что Фло говорила только про Клэр и почти ничего не рассказала о себе.

– Ой, ну я... – Фло потупилась. – То тем, то этим... После универа я не сразу начала работать. У меня был тяжелый период. Клэр такая милая, так меня тогда поддержала. Когда я... Ну, не важно. Я к тому, что она... она самая лучшая подруга на свете, о такой можно только мечтать. Господи, что-то я совсем нюни распустила! – Она высморкалась и встала. – Кому еще чаю?

Чаю больше никто не хотел. Фло забрала поднос и ушла на кухню. Мелани снова посмотрела на телефон, проверяя сигнал.

– Очень странно, – произнесла Нина без всякого выражения.

– Что? – рассеянно спросила Мелани, отрываясь от экрана.

– Я про Фло и этот ее в кавычках идеальный девичник. Вам не кажется, что это немного... че-ресчур?

– А... – Мелани бросила взгляд в сторону кухни и понизила голос. – Знаете, может, с моей стороны и нехорошо об этом распространяться, но я не вижу смысла скрывать. На третьем году в универе у Фло было что-то вроде нервного срыва. Она забрала документы до выпускных экзаменов и, насколько мне известно, так и не закончила учебу. В общем, поэтому ей немного сложно все это обсуждать.

– Э-э... ну ладно, – только и ответила Нина.

Но я знала, что она думает: странно вовсе не то, что Фло не захотела вдаваться в подробности своей жизни после универа – в этом как раз никто не увидел ничего особенного. Странно звучало все остальное.

Глава 5

Я хочу спать, но мне светят фонариком в глаза. Меня обследуют, проверяют, сканируют, снимают мою окровавленную одежду. Что случилось? *Что я сделала?*

Меня везут по длинным коридорам с приглушенным на ночь светом. За стеклянными дверьми палат спят пациенты. Некоторые просыпаются от шума каталки, и по их потрясенным лицам я вижу, что выгляжу жутко. От меня отворачиваются с ужасом и жалостью.

Врачи задают мне вопросы, на которые я не могу ответить, говорят мне что-то, что я не могу за-помнить.

Наконец меня подключают к монитору сердечного ритма и оставляют одну.

Я с трудом поворачиваюсь на бок и вижу ее через стеклянное окошечко в двери. Женщина в полицейской форме терпеливо ожидает, сидя на табурете.

Меня почему-то стерегут.

Я лежу и смотрю женщине в затылок. Хочется немедленно встать и пойти к ней с вопросами, но я не осмеливаюсь. Отчасти потому, что не уверена в своих одеревенелых ногах, отчасти потому, что боюсь услышать ответы.

Кажется, я лежу довольно долго, слушая гул приборов и щелканье аппарата, впрыскивающего морфий. Боль в голове и ногах отступает, становится далекой. И тогда я наконец засыпаю.

Мне снится кровь, растекающаяся по полу большой лужей. Я стою в ней на коленях, пытаюсь ее остановить. Она впитывается в мои пижамные штаны, расплывается по деревянному полу...

И я просыпаюсь.

Некоторое время я просто лежу с колотящимся сердцем. Глаза привыкают к полумраку палаты. Я чувствую сильнейшую жажду и боль в мочевом пузыре.

На тумбочке прямо на уровне головы стоит пластиковый стакан. С трудом дотягиваюсь до него, цепляю одним трясущимся пальцем за край, тяну к себе. Вода безвкусная и отдает пластиком, но какое же наслаждение ее пить! Я осушаю стакан и роняю голову на подушку, отчего перед глазами вспыхивают звезды.

Только теперь я замечаю провода и монитор, освещающий палату маленькими зелеными огоньками. Один провод тянется к пальцу на моей левой руке. Я подношу ее к лицу, чтобы рассмотреть провод, и с удивлением понимаю, что рука вся в крови и царапинах, и без того короткие покусанные ногти об-ломаны.

Я помню машину... Помню, как бежала по битому стеклу... Помню, что потеряла один ботинок...

Осторожно касаюсь ступней о ступню. Одна болит, вторая ничего не чувствует под толстой повязкой. Одна голень обмотана медицинской клейкой лентой.

Я случайно касаюсь рукой правого плеча, вздрагиваю и опускаю взгляд.

Из-под больничной сорочки виден огромный синяк, расплывшийся по всему плечу. Я осторожно приспускаю ворот. Вижу центр синяка – набухшее багровое пятно над подмышкой. От чего он? Я точно знаю ответ, но он упрямо не желает вспоми-наться.

Автокатастрофа? Или... на меня напали?

Морщась от боли, я запускаю руку под простыню, веду ладонью по груди, животу, бокам. Руки у меня изрезаны, однако на теле вроде никаких повреждений. Я провожу по бедрам, трогаю между ног.

Там какая-то толстая прокладка. Боли нет. Нет порезов, синяков на внутренней стороне бедер.

По крайней мере, не *это*.

Я расслабляюсь и закрываю глаза от усталости. Я устала от попыток вспомнить, устала бояться. Щелкает аппарат с морфием, и все теряет значение.

Проваливаясь в сон, я вижу перед собой образ: охотничье ружье, висящее на стене.

И вдруг понимаю.

Это синяк от отдачи. Значит, я стреляла из ружья.

Глава 6

– Фло...

Я заглянула в кухню. Фло загружала чашки в посудомоечную машину.

– Ой, а ты чего все сама-то? Давай вместе.

– Да ну, брось, я закончила! – Фло захлопнула дверцу. – Я тебе чем-то могу помочь?

Извини, что так получилось с кофе.

– Что?.. Да ничего страшного, переживу. Слушай, я спросить хотела, а когда будет Клэр?

– К шести. – Она посмотрела на кухонные часы. – Часа полтора убить осталось.

– Я просто подумала... Ничего, если я выйду на небольшую пробежку?

– На пробежку? – переспросила Фло с изумлением. – Да ничего, конечно, только темнеет уже...

– Да я недалеко. Просто мне надо...

Я замялась. Ну как ей объяснишь, я и себе-то объяснить не могу. Просто мне надо было выйти. Надо бежать.

Бегаю я почти каждый день. У меня четыре маршрута – по Виктория-парк в хорошую погоду и по улицам, когда дождь или темно. Я, конечно, устраиваю себе передышку на день-другой в неделю – говорят, это необходимо для восстановления мышц, – но потом тяга нарастает и потребность бежать становится императивной. Если этого не сделать, на меня нападает, ну... что-то вроде клаустрофобии. Вчера я не бегала – слишком много времени ушло на сборы и всякие дела, которые надо было закончить до отъезда, – и теперь испытывала настойчивое желание как можно скорее выйти из этой стеклянной коробки. Дело было даже не в физической нагрузке – по крайней мере, не только в ней. Я пробовала бегать по дорожке в спортзале, но это оказалось совсем не то. Весь смысл заключался в том, чтобы вырваться из стен, убежать прочь.

– Время у тебя еще есть, но лучше поторопись. – Фло глянула в окно. – Вечером в лесу *реально темно*.

– Я быстренько. Тут какие-нибудь дорожки есть?

– М-м... Думаю, лучше тебе бежать по тропинке... Сейчас, пойдем в гостиную, я покажу. – Она подвела меня к окну гостиной и ткнула в просвет между деревьями. – Короче, вот тропа, она ведет через лес к главной дороге. На ней будет меньше грязи, чем там, где вы на машинах подъезжали. Беги по ней до асфальтовой дороги, потом поверни направо и возвращайся тем путем, как вы приехали. Будет уже совсем темно, а тропинка без ограждений, так недолго и заблудиться. Погоди-ка. – Она пошла на кухню, порылась в ящике и выудила что-то похожее на запутанные подтяжки. – Вот, держи. Наголовный фонарик.

Я поблагодарила и вприпрыжку поскакала наверх переодеваться. Нина была в комнате – валялась на кровати, глядя в потолок и слушая музыку с айфона.

– По-моему, наша Фло просто ку-ку, – сообщила она мне, вынув наушники.

– Это клинический термин, доктор да Суза?

– Конечно! Сокращенное от латинского «кукуфикус», или «великая кукушка», что, в свою очередь, уходит корнями в языческие верования о том, что песня кукушки насыляет безумие.

Смеясь, я стянула джинсы и влезла в термолегинсы.

– Если уж великая, тогда «кукуссимус». А где мои кроссовки? Я их у двери оставила.

– Закинула к тебе под кровать. Кстати, о ку-ку. Ты что, реально сейчас бегать собралась?

– Ну да, а что?

Я нырнула за кроссовками. Разумеется, вот они, в самом дальнем и пыльном углу.

– «А что?» Дай подумать. – Нина принялась загибать пальцы. – Во-первых, уже темнеет. Во-вторых, место незнакомое. В-третьих, в доме есть халявная еда и бухло. В-четвертых, я не говорила, что там уже темно, как в заднице?!

– Так уж прям как в заднице...

Я бросила быстрый взгляд на окно, зашнуровывая кроссовки. Стемнело, конечно, но не настолько, чтобы ничего не видеть. Небо было ясное, еще подсвеченное жемчужно-серым сиянием на западе, а на востоке из-за вершин деревьев выплывала луна.

– Сейчас полнолуние, так что совсем темно не будет, – сообщила я.

– Вы так уверены, мисс «я восемь лет не вылезала из Лондона и не отходила дальше пятидесяти метров от уличного фонаря»?

– Уверена. – Я затянула узлы потуже и выпрямилась. – Хватит зудеть над ухом. Мне надо выйти растряситься, или я тут реально с ума сойду без всякого пения кукушек.

– Что, тебе здесь настолько плохо?

– Нет.

На самом деле да. Мне было очень плохо, и я не могла объяснить этого Нине. Насколько мне плохо от того, что совершенно чужие люди ковыряются в нашем с Клэр прошлом, как в полузажившей ране.

Приезжать не следовало, это я уже хорошо поняла, но ничего не поделаешь: меня привезла Нина, и уехать я теперь могу только вместе с ней.

– Все нормально, просто хочу подышать. Мне надо. Через часик вернусь.

И я побежала вниз по лестнице, Нина же изобразила демонический хохот мне вслед:

– Беги, беги, все равно не убежишь!

Я выскочила на холодный свежий воздух и принялась разминаться у гаража. Чувство нависающей угрозы, граничащее с клаустрофобией, тут же бесследно исчезло. Неужели все дело в стеклянных стенах? Сидишь в них, как в аквариуме, и кто угодно снаружи может рассматривать тебя, оставаясь невидимым... А может, еще оттого, что комнаты в доме совершенно безликие, неживые... Как больница. Или полигон для социальных экспериментов.

Так или иначе, ощущение, что за мной кто-то наблюдает, прошло.

Я побежала.

Бежать легко. Никаких вопросов, никакого беспардонного любопытства, только холодный, восхитительный лесной воздух и негромкий стук подошв по ковру из сосновых иголок. Прошел довольно сильный дождь, но вода здесь не собиралась в лужи, как на утопанной дороге, а уходила в мягкий грунт. Передо мной на многие мили была чистая, пружинистая тропа, усыпанная слоем игл с тысячи де-ревьев.

В моей семье больше никто не любил бегать, но вот бабушка любила ходить. Она рассказывала, что в детстве, когда ссорилась с подружками, писала имя обидчицы мелом на подошве и шла. К тому времени, как надпись стиралась, успевала пройти и злость.

Я ничего не пишу на подошвах. Я повторяю слова в голове до тех пор, пока не перестаю их слышать за стуком сердца и шагов. Сегодня я повторяла имя – хотя уже давно не злилась на его обладательницу. *Клэр, Клэр, Клэр, Клэр...*

Я бежала и бежала по лесу, и вокруг меня были сгущающаяся тьма и лесные шорохи. Я видела, как над головой у меня пролетают летучие мыши, слышала треск веток, ломаемых какой-то живностью. Один раз через тропу перебежала лиса и совершенно нахально остановилась, разглядывая меня и потягивая носом воздух.

Тропа шла немного под уклон, так что бежать было одно удовольствие – я словно летела по сумеречному лесу. И я совсем не боялась. Здесь те же деревья казались не молчаливыми наблюдателями за стеклом, а радушными друзьями, принимающими меня у себя в гостях. Они расступались передо мной, и я легко, почти не запыхавшись, бежала по тропинке.

Я понимала, что назад придется бежать в горку, причем по грязной и мокрой грунтовке, где можно запросто свалиться в наполненную водой канаву, и надо успеть добраться туда, пока еще хоть что-то видно. Я поднажала. Я не могла ориентироваться по времени и даже не знала точного расстояния маршрута – просто мне было известно, с какой максимальной скоростью я смогу бежать долго. Перепрыгивая через ствол поваленного дерева, я пошла на риск и на секунду прикрыла глаза, представляя, что я лечу и никогда больше не спущусь на землю.

Наконец впереди замаячила асфальтовая дорога – бледно-серая змея в сумраке. Когда я выбежала на нее, над головой заухала сова. Следуя инструкциям Фло, я свернула направо и припустила по асфальту. Однако пробежать успела недалеко, потому что за спиной послышался шорох автомобильных шин. Я посторонилась на обочину и встала, пропуская машину – не хватало только попасть под колеса кому-то, кто совсем не ожидает здесь пешеходов.

Она проехала мимо с оглушительным ревом – после тишины ночного леса шум мотора напоминал визг бензопилы. Ослепленная светом фар, я пыталась проморгаться, глядя вслед красным габаритным огням, похожим на рубиновые глаза в полумраке.

Я надеялась, что глаза быстро снова привыкнут к темноте, но нет, тьма теперь казалась значительно гуще, и мне вдруг стало страшно, что я могу упасть в канаву или споткнуться о какую-нибудь ветку. Нашупав в кармане наголовный фонарик, я кое-как нацепила его. Он был очень неудобный – крепление врезалось в кожу, но при этом он все равно болтался на голове, норовя вот-вот свалиться от тряски. Зато, по крайней мере, я видела перед собой островок асфальта с яркой белой разметкой.

Вскоре я добежала до поворота на подъездную дорожку и замедлила шаг.

Как же я была теперь благодарна Фло за фонарик. Тут нормальный бег был уже невозможен – так, осторожная трусца в обход луж и предательских ям, в которых легко подвернуть лодыжку. Грязь налипла на кроссовки, и они стали тяжелые, как кирпичи.

Я пыталась вспомнить, сколько там по этой дорожке до дома – полмили? Уже почти жалела, что не побежала обратно по лесу, хоть и в кромешной тьме... А потом вдалеке золотым маяком засиял стеклянный дом.

Подошвы увязали в грязи, словно дорога не хотела отпускать меня, хотела оставить здесь навсегда. Стиснув зубы, я прибавила ходу.

Я миновала, наверное, полпути, когда услышала за спиной шум. С асфальта на грунтовку сворачивала машина.

Часов у меня не было, телефон остался в доме. Неужели шесть? Я же бегу точно меньше часа...

Машина определенно едет сюда, тяжело взбираясь по уклону и объезжая ухабы.

Я прижалась к изгороди, прикрывая глаза от света и надеясь, что меня хотя бы не сильно окатят грязной водой, но тут машина остановилась. Дым из выхлопной трубы в свете луны поднимался белым облачком. Зажужжало, опускаясь, стекло, из стереосистемы донесся голос Бейонсе, но тот, кто сидел в машине, тут же приглушил звук.

Я сделала шаг к машине. Сердце колотилось сильнее, чем от самого быстрого бега. Фонарик у меня был направлен вниз, и я никак не могла изменить его положение, поэтому вообще стянула его с головы и направила на бледное лицо за рулем.

Хотя в этом не было никакой необходимости.

Я уже знала, кто там.

Клэр.

– Ли?! – изумленно выдохнула она, ладонью прикрывая глаза от света. – Господи, это правда ты? Я не... Ты что здесь делаешь?

Глава 7

Я замерла в полном замешательстве. Произошла кошмарная ошибка? Клэр и не думала меня звать, это Фло развела самодеятельность?

– Я... э... на девичник... Ты разве не...

– Ну ясное дело, на девичник! – Она расхохоталась, выпустив в воздух облачко пара. – В смысле, что ты делаешь в лесу в темноте? Готовишься к экспедиции на Северный полюс?

– Да я... на пробежку вышла. – Я попыталась напустить на себя полную невозмутимость, как будто бегать в темноте по лесу совершенно нормально. – И не очень уж тут холодно. Так, немного зябко.

На самом деле, конечно, было холодно, и, стоя на месте, я успела промерзнуть, так что испортила весь эффект от своих слов, невольно поежившись.

– Садись, поехали. – Она распахнула пассажирскую дверь.

– Ой, да у меня кроссовки грязные...

– Не волнуйся, машина арендована. Залезай уже, пока мы с тобой обе не околели!

Тепло нагретого салона сразу окутало меня сквозь холодную, мокрую от пота одежду. Кроссовки пропитались жидкой грязью насквозь, и ноги в них были как в болоте.

Клэр тронулась с места и выключила музыку. Внезапная тишина показалась мне оглушительной.

– Ну что... – неловко начала Клэр, глядя на меня в зеркало.

Она по-прежнему была такой же красивой. Глупо с моей стороны было предполагать, что за десять лет Клэр изменится, – она прекрасна. Даже в полумраке автомобильного салона, одетая в старую спортивную толстовку с капюшоном и замотанная в огромный шарф-снуд, она выглядела сногшибательно. Волосы у нее были собраны на макушке в небрежный пучок, и выбившиеся пряди живописно разметались по плечам. Алый лак на ногтях кое-где скололся – нет, никто бы не обвинил Клэр в том, что она слишком старается хорошо выглядеть. Она просто была идеальной, вот и все.

– Ну что... – эхом повторила я.

Рядом с Клэр я всегда чувствовала себя бедной родственницей, и за десять лет ничего не изменилось.

– Давно я тебя не видела. – Клэр барабанила пальцами по рулю. – Господи, как же я рада, что ты приехала, Ли...

Я молчала.

Мне хотелось сказать ей, что я теперь другая. И что зовут меня теперь Нора, а не Ли.

Хотела сказать ей, что общаться мы перестали не из-за нее, а из-за меня. Только... это было не совсем правдой.

Больше всего мне хотелось спросить ее, что я здесь делаю.

Но я не спросила. Я не произнесла ни слова. Просто смотрела на приближающийся дом.

– Я правда очень рада. Так ты теперь писательница, да?

– Ну да. – Это прозвучало странно и фальшиво, будто я врала или говорила о ком-то другом, о каком-нибудь дальнем родственнике, например. – Да, я писательница. Детективы пишу.

– Я слышала. То есть в газете читала. Здорово! Ты молодец, есть повод для гордости.

Я пожала плечами.

– Обычная работа.

Получилось неловко и едко – вопреки моему желанию. На самом деле я прекрасно понимаю: мне повезло. И ради этого везения пришлось немало потрудиться. И я этим горжусь.

– Ну... а у тебя как? – выдавила я.

– А я в пиаре. В «Королевской театральной компании».

Пиар. В общем-то ничего удивительного, и сейчас я улыбнулась совершенно искренне. Клэр и в двенадцать умела креативно подать историю... да что там, еще в пять.

– И я... счастлива, – тихо добавила она. – Знаешь, мне очень жаль, что мы с тобой так долго не общались. Вот сейчас вижу тебя, и... Нам же так здорово было вместе! – Она посмотрела на меня в призрачном зеленоватом свете приборной панели. – Помнишь нашу первую сигарету? – Клэр усмехнулась. – Первый поцелуй... первый косяк... как мы в первый раз пролезли в кино на фильм для взрослых...

– Как нас в первый раз вытолкали оттуда взашей, – продолжила я едко и тут же устыдилась.

Зачем я огрызаюсь? Никто не загонял меня в угол...

Но Клэр беззлобно расхохоталась.

– Господи, вот стыдоба! А мы-то думали, мы такие хитрые – отправили Рика за билетами, а сами пробрались через туалет. Кто же думал, что на входе в зал тоже будут проверять документы!

– Ой, Рик, я и забыла про него! Где он сейчас?

– А черт его знает! В тюрьме небось. За растление несовершеннолетних, если есть в этом мире справедливость.

Рик год продержался в роли бойфренда Клэр, когда нам было лет четырнадцать-пятнадцать. Рассекавший на байке двадцатидвухлетний хлыщ с вечно сальными патлами и золотым зубом. Мне он никогда не нравился. Даже тогда, в четырнадцать, меня передергивало от мысли, что Клэр спит в общем-то со взрослым мужиком – несмотря на очевидные бонусы в виде возможности покупать алкоголь и тусоваться по ночным клубам.

– Какой же он был мерзкий, – ляпнула я, не подумав, и прикусила язык, но Клэр снова лишь рассмеялась.

– Это уж точно! И как я тогда не понимала?! Казалась себе такой искушенной дамой: ну как же, сплю с мужчиной старше себя. Хотя это было в общем-то в шаге от педофилии.

Тут она ойкнула, потому что въехала колесом в яму. Мы замолчали – Клэр сосредоточилась на том, чтобы как можно аккуратней преодолеть последний, самый изрытый участок дороги, а потом мы наконец выехали на засыпанную гравием площадку перед домом и аккуратно втерлись между прокатной машиной Нины и «Лендрровером» Фло.

Клэр заглушила мотор, и с минуту мы просто сидели в темноте и смотрели на дом. Действительно, как Том и сказал, это было похоже на театральные декорации. Вот Фло хлопчет на кухне, засовывая что-то в духовку. Вот Мелани в гостиной склонилась над телефоном. И на авансцене Том – развалился с журналом на диване напротив окна. Только Нины не видно, наверное, опять курит на балконе.

«Что я здесь делаю? – снова подумала я с мучительным ужасом. – Зачем я приехала?!»

Клэр обратила ко мне лицо, залитое золотистым светом из окон дома, и заговорила:

– Ли...

– Слушай... – начала было я в ту же секунду.

– Что?

Я помотала головой.

– Нет, давай сначала ты.

– Да ладно, это не так уж важно. Говори ты.

Сердце у меня болезненно колотилось, и я вдруг поняла, что не смогу задать вертящийся на языке вопрос. Что у меня просто нет на это сил. И я выпалила совсем не то, что собиралась:

– Никто не зовет меня Ли. Я теперь Нора.

– Чего?

– Мне никогда не нравилось имя Ли. Я больше на него не отзываюсь.

– А... – Клэр умолкла, переваривая услышанное. – О'кей. Нора, значит?

– Да.

– Хорошо, я постараюсь запомнить. Хотя будет непросто, я ведь знаю тебя как Ли – сколько там? – двадцать один год.

«Никогда ты меня не знала», – мстительно по-думала я и помрачнела. Кому я вру? Знала меня Клэр. С пяти лет и как облупленную – в этом-то вся и беда. Она всегда видела под тонкой броней взрослости хилого перепуганного ребенка.

– Зачем, Клэр? – вдруг спросила я.

Она подняла на меня ничего не выражающее бледное лицо.

– Что зачем?

– Зачем я здесь?

– Господи... – Она опустила взгляд. – Я знала, что ты спросишь. Наверное, бесполезно сейчас гнать пургу про «возьмемся-за-руки-друзья»?

Я покачала головой.

– В общем, да. Если бы ты хотела взяться за руки, у тебя было десять лет, чтобы выйти на связь. Зачем ты позвала меня сейчас?

– Потому что...

Клэр сделала глубокий вдох, и я с изумлением поняла, что она нервничает. Это просто не укладывалось в голове. Я ни разу не видела, чтобы она хоть на секунду теряла самообладание. Даже в пять лет она могла одним взглядом заставить самого закаленного педагога смягчиться или смутиться – в зависимости от того, что ей было нужно. Пожалуй, именно это меня в ней и привлекало: я всегда мечтала быть именно такой – спокойной и уверенной в себе. Просто находясь в ее тени, я уже чувствовала себя сильнее.

Когда-то в прошлом.

Не теперь.

– Потому что... – Она нервно сплела пальцы, и на покрытых кроваво-красным лаком ногтях заиграли блики. – Потому что ты должна узнать это от меня. Лично. Я обещала... я обещала *себе*, что скажу тебе лично.

– Что скажешь?

Я не испугалась, скорее была озадачена. Забыла про грязные кроссовки, про запах пота от взмокшей одежды – вообще про все. Видела перед собой лишь тревожное лицо Клэр, вдруг ставшей такой уязвимой.

– Про свадьбу. – Она не смотрела на меня. – Про то, за кого я выхожу.

– За кого? – спросила я и, пытаясь разрядить обстановку, добавила: – Не за Рика же?!

– Нет. – Она наконец встретилась со мной взглядом, и я не увидела в ее глазах ни искры смеха, лишь стальную решимость, словно она собиралась сделать нечто очень неприятное, но совершенно необходимое. – Нет. Я выхожу за Джеймса.

Глава 8

Секунду я тупо смотрела на нее, на-деясь, что ослышалась.

– Что?!

– Я выхожу за Джеймса.

Я смотрела на деревья и слушала шум крови в ушах.

Джеймс?

Клэр и *Джеймс?*

– Поэтому я и позвала тебя сюда. – Клэр начала тараторить, словно боясь не успеть, словно почувствовав, что я в любую секунду выскочу из машины. – Я не хотела... думала, что не следует приглашать тебя на свадьбу, слишком тяжело будет. Но мне была невыносима мысль, что ты узнаешь об этом от кого-то другого.

– Но... кто тогда такой Уильям Пилигрим, скажи на милость?

Секунду Клэр смотрела на меня без всякого выражения, а потом поняла. Лицо ее изменилось, и в ту же секунду я вспомнила, почему мне знакомо это имя. Какая же я дура. Билли Пилигрим. «Бойня номер пять». Любимая книга Джеймса.

– Это его псевдоним для «Фейсбука», – проговорила я отрешенно. – Чтобы фанаты не донимали. Потому и фотографии в профиле нет. Так?

Клэр кивнула с несчастным видом.

– Я не хотела тебя обманывать, – проговорила она умоляюще и теплой ладонью схватила мою, ооченелую и забрызганную грязью. – И Джеймс хотел, чтобы я с тобой...

– погоди. – Я резко отдернула руку. – Ты с ним это обсуждала?

Она кивнула и закрыла лицо.

– Ли, я...

Она осеклась и сделала глубокий вдох, набираясь духу. А когда заговорила, в ее голосе зазвучала нотка вызова, отголосок прежней Клэр, которая считала нападение лучшей защитой, которая билась бы до последнего, но не склонила голову под обвинением.

– Слушай, извиняться я не стану. Мы не сделали ничего плохого. Я просто прошу тебя дать нам свое благословение.

– Зачем оно вам, если вы не сделали ничего плохого?

– Потому что ты была моей лучшей подругой!

Была.

То, что это вылетело у нее в прошедшем времени, мы засекли одновременно. Я увидела, как моя реакция отражается на лице Клэр.

«Да скажи уже ей. Я вас благословляю. Скажи!» Я до боли закусила губу.

– Я...

Распахнулась входная дверь. На пороге в прямоугольнике света возникла Фло. Прикрывая глаза ладонью, она вглядывалась в темноту. Буквально стояла на цыпочках, чуть не заваливаясь вперед – как ребенок перед праздником, охваченный восторженным нетерпением на грани истерики.

– Клэр? – В тишине ночного леса ее голос прозвучал оглушительно. – Это ты?

Клэр судорожно вздохнула и вылезла из машины.

– Флопси!

Если ее голос и дрожал, то едва различимо. Не в первый раз я подивилась ее актерскому таланту. Вполне ожидаемо, что она связала жизнь с театром, непонятно одно – почему сама на сцене не играет.

– Клэр, лапусик! – заверещала Фло и пулей метнулась с крыльца, шаркая по гравию плюшевыми тапками-кроликами. – Господи, наконец-то! Я услышала, что кто-то приехал, и жду, жду... Ты чего тут сидишь-то одна в темноте, глупенькая?

– Я болтала с Ли. В смысле, с Норой. Я на нее наткнулась у самого дома.

– Наткнулась? Не сбила же, я надеюсь? Ой! – Второпях Фло рухнула на колени, но тут же вскочила, отряхиваясь. – Ничего, ничего, я не ушиблась!

– Тихо, тихо, спокойно!

Смеясь, Клэр обняла Фло и потихоньку шепнула ей что-то на ухо. Фло закивала. Я стала неловко вылезать из машины. Все-таки стоило дойти пешком, зря я после бега сразу села. Мышцы сразу одеревенели, теперь мне было тяжело даже выпрямиться. Клэр посмотрела на меня.

– Ли, все нормально? Ты как будто прихрамываешь.

– Нормально. – Я тоже попыталась говорить как ни в чем не бывало. – Тебе с сумками помочь?

– Нет, спасибо, я належке. – Она достала из багажника единственную сумку и повесила на плечо. – Ну, пойдем, Фло, показывай, куда мне.

Я с трудом преодолела лестницу на второй этаж, неся грязные кроссовки за шнурки. Нины в комнате не было. Я стянула потную майку и забрызганные грязью легинсы и, оставшись в нижнем белье, залезла под одеяло.

Я лежала, глядя на круг света от прикроватного ночника, и думала.

Как я могла совершить такую глупую ошибку? Зачем я приехала?

Десять лет я пыталась забыть Джеймса, плетя вокруг себя кокон уверенности и самодостаточности. И мне казалось, что я добилась успеха. У меня была хорошая жизнь. Отличная жизнь! Любимая работа, собственная квартира, очень милые друзья, которые не знают ни Клэр, ни Джеймса и вообще никого из моей прежней жизни в Ридинге.

Я была независима – эмоционально, финансово и как угодно еще. И мне это нравилось.

Мне это очень, очень нравилось, всем спасибо, все пошли на хрен.

А теперь я вляпалась вот в это.

И хуже всего то, что я не могла винить Клэр. Они с Джеймсом действительно не сделали ничего плохого.

Они ничего не были мне должны. Мы с Джеймсом расстались больше десяти лет назад. Нет, виновата только я. В том, что так и не отпустила его. Так и не смогла отпустить.

Я ненавидела Джеймса за то, какую власть он продолжал надо мной иметь. За то, что я до сих пор сравниваю с ним каждого мужчину, проявившего ко мне интерес. Последний парень, с которым я переспала – а было это два года назад, – разбудил меня, потому что я металась и говорила во сне. «Кто такой Джеймс?» – спросил он и, увидев панику на моем лице, встал, оделся и ушел из моей жизни. И я не стала его возвращать.

Я ненавидела Джеймса и ненавидела себя. И прекрасно осознаю, какой я выгляжу неудачницей: влюбилась в шестнадцать и десять лет не могу забыть. Поверьте, никто не понимает этого лучше, чем я. Если бы я услышала эту историю от незнакомца в баре, я бы тоже была полна презрения.

Снизу слышались болтовня и смех, доносился запах пищи.

Мне надо было спуститься туда и тоже болтать и смеяться. Вместо этого я лежала калачиком под одеялом, зажмурившись и беззвучно крича.

Наконец я собрала волю в кулак и вылезла из постели, морщась от боли в мышцах. Взяла верхнее полотенце из стопки, которую Фло заботливо уложила в изножье каждой кровати, и пошла мыться.

Ванная располагалась в конце коридора. Я закрыла дверь, бросила полотенце на пол. Здесь тоже было выходящее на лес огромное окно без штор. Конечно, заглянуть в него снаружи

можно было, лишь забравшись на высокую сосну, и все же, раздеваясь, я подавила желание стыдливо прикрыть грудь.

С минуту я раздумывала, не обойтись ли без душа, просто переодевшись в чистое. Потом решила, что лучше все-таки смыть усталость, и осторожно влезла в душевую кабину. Душ пару раз фыркнул, и из его широкого раструба хлынул сильный поток горячей воды. Я стояла под ним, с наслаждением потягиваясь.

Из кабины было видно окно, хотя в темноте в нем мало что можно было разглядеть, кроме призрачного круга луны. Яркий свет превратил поверхность стекла в зеркало, и, намыливая и брея ноги, я видела свое отражение сквозь дымку пара. Все-таки что за женщина хозяйка этого дома? Он построен для вуайеристов. Нет, это те, кто любит смотреть... А как называется, когда наоборот?

Для эксгибиционистов.

Для тех, кто любит выставлять себя напоказ.

Может, летом тут по-другому – когда свет льется в окна до позднего вечера. Может, тогда стеклянные стены оправданны, поскольку дают возможность любоваться на горизонт. Однако сейчас все выглядело наоборот. Дом напоминал стеклянную витрину с диковинками, на которые интересно поглазеть. Или клетку в зоопарке. Вольер для тигров, в котором негде спрятаться. Я подумала о животных в зверинцах, которые день за днем, неделю за неделей меряют шагами свои загоны, медленно сходя с ума.

Выключив воду, я осторожно ступила на пол и посмотрелась в затуманенное зеркало, протерев его ладонью.

Собственное лицо меня испугало. Это было лицо человека, который приготовился к драке. Отчасти такое впечатление создавали короткие волосы – мокрые и кое-как вытертые полотенцем, они агрессивно торчали в разные стороны, как у боксера между раундами. Лицо в ярком свете казалось бледным и осунувшимся. Мрачные, обвиняющие глаза окружали темные круги, словно меня побили.

Я вздохнула и полезла в косметичку. Хотя у меня нет обыкновения делать полный макияж, блеск для губ и тушь я прихватила. Румян не было, но я втерла немного блеска по линии скул, чтобы немного убрать бледность. Потом натянула чистые узкие джинсы и серую футболку.

Внизу включили музыку. Билли Айдол, «Белая свадьба».

Эй, сестренка, что наделала ты?

Эй, сестренка, где тот, о ком твои мечты?

Эй, сестренка, кто твой супермен,

Где тот, кто был тебе всем?

Эй, сестренка, вот ружье!

Не начать ли все сначала?

Кто-то решил так смешно пошутить?

– Ли... в смысле, Нора! – крикнула Фло с лестницы. – Не хочешь перекусить?

– Иду! – прокричала я в ответ, тяжело вздохнув.

Потом завернула грязное белье в полотенце, подхватила косметичку и открыла дверь.

Глава 9

Внизу веселье уже было в разгаре. Том и Клэр подключили к колонкам чей-то айфон и теперь танцевали под Билли Айдола, а Мелани, смеясь, наблюдала за ними с дивана.

На кухне, где было адово пекло от раскаленной духовки, кто-то метал промышленные масштабы пиццы на подносы и разливал по мисочкам соусы. Кто-то в серых джинсах и серебристом дутом жилете. Я в некотором замешательстве подумала, что это Клэр, но тут она выпрямилась, утирая лоб, и я узнала Фло. В абсолютно такой же одежде, что и Клэр в соседней комнате.

От недоуменных мыслей о том, зачем она нарядилась как сестра-близнец невесты, меня отвлек сильный запах паленого.

– Что-то горит?

– Господи, лепешки! – взвизгнула Фло. – Ли, спасай их, пока пожарная тревога не сработала!

Кухня быстро заполнялась дымом. Я поспешно выхватила лепешки из тостера, бросила в раковину и побежала открывать дверь из кухни на улицу. Дверь была заперта, и ручка никак не поддавалась, однако в конце концов я сообразила, в чем хитрость. В кухню хлынул морозный воздух. Я с удивлением заметила, что лужи перед домом покрылись тонкой корочкой льда.

– Я посмотрела в баре, текилы нет, – раздался за спиной голос Нины. – Ты чокнулась? Закрой дверь, холод же собачий!

– Тут лепешки сгорели, – спокойно ответила я, захлопывая дверь.

По крайней мере, хоть немного проветрила.

– И в баре нет? – Фло подняла голову, убирая прилипшие потные волосы с лица. – Черт. Куда ж она запропастилась...

– Ты в холодильнике смотрела? – спросила Нина.

Фло кивнула.

– А в морозилке? – спросила я.

Фло хлопнула себя по лбу.

– Ну конечно! Я же хотела побыстрее охладить для маргариты! Вот идиотка!

– Аминь, – одними губами проговорила Нина, повернувшись ко мне.

Она нырнула в морозильную камеру, вытащила заиндевевшую бутылку и подхватила пару лаймов из миски на столе.

– Нора, возьми нож и доску, – распорядилась она. – Фло, ты говорила, где-то тут есть стопки?

– Да, в гостиной, за зеркальной дверцей. А мы точно хотим сразу пить текилу? Может, разумней повышать градус и начать с мохито?

– К черту разум, – бросила Нина, выходя из кухни, и прошептала мне: – Я должна как следует выпить, иначе меня доконает эта тягомотина.

При виде нас Клэр испустила радостный возглас. Не прекращая танцевать, она взяла у Нины бутылку, а у меня нож. Покачивая бедрами и рассыпая по всей комнате блики света от пайеток на топе, прошествовала к журнальному столу и с грохотом поставила на него бутылку.

– Текила! Не пила ее в чистом виде с тех пор, как двадцать один год отметила. Наверное, потому, что только сейчас отошла от похмелья!

Нина стала рыться в шкафу в поисках стопок, а Клэр, опустившись на колени, принялась нарезать лайм.

– Невеста первая! – крикнула Мелани.

Клэр с широкой улыбкой насыпала соли на запястье, взяла ломтик лайма. Нина налила стопку до краев и сунула ей в руку. Клэр лизнула соль, опрокинула в себя стопку и, зажмурив-

шись, вцепилась зубами в лайм. А потом выплюнула его на ковер и с размаху грохнула стопку на столешницу, морщась и хохоча.

– О господи, аж слезы из глаз! Сейчас вся тушь растечется!

– Барышня, да мы только начинаем, – сурово сказала ей Нина. – Теперь Ли... в смысле, Нора.

Я опустила на ковер, подсаживаясь к столу, а Том вдруг проговорил:

– Знаете, если вы не прочь добавить шика, я бы предложил перейти на коктейль «текила-ройяль».

– «Текила-ройяль»? – переспросила Нина, плеская текилу в стопку через край. – Это как? С шампанским, что ли?

– Можно и с шампанским. Хотя я люблю по-другому. – Том вытащил из кармана брुक пакетик с белым порошком. – Вот это будет поинтересней соли.

Господи... Я глянула на часы – восьми еще нет. Такими темпами к полуночи мы по потолку ходить будем.

Мелани скрестила руки на груди, холодно посмотрела на Тома и произнесла с отвращением:

– Кокаин? Seriously? Мы уже не студенты. Я вообще кормящая мать.

– Не хочешь – не нюхай. – Том равнодушно пожал плечами.

Неловкую паузу прервала Фло, нарисовавшаяся в дверях кухни с нагруженным подносом.

– А вот и пицца! – Руки у Фло подрагивали от тяжести, под мышкой она зажимала бутылку. – Может кто-нибудь быстренько освободить стол, пока я все это на тетушкин ковер не уронила?

Мы с Ниной принялись расчищать место на столе, а Клэр наградила Тома кисло-соленым поцелуем и проворковала:

– Знаешь, давай оставим это на десерт?

– Без проблем, – спокойно ответил Том, убирая пакетик в карман. – Зачем навязывать весьма недешевое удовольствие тем, кто все равно не оценит.

Мелани натянуто улыбнулась и вытащила из подмышки Фло бутылку.

– О, кстати, о шампанском...

– Ну, все-таки особый случай! – воскликнула Фло, сияя и совсем не чувствуя напряжения в атмосфере. – Ну-ка, Мелли, открывай, а я бокалы достану.

Мелани принялась сдирать с горлышка фольгу, Фло стала рыться в буфете. Наконец она, слегка запыхавшись, выудила на свет шесть высоких фужеров. В тот же миг раздался громкий хлопок, и пробка ударилась о плоский экран телевизора.

– Упс! – Мелани прижала пальцы к губам. – Извини, Фло.

– Ничего страшного, – жизнерадостно отозвалась Фло, но сама потихоньку стала рассматривать экран, проверяя, нет ли трещин.

Мелани протерла бутылку рукавом и, загнанно оглядываясь на Фло, разлила шампанское по бокалам.

Все взяли по одному. Я постаралась улыбнуться. Не люблю шампанское – у меня от него сразу начинается изжога и зверская головная боль, да и вообще я как-то не пью шипучих напитков. Однако возможности отказаться мне не дали.

Фло подняла бокал, обвела взглядом наш маленький кружок, встречаясь глазами с каждым, и остановилась на Клэр.

– За наш *прекрасный* девичник! – провозгласила она. – За *идеальный* девичник для самой лучшей подруги, о которой можно мечтать. За мою надежду и опору. За мой пример для подражания. За мою героиню. За мою дорогую и любимую Клэр!

– И за Джеймса, – добавила Клэр с улыбкой. – Иначе я не смогу присоединиться. Я не такая само-влюбленная эгоистка, чтобы пить за себя.

– О... – Фло смешалась. – Ну, просто... сегодня же твой праздник... Весь смысл девичника в том, чтобы забыть ненадолго про жениха. Впрочем, как пожелаешь. За Клэр и Джеймса.

– За Клэр и Джеймса, – повторили все и вы-пили.

И я тоже. Пузырьки обжигали горло, мешая глотать.

Клэр и Джеймс. Клэр и *Джеймс*. Мне до сих пор не верилось – я никак не могла представить их вместе. Неужели он настолько изменился за десять лет?

От мыслей меня отвлек тычок под ребра.

– Ты чего, – прошипела Нина, – пытаешься увидеть будущее на дне бокала из-под шампанского? По-моему, с кофейной гущей лучше работает.

– Просто задумалась, – ответила я, выдавив улыбку.

Нина вскинула брови, и я с ужасом подумала, что сейчас она что-нибудь ляпнет, отпустит фирменную бестактность, от которой захочется сквозь землю провалиться. Но прежде, чем она успела открыть рот, Фло хлопнула в ладоши.

– Ну, разбираем пиццу! – воскликнула она. – Не стесняемся!

Я взяла кусок пепперони – с него так и капал пахнувший чем-то химическим красный жир, но после пробежки я хотела есть, и мне было все равно, – добавила еще кусок с грибами и шпинатом, обугленную лепешку и хумус.

– Не забываем про салфетки, чтобы не закапать жиром тетин ковер, – продолжала командовать Фло, хлопоча вокруг гостей. – И оставьте, пожалуйста, вегетарианскую пиццу для Тома!

– Флопси. – Клэр положила руку ей на плечо. – Не переживай. Том все равно не справится с целой пиццей. И в морозилке еще есть запас.

– Это дело принципа. – Фло порозовела и нервно убрала волосы с лица. – Если кто-то предпочитает вегетарианскую еду, надо было оговаривать заранее. Терпеть не могу, когда народ на вечеринке сметает овощные блюда, потому что им мясные не понравились. А вегетарианцы в итоге остаются ни с чем!

Ее серебристый жилет был перемазан соусом от пиццы.

– Извини, я взяла кусок с грибами, положить назад? – спросила я.

– Не надо, – раздраженно бросила Фло. – Все равно он уже весь в жире от пепперони.

Мне захотелось сказать ей, что жир от пепперони и без того растекся по всей сервировочной доске и, если она так переживает по этому поводу, надо было взять вторую доску, а не класть и мясное, и вегетарианское в одну кучу. Но я прикусила язык.

– Все нормально. – Том положил себе три куса с грибами и основательную горку хумуса. – Вот этого мне выше крыши. Если съем еще, Гэри заставит меня отжиматься до Рождества.

– А кто такой Гэри? – Фло взяла кусок с пепперони и села на диван. – Я думала, твою вторую половинку зовут Брюс.

– Гэри – мой тренер в спортзале. – Том скромно опустил глаза на свой плоский живот. – Тяжелая ему досталась работа, бедняжке.

На Фло это произвело немалое впечатление.

– У тебя персональный тренер?!

– Милая моя, сейчас у каждого уважающего себя человека персональный тренер.

– У меня нет, – спокойно сообщила Нина с полным ртом. – Я просто хожу в качалку и там пашу. Нахрен мне надо, чтобы на меня в процессе орал какой-то придурок. – Она шумно сглотнула. – А если вдруг и надо, у меня для этого плеер есть. Чтобы всегда можно было сминуть одного придурка на другого, если припев покажется слишком монотонным.

– Да ладно! – смеясь, воскликнул Том. – Неужели я тут такой один? Не может быть! Нора, а у тебя? Ты ведь как-то умудряешься не отрастить писательскую мозоль на заднице.

– Я-то? – переспросила я с испугом. – У меня даже абонемента в спортзал нет. Я просто бегаю. И орут на меня при этом только детишки в Виктория-парк.

– Клэр? – воззвал Том. – Мелани? Ну поддержите же меня кто-нибудь! Это же нормальное явление!

– У меня тренер есть, – призналась Клэр и поспешно добавила, как только Том просиял: – Но! Только на время, мне просто нужно скинуть пару фунтов, чтобы в свадебное платье влезть!

– Никогда не пойму, зачем девки это делают. – Нина укусила пиццу и облизнула губы от жира. – Берут платье на два размера меньше. Наверняка же чувак начинал претендовать на руку и сердце, когда зад уже был в три обхвата.

– Эй-эй, я бы попросила! – Клэр смеялась, однако по тону чувствовалось, что она задета. – Не было у меня никакого зада в три обхвата! И это не для Джеймса – кстати, замечу, он тоже к тренеру ходит. А похудеть я хочу для себя – чтобы в этот счастливый день выглядеть лучшим образом.

– А, то есть хорошо выглядят только худые?

– Я этого не говорила!

– Ну, для тебя же «лучшим образом» равно «минус два размера»...

– Минус несколько фунтов! – горячо перебила ее Клэр. – Про два размера – это твоя фраза. И вообще, кто бы говорил, сама тощая как швабра!

– Поверь, это случайность, а не результат целенаправленных действий, – ответила Нина с достоинством. – Я не считаю, что привлекательность зависит от размера одежды. Джесс тебе подтвердит.

– Ах ты господи! – Клэр грохнула тарелку на стол. – Я, лично я, нравлюсь себе в десятом размере больше, чем в двенадцатом, вот так уж получилось! Ясно? И к остальному человечеству это не имеет никакого отношения!

– Нина... – предостерегающе начала Фло.

Однако Нину уже было не остановить. Она слушала тираду Клэр, с энтузиазмом кивая, и то, что Мелани прячет улыбку, а Том смеется в кулачок, еще больше ее раззадорило.

– Да-да, конечно, – поддакнула она. – Никакого отношения к тупой идеализации анорексичек, свойственной западной культуре. И к тощим как доски моделям в каждом журнале и на всех экранах. На самом деле...

– Нина! – В голосе Фло звучала откровенная злость.

Она вскочила и тоже гроыхнула тарелкой по столу. Нина удивленно вскинула на нее глаза, прервавшись на полуслове.

– Прошу прощения?

– Ты меня слышала. Уж не знаю, что на тебя нашло! Мы устраиваем праздник для Клэр, и ты его портишь. Хватит нагнетать.

– А кто нагнетает-то? Не я тут тарелками швыряюсь, – спокойно произнесла Нина. – И как же забота о сохранности тетушкиного имущества?

Мы все проследили за направлением ее взгляда. По тарелке, которую Фло с размаху опустила на стол, тянулась трещина. Я почувствовала, что Фло сейчас ринется в атаку, как разъяренный бык. И не ошиблась.

– Слушайте! – выпалила она.

Все застыли с не донесенными до рта кусками пиццы, ожидая взрыва. Клэр сочла нужным вклиниться в напряженную паузу.

– Все нормально. – Она притянула Фло к себе, усаживая рядышком на диван. – Не переживай. У Нины просто такое чувство юмора. Она не пыталась меня задеть... почти.

– Ну да, – подтвердила Нина с абсолютно серьезным видом. – Извините. Я просто нахожу смешным повальное распространение нереалистичных требований к женскому телу.

Фло смерила ее долгим взглядом, снова неуверенно посмотрела на Клэр и попыталась изобразить смешок. Вышло довольно неубедительно.

Том решил, что пора разрядить обстановку.

– Короче! Что-то мы до сих пор не в той кондиции, чтобы это можно было назвать качественной вечеринкой. Ну? Кто следующий? – Он посмотрел на меня, и по его загорелому лицу поползла едкая улыбка. – Нора! Вот ты как-то подозрительно трезво выглядишь. Сдается мне, ты не успела выпить перед ужином.

Я застонала. Нина с готовностью сунула мне в руку полную стопку, а Том уже был тут как тут с лаймом и солонкой. Я поняла, что сопротивление бесполезно – остается только зажмуриться и выпить, как лекарство.

Том насыпал мне соли на запястье, я слизнула, опрокинула в себя стопку, схватилась за лайм. Кислый сок брызнул в горло, текила обожгла пищевод. На секунду я замерла, стиснув зубы и втягивая воздух, а потом ощутила знакомую теплоту, разливающуюся внутри, и чувство реальности слегка притупилось.

Возможно, в состоянии легкого опьянения будет проще все это пережить...

Тут я сообразила, что все смотрят на меня и чего-то ждут. Я поставила стопку на стол и бросила кожуру от лайма в пустую тарелку.

– Все! Кто следующий?

Но со мной еще не закончили. Том, коварно улыбаясь, протягивал пакет с порошком.

– А может, апгрейд до «текилы-ройяль»?

Клэр ткнула меня под ребра.

– Давай-давай! Как в прежние времена! Помнишь нашу с тобой первую дорожку?

Я помнила, только очень сомневаюсь, что это был кокаин; скорее нам впарили толченые таблетки аспирина. Я и тогда не хотела этого делать, просто слушалась Клэр, как овца.

– Давайте вместе, – распорядилась Клэр. – И четвертую дорожку для Нины, она не откажется. Правда, доктор?

– Всем известно, что врачи философски относятся к употреблению препаратов, – ответила Нина с холодной улыбкой.

Том опустил на колени перед журнальным столиком и принялся торжественно выкладывать дорожки на стеклянной поверхности, аккуратно сгребая порошок кредитной картой. Закончив церемонию, он вопросительно приподнял брови.

– Ясно, что мисс «Я же мать» в этом не участвует, но, может, мисс «Золотая хозяйка» захочет присоединиться?

Лицо Фло заливал яркий румянец, как будто она выпила гораздо больше, чем тот единственный бокал шампанского.

– Ребята, мне это не нравится, – произнесла она сухо. – Все-таки это дом моей тети. А если...

– Да брось ты, Флопси! – Клэр поцеловала ее и прикрыла ей рот ладонью, не давая больше ничего сказать. – Не выдумывай. Если сама не хочешь, мы не заставляем, но вряд ли твоя тетя ворвется сюда с ищейками и потащит нас в участок.

Фло покачала головой, высвободилась и начала убирать тарелки.

– Я тебе помогу. – Мелани демонстративно встала.

– Ну что ж, нам больше достанется! – провозгласил Том с некоторым вызовом.

Он свернул десятифунтовую банкноту трубочкой, втянул носом дорожку, втер в десну то, что осталось, и передал банкноту Клэр. Она села рядом и проделала то же самое, да с такой сноровкой, как будто частенько баловалась такими вещами.

Вставая, она слегка потеряла равновесие и расхохоталась.

– Господи, не могло же меня так быстро торкнуть! Это все текила! Нина, держи.

Нина брезгливо посмотрела на десятку.

– Нет уж, спасибо. Подсуньте теперь свои сопли какому-нибудь бедняге-продавцу. Сама разберусь.

Она взяла с камина интерьерное приложение к журналу «Вог», оторвала полосу от обложки, скрутила в трубочку и втянула кокаин через нее. Я поморщилась, глядя на растерзанный журнал. Только бы Фло не заметила...

– Нора?

Я не удержалась от вздоха. Да, первую дорожку я нюхала с Клэр. Первую и, можно сказать, последнюю – ну, почти. Не поймите меня неправильно, в колледже я и пила, и курила, и наркотики пробовала всякие. Но именно кокаин не вызывал у меня никакого восторга. Не имел он на меня какого-то особенного действия.

Теперь же я чувствовала себя необыкновенно глупо, кое-как присаживаясь на корточки перед низким столом и глядя, как Нина добывает несчастный «Вог». Все это напоминало сцену из третьесортного ужастика. Дальше по сценарию сюда должен ворваться маньяк и начать всех резать. Для полного счастья не хватало только уединившейся в бассейне влюбленной парочки, с которой маньяку следовало бы начать.

Я взяла у Нины трубочку, втянула кокаин и поднялась на ноги. Кровь отхлынула от головы, нос и небо неприятно онемели.

Стара я для таких забав. Хотя мне и в школе это не особо нравилось. Я просто слушалась Клэр, потому что не хватало духу отказаться. Как в тумане, я вспомнила, что Джеймс называл кокаинщиков лицемерами. «Это просто смешно, – говорил он. – Устраивают демонстративные голодовки в рамках кампаний «Оксфам», протестуют против действий «Нестле» – и исправно сливают все карманные деньги колумбийским наркобаронам. Придурки. Не видят иронии? Спасибо, меня вполне устраивает старая добрая трава».

Я осела на диван и закрыла глаза. В крови мешались кокаин, текила и шампанское.

Весь вечер я пыталась связать образ Джеймса, каким я его знала, с Клэр, какой она стала сейчас, и ничего у меня из этого не выходило. Измененное состояние сознания ничуть не помогло – я только острее чувствовала дикость происходящего. Неужели он так сильно изменился? Может, они теперь вечерами нюхают кокаин, сидя на диване рядышком?

Я представила себе эту картину, и внутри у меня все сжалось от боли – словно вдруг содрала старую полузажившую царапину.

– Ли? Ли!

Голос Клэр доносился как сквозь пелену. Я с не-охотой открыла глаза.

– Ли! Ну-ка, не пропадай! Ты чего, подруга, уже пьяная, что ли?

Я выпрямилась, потерев лицо руками. Назад пути не было, значит, оставалось двигаться вперед.

– Нет. Я далеко не так пьяна, как мне хотелось бы. Где там ваша текила?

Глава 10

– Я никогда...

Клэр лежала на диване, устроив ступни на коленях у Тома. На ее волосах играли блики от огня в камине. В одной руке у нее была стопка, в другой – кусочек лайма, и она глубоко-мысленно смотрела на них, взвешивая возможные ответы.

– Я никогда не делала этого в самолете, – произнесла она наконец.

Возникла пауза. Фло прыснула. Очень медленно и с кислым видом Том поднял стопку.

– Твое здоровье, лапочка.

Он выпил текилу и, морщась, укусил лайм.

– Ну конечно, вы со своим Брюсом, стоило ожидать! – усмехнулась Клэр с добродушной издевкой. – Причем небось в первом классе!

– Нет, всего лишь в бизнесе, но ход мысли верный. – Том налил себе еще и обвел глазами комнату. – Что, и все? Я реально пью один?

– А? Что? – Мелани оторвалась от телефона. – Извините, телефон сеть поймал на полделе-ния, хотела Биллу написать, но связь тут же пропала. Во что играем – в «правду или вызов»?

– Уже нет. В «я никогда не». И я не стал врать, что не делал *этого* в самолете.

Язык у Тома слегка заплетался – он определенно успел многое попробовать, и стопки шли одна за другой.

– А, поняла. Извините. – Мелани рассеянно выпила и вытерла рот. – Фло, слушай, можно я еще разок по городскому позвоню?

– Нет-нет-нет! – Клэр погрозила ей пальчиком. – Так просто не спрыгнешь!

– Вот именно! – возмущенно подтвердила Фло. – Извольте подробности, мадам.

– С Биллом, в медовый месяц. Перелет был ночной. Минетик в туалете как, считается? Хотя все равно я уже выпила.

– Ну, вообще-то формально считается только для него. – Том театрально подмигнул с сальной улыбкой. – Но раз выпила, то и тебе засчитаем. Поехали дальше! Так, моя очередь. Я никогда не... А что я не делал-то... О, знаю! Никогда не пробовал водные виды спорта.

Взрыв смеха. Никто не выпил. Том застонал:

– Что, опять?!

– Водные виды спорта? – неуверенно переспросила Фло, приподняв стопку: она явно не поняла причину всеобщего веселья. – Типа дайвинг и все такое? Я ходила под парусом, это считается?

– Нет, зайныка, – промурлыкала Клэр и шепнула ей что-то на ухо.

На лице у Фло отразилось сначала потрясение, потом брезгливость, а потом она расхо-оталась.

– Не может быть! Какая мерзость!

– Ну, неужели никто? – умоляюще вопрошал Том. – Давайте, кто-нибудь, выручите меня! Признавайтесь между нами, девочками, нечего стес-няться!

Молчание.

– Уж извини, дружок, скучные мы тут все, – рассмеялась Клэр. – Прими поражение как муж-чина.

Том выпил, налил еще и развалился на диване, прикрывая рукой глаза.

– Господи, вот когда приходится расплачиваться за бурную молодость! Все кругом плы-вет.

– Твоя очередь, Ли! – сказала Клэр. – Выкладывай.

Щеки у нее зарумянились, золотые волосы разметались по плечам.

Я боялась этого момента. С начала игры рылась в своем прошлом сквозь туман от шампанского, текилы и рома, пытаюсь нащупать хоть что-то подходящее. Чего я «никогда не»? Мысли упрямо возвращались к Джеймсу, ко всему тому, что я не сказала и не сделала. Я закрыла глаза, и мир вокруг меня заходил ходуном.

Одно дело играть в подобные игры с хорошими друзьями, которые и так все о тебе знают, и совсем другое – вот так, в странной компании незнакомых людей и старых приятелей. Я никогда не... Господи, что сказать-то?!

Я не выяснила, почему он так поступил со мной.

Я не смогла простить его.

Я не смогла его забыть.

– Ли-и... – пропела Клэр. – Соображай скорее, не заставляй меня выставить тебя в глупом виде, когда очередь дойдет до меня.

Текила и кокаин оставили во рту отвратительное послевкусие. Ошибаться было нельзя – еще одна стопка, и меня стошнит.

Я никогда не знала его по-настоящему.

Как он мог связать свою жизнь с Клэр?

– Я никогда не делала татуировку, – выпалила я.

Это был беспрюирышный вариант, Том упоминал, что у него одна есть.

– Черт... – простонал Том и выпил.

– Нет, так просто не отделаешься! – смеясь, воскликнула Фло. – Демонстрацию, пожалуйста!

Том со вздохом расстегнул рубашку, открыв одну сторону загорелой накачанной груди, повернулся спиной. Приспустив одно плечо, он показал нам рисунок на лопатке: пронзенное стрелой сердце и надпись «Не глупышка».

– Вот, пожалуйста. – Он начал застегивать пуговицы. – Теперь вы давайте. Уж тут-то я точно не один.

Нина молча приподняла одну брючину. На лодыжке у нее была изображена маленькая птичка на проводе.

– Это кто? – Фло наклонилась, чтобы рассмотреть поближе. – Дрозд?

– Сокол, – коротко ответила Нина и, не вдаваясь в подробности, просто опустила джинсы и выпила свою текилу.

– Ну а у тебя?

Фло покачала головой.

– Нет, я трусишка. А вот у Клэр есть.

Клэр заулыбалась и не без усилий подняла себя с дивана. Повернувшись к нам спиной, она задрала серебристый топ, поблескивающий, как рыба чешуя. Из-под края джинсов к тонкой талии расходились в стороны две кельтские плетенки.

– О, и ты себе набила «рога из жопы»! – расхохоталась Нина.

– Ошибка молодости, – призналась Клэр с оттенком печали. – В двадцать два года в Брайтоне по пьяни.

– Когда постареешь, будет смотреться роскошно, – утешила ее Нина. – И в доме престарелых медбрат уж точно не промажет, когда будет подтирать тебе задницу.

– Да, бедняге хоть будет на что полюбоваться! – Клэр со смехом завалилась обратно на диван и осушила стопку. – Ну, Мелз, а у тебя?

Но Мелани пропала – улизнула в коридор с телефоном, судя по тянущемуся за дверь проводу и доносящемуся оттуда тихому голосу, выдающему кому-то ценные указания: «Дай ему бутылочку. Уже? Он съел? А сколько съел?»

– Короче, все, человек за бортом, мы ее потеряли, – сказала Нина решительно. – Моя очередь. Я никогда... хм... – Она посмотрела на Клэр, потом на меня, и на лице у нее появи-

лось выражение, от которого у меня засосало под ложечкой. – Я никогда не спала с Джеймсом Купером.

Когда Нина пьяна, она бывает редкой сукой.

По комнате прокатился неуверенный смешок. Клэр пожала плечами и выпила.

И они с Ниной обе посмотрели на меня. Две пары глаз – васильковые и кофейно-карие. Наступила полная тишина – лишь Флоренс Уэлч из динамиков пела нам о том, что ее парень сколачивает гробы.

– Пошла ты, Нина.

Дрожащей рукой я схватила стопку, выпила и зашагала прочь. Щеки у меня горели, я почувствовала, что напилась по полной программе.

– С утра можешь дать ему половинку банана, – говорила Мелани. – Только если будешь давать виноград, обязательно режь на половинки или засунь в эту штуковину с сеточкой...

Я быстро прошла мимо нее к лестнице. Вслед мне несся встревоженный голос Фло: «Что случилось? Чего это она?»

Наверху я влетела в ванную и захлопнула за собой дверь. Упала на колени перед унитазом, и дальше меня долго выворачивало наизнанку.

Господи, как же я надралась! Пожалуй, достаточно, чтобы немедленно пойти вниз и как следует вмазать Нине. Да, она не в курсе всех подробностей моего разрыва с Джеймсом. Но должна же понимать, в какое неудобное положение ставит меня – и Клэр.

Сейчас я ненавидела всех. Нину с ее отвратительными провокациями. Фло и Тома, с интересом наблюдающих, как я напиваюсь. Клэр, притащившую меня сюда. А больше всего – Джеймса. За то, что позвал замуж Клэр. За то, что вообще заварил всю эту кашу. Я ненавидела даже бедную, ничего не подозревающую Мелани, которая вообще не сделала мне ничего плохого. Я ненавидела ее просто за то, что она здесь.

У меня возник еще один рвотный позыв, но я уже исторгла все, что было в желудке. Остался лишь мерзкий привкус текилы во рту. Я сплюнула в унитаз, встала и спустила воду. Подошла к раковине умыться, глянула в зеркало. Бледна как смерть, на щеках лихорадочные красные пятна, тушь размазалась...

Раздался стук в дверь.

– Ли?

Голос Клэр. Я закрыла лицо руками.

– П-подождите минутку.

Господи, еще и заикаюсь! Я не заикалась со школы. Как-то сумела оставить этот свой юношеский дефект в Ридинге вместе с прежней унылой и неловкой собой, когда уехала в Лондон начинать жизнь заново. И вот Нора понемногу вновь превращается в Ли...

– Ли, прости, пожалуйста! Нина перешла границы...

«Да отвалите вы! – подумала я. – Оставьте меня в покое».

Дрожащими пальцами оторвала кусок туалетной бумаги и попыталась стереть тушь из-под глаз.

Ну и жалкий же у меня вид. Опять все как в школе – кошачьи свары, подколки... Ведь клялась себе никогда к этому не возвращаться. Я допустила ошибку. Чудовищную ошибку.

– Нора, прости! – Голос Нины, пьяный, но искренне напуганный. – Лягнула не подумав. Выходи, пожалуйста!

– Мне надо лечь, – хрипло ответила я.

Горло драло от кислоты.

– Ли... Нора, я тебя прошу! – Это уже Клэр. – Выходи. Мы просим прощения. И я, и Нина.

Я глубоко вздохнула и открыла замок.

Стоят на пороге, щурятся от яркого света, вид у обеих как у побитых собак.

– Ли, пожалуйста, идем с нами вниз. – Клэр взяла меня за руку.

– Мне надо лечь. Все нормально, правда. Просто я вымоталась, на поезд пришлось встать в пять утра.

– Ладно... – Клэр неохотно выпустила мою ладонь. – Только если ты правда устала, а не оби-делась.

Вопреки своей воле я сжала зубы. Спокойно, нельзя быть такой эгоцентричной.

– Н-нет, не обиделась. Просто хочу спать. Сейчас только зубы почищу. Увидимся утром.

Я протиснулась мимо них и пошла в комнату за косметичкой, но когда вернулась, они все еще стояли на прежнем месте. Нина постукивала ногой по паркету.

– Ты правда, что ли, сливаешься? – спросила она. – Я думала, ты пошутила. Если уж кто и мог на меня обидеться, так это Клэр, но даже она не приняла так близко к сердцу. Ты что, все чувство юмора за эти годы растеряла?

Она прекрасно знала, как больно ударит по мне ее выходка, и намеренно выбрала момент, когда я не смогу увильнуть.

Хотя какой смысл ей это высказывать? Все равно я попалась на удочку, как последняя идиотка, сделала именно то, на что меня провоцировали. Ничего не изменишь.

– Я не сливаюсь, – устало проговорила я. – Уже далеко за полночь, я с пяти на ногах. Дайте мне отдохнуть, а?

Это прозвучало как униженная просьба. Жалкие отговорки, попытка снять с себя вину за то, что сбегаю... Я вздернула подбородок. Нет уж, я хочу уйти, и я уйду. Нам не по шестнадцать лет. Мы не обязаны везде и всюду быть вместе, словно нас связывает невидимая пуповина. Мы разошлись каждая своим путем, и ничего, выжили. Если я сейчас пойду спать, с Клэр и ее девичником ничего не случится. И не надо мямлить тут оправдания, как обвиняемый на суде.

– Я иду спать, – повторила я.

Они переглянулись, и после паузы Клэр сказала:

– Хорошо, иди.

По какой-то иррациональной причине эти два простых слова разозлили меня больше всего. Я понимала, что они означают просто согласие, но я услышала в них царственное «иди, я разрешаю», и от этого у меня мурашки побежали. Мне захотелось крикнуть: «Я больше не твоя, чтобы ты мной помыкала!»

Вместо этого я коротко бросила: «Спокойной ночи!» – и закрылась в ванной. Сквозь шум воды я слышала, как они переговариваются за дверью, и намеренно не спешила: с толком почистила зубы, со всей тщательностью сняла молочком остатки туши – пока наконец не услышала удаляющиеся шаги.

Я выдохнула, расслабляя зажатые мышцы плеч и шеи – я даже не заметила, что жду ухода Нины и Клэр с таким напряжением.

Почему? Почему они до сих пор имеют надо мной такую власть? Особенно Клэр. Почему я им это позволяю?

Я вздохнула, убрала щетку и пасту в косметичку и пошла в комнату. Там было тихо и прохладно, приятный контраст с жаркой, набитой людьми гостиной. Снизу доносилась композиция Джарвиса Кокера, но от нее остались одни басы, как только я захлопнула дверь. С неопи-сваем облегчением я повалилась на кровать. Если закрыть глаза, даже можно было предста-вить, что я в своей маленькой квартирке в Хакни. Не хватало только гула машин за окном.

Мне так сильно хотелось домой, что я почти физически ощущала под рукой мягкую поверхность моего старенького цветастого одеяла, почти слышала, как тихонько похлопывает по приоткрытому окну плетеная занавеска из ротанга.

От сладких грез о доме меня отвлек настойчивый стук в дверь. Никаких плетеных зана-весок, все тот же холодный черный лес наблюдает за мной сквозь стекло. Я вздохнула, угова-ривая себя встать. Стук повторился.

– Ли?

Я поднялась с кровати и открыла дверь. На пороге, грозно подбоченясь, стояла Фло.

– Ли! Как ты можешь так поступать с Клэр?!

– А что я сделала? – устало спросила я. – Спать пошла?

– Я столько сил положила на то, чтобы устроить идеальный праздник для Клэр! И если ты его испортишь в первый же вечер, я тебя просто убью!

– Ничего я не порчу, не делай из мухи слона. Я просто ложусь спать, ясно?

– Нет уж, так дело не пойдет! Я не позволю тебе угробить все мои старания!

– Я ложусь спать, – повторила я, как мантру.

– Знаешь что, ты... ты эгоистичная сука! – выпалила Фло, покраснев и чуть не плача. – Клэр... Клэр лучше всех, ясно тебе? И она достойна... достойна...

У нее задрожал подбородок.

– Ну да, как скажешь, – бросила я, не подумав, и захлопнула дверь у нее перед носом.

С минуту я стояла и слушала ее шумное дыхание, опасаясь, что она расплчется и тогда я буду просто вынуждена открыть и извиниться. Нельзя же допускать, чтоб у бедняги приключился нервный срыв у меня под дверью.

Обошлось. Очевидно, она все-таки сделала над собой нечеловеческое усилие, собрала волю в кулак и пошла в гостиную. Я же сама была готова заплакать.

Не знаю, в котором часу вернулась Нина; было уже поздно, очень поздно. Она тяжело протопала по комнате, споткнулась о свой чемодан, сшибла с тумбочки банку крема. Я не спала, лишь притворялась, свернувшись под одеялом в клубок и накрыв голову подушкой.

– Спишь? – прошептала она, устраиваясь на соседней кровати.

Сперва я не хотела отвечать, но все же вздохнула и повернулась в ее сторону.

– Не сплю. Как тут спать, когда ты так громыхаешь?

– Извини.

Она зевнула. В темноте я видела, как поблескивают ее глаза.

– Слушай, прости, что так вышло. Я не ожидала, что тебе это...

– Ничего, – устало отмахнулась я. – Ты меня тоже прости, не стоило так бурно реагировать. Просто я устала и напилась.

На самом деле я уже решила утром обязательно извиниться перед Фло. Уж ей-то определенно досталось ни за что.

– Да нет, это я, как всегда... – виновато проговорила Нина и перевернулась на спину, прикрыв глаза рукой. – Все-таки десять лет прошло. Логично было предположить, что...

Она не закончила мысль. Логично предположить, что нормальный человек за это время все забудет и продолжит жить своей жизнью.

– Да знаю я. Я жалкая тряпка. Думаешь, сама не понимаю?

– Нора, что у вас случилось? Явно же что-то очень паршивое. Не похоже, что вы просто спокойно разошлись.

– Да ничего особенного. Он меня бросил, вот и все.

– А я слышала, что все было иначе. – Она снова повернулась на бок, и я почувствовала на себе ее взгляд в темноте. – Мне говорили, ты сама его бросила.

– Ну, наврали тебе. Он бросил меня. И написал об этом в сообщении, если тебе важно знать.

Я тогда почти сразу сменила телефон. Сигнал входящих сообщений чересчур действовал на нервы.

– Ну, он так он... И все-таки. Я никогда не спрашивала, но сейчас спрошу. Он тебя...

Нина замолчала. Буквально слышно было, как она ворочает мозгами, пытаясь найти обтекаемую формулировку. Я ждала. Пускай выкручивается, помогать ей я не стану.

– Ой, ладно, все равно не получится изобразить, что я не лезу не в свое дело – потому что я именно лезу не в свое дело. Короче... он тебя случайно не бил?

– Чего?!

Вот такого я точно не ожидала.

– Ясно, значит, нет. Извини. Ли, честное слово...

– Я не Ли, я Нора!

– Извини! Извини, от Клэр подхватила... Это правда очень странно. То, как ты до сих пор переживаешь разрыв. Потому-то всем интересно, что там у вас...

– Всем?! Кому это – «всем»?

– Слушай, нам было по шестнадцать лет. Ты уехала из города, Джеймс остался буквально размазанный, жалкий, смотреть было больно. Конечно, слухи поползли.

– Господи...

Я устала в потолок. Тишину нарушало лишь странное, еле слышное шуршание снаружи – как шум дождя, только гораздо тише.

– То есть вы правда решили, что он меня бил?

– Ну да, – лаконично ответила Нина. – Это была самая популярная версия. Вторая – что он тебя чем-то заразил.

Господи... Бедный Джеймс. Несмотря ни на что, такого он не заслужил.

– Нет, – произнесла я наконец, – Джеймс Купер меня не бил. И ничем не заражал. Теперь ты знаешь и можешь смело удовлетворить любопытство всех, кто интересуется. Я хочу спать, спокойной ночи.

– Так что было-то? Почему вы расстались?

– Спокойной ночи.

Я отвернулась к окну. Нина у меня за спиной испустила раздраженный вздох. Снаружи по-прежнему доносился тихий шорох.

И я наконец заснула.

Глава 11

Голоса. Они звучат в коридоре, вползают в мои сны сквозь туман морфия, и мне вдруг кажется, что я снова в стеклянном доме и Клэр с Фло шепчутся за дверью моей комнаты, дрожащими руками сжимая ружье.

Надо было осмотреть дом...

Потом я открываю глаза и вспоминаю, где я.

Больница. Голоса в коридоре – это медсестры, санитарки, может, еще та женщина из полиции.

Я моргаю, пытаюсь заставить усталый одурманенный мозг работать. Который час? Свет приглушен на ночь, но я понятия не имею, давно ли. Сейчас может быть девять вечера, а может – и четыре утра...

Я поворачиваю голову, ища телефон. Просыпаясь, я всегда первым делом смотрю время на телефоне, есть у меня такая привычка. Но на тумбочке у кровати пусто. Телефона нет.

В больничной сорочке, которая на мне надета, нет карманов, одежду у меня забрали.

Значит, телефон тоже.

Я обвожу глазами маленькую полутемную комнату. Отдельная палата. Странно, что меня положили не в общую – хотя, вероятно, там просто не было мест. Или в этой больнице в принципе только отдельные боксы...

Настенных часов нет, спросить не у кого. Если на мерцающем зелеными огоньками мониторе у меня над головой и предусмотрен индикатор времени, я его не вижу.

С минуту я раздумываю, не позвать ли женщину из полиции, сидящую за дверью. Спросить у нее, который час, где я, как сюда попала...

Она с кем-то разговаривает. Да, именно эти голоса меня и разбудили. Я болезненно сглаживаю, с трудом поднимаю голову от подушки, собираясь крикнуть им. Однако слова застревают в горле, а сухой язык прилипает к небу, потому что сквозь толстое стекло я вдруг слышу:

– Господи, то есть это убийство?

Глава 12

Когда я проснулась, было тихое ясное утро. На соседней кровати негромко посапывала Нина. Некоторое время я лежала, потягиваясь и ругая себя за то, что не догадалась поставить на тумбочку стакан воды. Снаружи лес жил своей жизнью: чирикали птицы, поскрипывали деревья, хрустели веточки, а иногда раздавался непонятный звук, похожий на тихий хлопок, за которым следовало шуршание – словно падал на пол ворох бумаги.

Я посмотрела на телефон – шесть сорок восемь, сети по-прежнему нет, – потом накинула кофту и подошла к окну. И чуть не рассмеялась, отдернув штору. Всю ночь шел снег. Его выпало не так много, чтобы всерьез нас завалить, но достаточно, чтобы вся округа превратилась в картинку с викторианской рождественской открытки. Вот что за шорох я слышала ночью – это хлопья снега касались стекла. А всего-то и надо было – подойти к окну и посмотреть.

Небо сияло голубыми и розовыми сполохами, восходящее солнце подсвечивало персиковые облака, а внизу расстился белый ковер, испещренный птичьими следами и сосновыми иголками.

У меня сразу зачесались пятки поскорее выйти и побежать.

Кроссовки на батарее покрывала корка грязи, зато, по крайней мере, они высохли, и легинсы тоже. Я натянула термобелье и шапку, решив обойтись без куртки. Даже в морозный день на бегу не холодно, лишь бы ветер не поднялся. Но пока воздух был неподвижен, ни одна веточка не колыхалась. Если снег и падал с сосновых лап, то не от ветра – лишь под собственной тяжестью.

Я не стала обуваться сразу, чтобы не наследить. Взяла кроссовки и в носках вышла в коридор. Из остальных комнат доносилось сопение. Я спустилась вниз, зашнуровала кроссовки, стоя на половичке у порога. С входной дверью не справилась – слишком много на ней было разных замков и щеколд. Тогда я на цыпочках прокралась в кухню, вспомнив, что на той двери всего один простой замок с ключом. Я повернула ключ и вдруг подумала, что сейчас раздастся вой – в доме вполне могла быть сигнализация, которую следовало предварительно отключить. Однако все обошлось, и, никем не замеченная, я выскользнула на морозный воздух.

Минут через сорок я не спеша прибежала назад, разругавшись от холода и напряжения. Дыхание белыми облачками поднималось к пронзительно-голубому небу. Мне было хорошо и спокойно, все печали я оставила где-то там, в лесу. Но стоило мне увидеть струю пара, вырывающуюся из бойлера, как из паровозной трубы, и сердце тут же упало. Кто-то в доме уже встал и включил горячую воду.

А я-то надеялась, что у меня будет еще хотя бы час наедине с собой – чтобы спокойно позавтракать, без необходимости поддерживать неловкие пустые разговоры. Более того, подойдя ближе, я выяснила, что в доме не только встали, но и выходили наружу. От задней двери к гаражу и обратно тянулась цепочка следов. Очень странно. Зачем ходить в гараж, если все оставили машины под открытым небом?

Впрочем, размышлять об этом было некогда: без движения в потной одежде я начала подмерзать, да и кофе уже хотелось. Я пошла в дом – чем теряться в догадках, лучше просто спросить напрямую.

– Есть тут кто? – спросила я, заглядывая в кухню. – Не пугайтесь, это Нора.

За столом, склонившись над мобильником, сидела Мелани.

– О, привет! – Она подняла голову и улыбнулась, так что на щеках заиграли ямочки. – А я думала, все еще спят. Ты что, прямо по снегу бегала?! Ну ты чокнутая!

– Там классно! – Я потопала, сбивая с кроссовок снег, и разулась. – Который час?

– Полвосьмого. Я встала часов в семь. Вот ведь, как назло – была уникальная возможность поваляться, не вскакивая к Бену, и что ты будешь делать: вскочила, как по будильнику!

– Режим, – сказала я, и Мелани вздохнула.

– Да уж, он самый... Чаю хочешь?

– Я бы лучше кофе, ты не ставила? – спросила я и хлопнула себя по лбу: – А, точно, кофе же нет!

– Не-а, нету, и я уже умираю. Обычно тоже всегда кофе пью. Раньше больше любила чай, но Билл меня переучил. А чтобы получить привычную дозу кофеина из чая, его нужно выпить такое количество, с каким мой мочевого пузырь не справится.

Ну что ж, чай так чай. По крайней мере, он горячий и жидкий.

– Тогда выпью чаю, спасибо. Только сначала в душ запрыгну быстренько, ладно? А то я в той же одежде вчера бегала и наверняка воняю...

– Не спеши, конечно. Я еще тостов поджарю. Как раз будут готовы, когда ты спустишься.

Когда через десять минут я вернулась, вытирая волосы полотенцем, по кухне разливался аромат поджаренного хлеба. Мелани рассеянно напевала детскую песенку про автобус.

– А вот и ты, – сказала она, увидев меня. – С чем будешь тосты? Есть мармит, мармелад и клубничный джем.

– Малинового нет?

– Не-а.

– Тогда мне с мармитом.

Она намазала на тост густую бурю пасту, положила на тарелку и пододвинула ко мне. Я заметила, что она то и дело тайком косится на телефон.

– Сети так и нет? – спросила я с полным ртом.

– Нет. – Ее вежливая улыбка погасла. – Это уже начинает действовать на нервы. Ему всего шесть месяцев, мы только начали прикорм, из-за этого куча сложностей... Понимаю, выгляжу глупо, но у меня душа не на месте, когда он так далеко.

– Да уж, представляю, – сочувственно проговорила я.

Конечно, я не имела ни малейшего представления, что может чувствовать мамочка грудного ребенка, зато я хорошо понимала, что такое тоска по дому. Наверняка ведь она во много раз острее, если тебя ждет кто-то маленький и беспомощный.

Желая хоть немного развеселить Мелани, я попросила:

– Расскажи про него.

– Ой, он такой милый! – Она снова заулыбалась, теперь совершенно искренне, и полезла в телефон за фотографиями. – Вот, смотри, тут у него первый зубик проклюнулся.

С экрана на меня смотрел круглолицый ребенок без малейших признаков зубов. Рассмотреть, что там где проклюнулось, я не успела – Мелани уже листала дальше, разыскивая какой-то из своих любимых кадров. На секунду на экране мелькнуло нечто, похожее на взрыв фабрики по производству горчицы. Мелани скорчила гримаску и поспешила открыть следующую фотографию.

– Извини, пожалуйста.

– А что это было-то? – спросила я.

– Да это он у меня один раз так мощно обкакался, что памперс через край, аж до волос дошло. Сфоткала Бену на работу отправить. А вот, смотри, тут он в первый раз плавает!

Эта фотография была четче – ярко-голубой бассейн, изумленное маленькое личико, ротик в возмущенном вопле.

– Такой хорошенький, – сказала я, стараясь, чтобы это прозвучало без зависти.

Не то чтобы мне хотелось ребенка, совсем нет. Просто когда смотришь на чужие счастливые семьи, волей-неволей ощущаешь себя чем-то обделенной.

– Очень, – ответила Мелани, умиленно глядя на фотографию. – Такой подарок... – Она почти неосознанно коснулась крестика на груди и вздохнула. – Если бы я хоть по телефону могла с ними связаться. Я правда была уверена, что готова провести без него пару дней, но теперь понимаю: две ночи подряд – это чересчур. Все время думаю: а вдруг там что случится? Билл ведь даже позвонить не сможет.

– Ну, он ведь знает номер городского?

– Знает. Вообще, я обещала ему, что позвоню с утра. Сам он звонить стесняется, не хочет всех перебудить. Ты не возражаешь, если...

– Конечно, конечно, – быстро ответила я.

Она залпом допила чай, встала и направилась к двери. Но тут я вдруг вспомнила.

– Слушай, погоди, я спросить хотела. Ты случайно не ходила сегодня в гараж?

– Нет. – Мелани была так удивлена, что вопрос прозвучал с вопросительной интонацией. – А что такое? Он открыт?

– Не знаю, дверь я не дергала. Но туда ведут следы.

– Странно. Нет, это не я.

– Очень странно.

Я откусила тост и принялась жевать в раздумьях. Следы были четкими, их явно оставили уже после снегопада.

– А если это... – начала я и осеклась.

– Что?

Я недостаточно продумала мысль, чтобы облечь ее в слова, и теперь мне вдруг и вовсе расхотелось ее озвучивать.

– Ну... В общем, я сперва подумала, что кто-то вышел из дома в гараж и вернулся обратно. Но ведь могло быть и наоборот.

– В смысле? Ты хочешь сказать, тут кто-то чужой?! А с другой стороны гаража следы есть?

– Я не разобралась. Гараж близко к лесу, а там следы плохо видно, нет такого ровного снежного ковра.

А еще, если следы и были, я с успехом их затоптала, когда бегала, – но этого я, конечно, говорить не стала.

– Ладно, ерунда. – Я решительно взялась за чашку с чаем. – Проехали. Наверняка просто Фло за чем-то ходила.

– Да, наверняка, – согласилась Мелани и вышла.

Через минуту я услышала, как она снимает трубку с телефонного аппарата. Но вместо ожидаемого звука кнопок за этим последовали щелчки, а затем удар трубки, с размаху обрушенной на рычаг.

– Да что же такое! – выкрикнула Мелани. – Теперь и тут связи нет! Честное слово, это последняя капля! А если что-то случится с Беном?!

– Погоди. – Я сунула тарелку в посудомоечную машину и пошла в гостиную. – Дай попробую. Может, у него просто телефон отключен?

– Это не у него телефон отключен, это здесь. Вот послушай!

Действительно, в трубке была тишина.

– Наверное, из-за снегопада, – предположила я, вспомнив, как клонились к земле тяжелые сосновые лапы. – Может, какая-нибудь ветка сломалась и оборвала линию. Должны починить.

– Вот только когда?! – воскликнула Мелани со слезами в голосе. – Я не собиралась делать из этого трагедию и тем более ставить в известность Клэр, но это моя первая ночевка вне дома, и, честно говоря, пока мне тут просто отстойно. Да, я понимаю, надо бы визжать от восторга: как же, вырвалась потусить с девчонками. Но мне это больше неинтересно. Я не хочу

напиваться, не хочу наблюдать ваши тупые склоки, мне вообще параллельно, кто с кем спал! Я хочу домой и взять Бена на ручки! Знаешь, почему я на самом деле проснулась так рано? Потому что грудь окаменела! Я всю постель залила молоком! – Теперь она и правда плакала, шмыгая носом. – Пришлось в раковину сцеживаться. А теперь еще телефон!.. Я даже не могу узнать, все ли у них в п-п-порядке! Я больше не хочу здесь оставаться!

Я смотрела на нее, кусая губы. С одной стороны, хотелось обнять ее, с другой – мне внушало отвращение это мокрое от слез и соплей лицо.

– Ну, – неловко выдавила я, – если тебе тут так плохо...

Продолжать я не стала – она явно не слушала. Она смотрела мимо меня на заснеженный лес, прокручивая в голове какую-то мысль и понемногу успокаиваясь.

– Мелани? – несмело позвала я наконец.

Она глянула на меня и утерла нос рукавом пижамы.

– Я уезжаю.

Это было так неожиданно, что я растерялась и ничего не ответила.

– Фло меня, конечно, убьет, но мне все равно, – продолжала Мелани. – Клэр возражать не станет. По-моему, ей вообще с самого начала было плевать на девичник, это все затея Фло с ее безумными понятиями о дружбе. Как думаешь, я проеду по снегу?

– Да, под деревьями так, слегка припорошило. Погоди, а как же Том? Он ведь с тобой приехал.

– Я его подбросила только от Ньюкасла. Кто-нибудь его туда довезет, Клэр или Нина, не вижу проблемы.

– Ну да. – Я прикусила губу, воображая, как отреагирует Фло. – Ты точно не хочешь немного подождать? Наверняка телефон скоро починят.

– Нет. Я уже решила, уезжаю прямо сейчас. Ну, то есть дождусь, пока встанет Фло, разумеется, но собираться пойду немедленно. Господи, какое облегчение! – Она снова просияла. – Спасибо, что выслушала. Извини за неадекват, ты мне очень помогла. Конечно же, ты права: если мне здесь так плохо, какой смысл оставаться? Клэр бы не стала от меня этого требовать.

Я смотрела, как она медленно поднимается по лестнице, и думала о ее словах.

Действительно, какой смысл здесь оставаться? Я вдруг поняла: я не хочу, чтобы Мелани уезжала. Не потому, что она мне очень нравится и мне будет ее не хватать – все-таки мы едва знакомы, хотя она правда довольно милая. Нет, из-за того, что в глубине души я сама лелеяла мысль о побеге. А теперь так просто не удерешь, да и вообще давление на оставшихся станет сильнее, будем отдуваться еще и за Мелани.

У меня не было своей машины, не было младенца, который послужил бы моим алиби. Какую бы отмазку я ни сочинила, все услышат в ней обиду за то, что Джеймс выбрал не меня.

А я-то была уверена, что мне давно уже плевать на мнение Клэр Кавендиш. Уныло плетясь назад в кухню, я поняла, что ошибалась.

Глава 13

С Клэр я познакомилась в первый день в первом классе. Я сидела одна за партой и старалась не разреветься. В классе все друг друга знали, потому что ходили в один детский сад, я же не знала никого. Я была маленькая и тощая, мама заплетала мне две тугие коротенькие косички – «чтобы ничего не торчало». Еще я умела читать, но собиралась об этом помалкивать. Мама сказала, что меня будут дразнить всезнайкой, и вообще, лучше читать не как бог на душу положит, а правильно – как учитель объяснит.

В общем, я сидела одна, а остальные болтали себе по парам. И тут вдруг появилась Клэр. Я никогда не видела такой красивой девочки. У нее были длинные волосы, распущенные вопреки школьным правилам, и они сияли на солнце, как в рекламе шампуня «Пантин». Она обвела глазами класс, и со всех сторон ее начали звать: «Клэр, Клэр, садись со мной!»

А она выбрала меня.

Не знаю, представляете ли вы, каково это – когда тебя выбирает такая, как Клэр. Словно на тебе остановился луч теплого яркого софита и тебе и лестно, и неловко вдруг попасть в центр внимания. Все смотрят на тебя, и ты читаешь во взглядах: «Почему она? Что в ней такого особенного?»

В общем, Клэр села рядом со мной, и я сразу же превратилась из пустого места в человека. В того, с кем другим интересно поболтать и даже подружиться.

Она улыбнулась мне, и я заулыбалась в ответ. «Привет, – сказала она, – я Клэр Кавендиш. У меня такие длинные волосы, что я могу на них сидеть. Я буду играть Деву Марию в спектакле на Рождество». «А я Л-л-ли...», – заикаясь, начала я, пытаюсь выговорить имя Леонора. Клэр, не дослушав, радостно воскликнула: «Привет, Ли!»

– Клэр Кавендиш. – Учительница постучала мелом по доске, привлекая наше внимание. – Почему у тебя волосы не собраны?

Клэр подняла на нее ангельское личико.

– А у меня от этого мигрени. Врач сказал, что волосы заплетать нельзя. У меня и справка есть.

В этом была вся Клэр.

Справка? Какая еще справка? Какой врач в здравом уме выдаст пятилетнему ребенку справку с запретом плести косы? Бред же! Но это не имело никакого значения. Любой бред, слетев с уст Клэр, становился правдой. И да, ей в самом деле досталась роль Девы Марии в рождественском спектакле. А мне досталась роль Ли. Заикающейся мышкы Ли. Ее лучшей подруги.

Я не забыла, что Клэр сделала для меня в первый день. Она могла выбрать кого угодно. Могла воспользоваться своим положением и сесть с какой-нибудь из девочек, у которых были заколки с куклой Барби или туфельки «Лелли Келли», предмет всеобщей зависти.

Но она села со мной, одинокой тихой мышкой, и тем самым меня преобразила.

Как лучшую подругу Клэр, меня принимали во все игры, я никогда не сидела в углу, изнывая от скуки. Я получала приглашения на все дни рождения, потому что меня хотела видеть Клэр, а Клэр везде была почетной гостьей. А когда прошел слух, что Клэр приходила ко мне поиграть и хорошо отозвалась о моих качелях и кукольном домике, другие девочки стали принимать мои несмелые приглашения.

В пять лет дети бывают очень жестокими. Они способны говорить такие вещи, на которые ни у какого взрослого не повернется язык – о том, как ты выглядишь, как говоришь и пахнешь, что на тебе надето, какая у тебя семья. Скажи такое коллеге в офисе – и вылетишь с работы за недостойное поведение, в школе же это в порядке вещей. В каждом классе есть козел отпущения – ребенок, с которым никто не хочет сидеть, на которого пытаются свалить любую

вину, которого никто не хочет брать к себе в детских играх. И почти с той же неизбежностью в любом детском коллективе появляется королева. Если таковая и была в нашем классе, то это Клэр. А я без ее поддержки имела все шансы занять место козы отпущения. И за избавление от этой участи какая-то детская часть моей души была навеки ей благодарна.

Не поймите меня неправильно, дружба с Клэр не всегда давалась мне легко. Теплый софит ее благоволения в любой момент мог погаснуть, и тогда лучшая подруга становилась объектом насмешек. Много раз я возвращалась домой в слезах, потому что Клэр что-то такое сделала или сказала. И все-таки она была великодушная и щедрая, с ней было весело, и я просто не могла обходиться без ее дружбы, так что каждый раз ее прощала.

А вот мама моя не питала к ней никакой симпатии. По совершенно непонятным мне причинам – Клэр ведь сочетала в себе все качества, которые мама пыталась развить во мне. Клэр была очаровательна, никогда не лезла за словом в карман, она всем нравилась и не уделяла учебе чересчур много внимания. И тем не менее, когда настала пора переходить из начальной школы в среднюю, мама не скрывала надежды, что я поступлю в наш местный лицей, а Клэр нет.

Однако Клэр поступила. Никто не назвал бы ее заучкой, но она была умна и вполне способна выдержать экзамены.

Тогда мама пошла к директору и попросила, чтобы нас с Клэр развели по разным классам. Так на занятиях у меня появилась новая, не менее неожиданная подруга – веселая колкая Нина, с большими темными глазами и худыми смуглыми коленками. Нина была меня выше, пробегала восемьсот метров за две минуты тридцать секунд, умела пошутить и никого не боялась. Расслабляться с ней рядом не следовало, чтобы не пострадать от ее острого языка – по части язвительных комментариев она не делала разницы между друзьями и врагами. Сейчас ты смеешься над ее шуточками, а в следующую секунду сама оказываешься их объектом. Но мне она нравилась. И с ней я все же чувствовала себя спокойней, чем рядом с Клэр.

Однако на переменках Клэр меня находила. Мы вместе обедали, вместе сбегали с уроков в универмаг «Вулвортс», где проматывали карманные деньги на диски с музыкой, которая нравилась Клэр, и на лак для ногтей с блестками, с которым нам запрещалось являться в школу. Поймали нас лишь однажды, в пятнадцать лет. На плечо мне легла тяжелая рука, над нами нависло разъяренное лицо мистера Бэннингтона, и посыпались угрозы: исключение, вызов родителей, штрафные сидения после уроков до конца жизни...

Клэр подняла на него честные-честные голубые глаза. «Простите нас, пожалуйста, мистер Бэннингтон. Понимаете, сегодня был бы день рождения дедушки Ли. Того самого, с которым она прожила все детство, помните? – Она сделала многозначительную паузу, давая учителю возможность лихорадочно пошарить в памяти. – В общем, она сейчас в таком состоянии, что не смогла пойти на уроки. Если мы поступили неправильно, я приношу извинения».

Я могла лишь изумленно вытаращиться. Дедушкин день рождения? Сегодня?! Неужели я забыла? Он умер меньше года назад... Но вскоре я пришла в себя и страшно разозлилась. Конечно, нет! Был только март, а день рождения у него в мае!

Мистер Бэннингтон грыз ус и хмурился. «Ну, – наконец изрек он, – принимая во внимание обстоятельства... Но ваше поведение непозволительно, девочки. А если бы в школе случился пожар? Спасатели могли погибнуть, разыскивая вас в здании! Вы понимаете? В общем, чтобы это не стало у вас привычкой, ясно? Сегодня я закрою на это глаза. Учитывая обстоятельства. Но только сегодня!»

«Простите, мистер Бэннингтон. – Клэр низко опустила повинную голову. – Я хотела поддержать Ли. Как полагается хорошей подруге. Ей очень тяжело».

Мистер Бэннингтон неловко кашлянул, коротко кивнул, развернулся и ушел.

Я была так зла, что весь обратный путь не проронила ни слова. Как она посмела? Как?!

У ворот школы она взяла меня за плечо. «Ли, ты ведь не обиделась? Я ляпнула первое, что в голову пришло. Все-таки это я подбила тебя сегодня прогулять, мне полагалось и отмываться».

Я слушала с неподвижным лицом, представляя реакцию мамы на мое исключение из школы. А Клэр все-таки спасла нас обеих. Но как мне теперь придется пережить *настоящий* дедушкин день рождения, надо ведь будет идти в школу и ни слова никому об этом не говорить...

«Спасибо», – произнесла я жестким, неестественным голосом без следа заикания. Клэр лучезарно улыбнулась. «Всегда пожалуйста!» И я тут же растаяла и почти вопреки своей воле заулыбалась в ответ.

В конце концов, Клэр поступила так, как полагается хорошей подруге.

– Нет!

– Фло...

– Ты не можешь уехать!

На секунду Мелани замерла, подбирая слова, а потом фыркнула от смеха.

– Очень даже могу! И уезжаю! – Она закинула сумку на плечо и направилась к двери.

Фло, на грани истерики, преградила ей дорогу.

– Нет! Я не позволю тебе все испортить!

– Да хватит чушь пороть! – не выдержала Мелани. – Приди в себя! Клэр до лампочки, здесь я или нет! Это ты придумала себе идеальный сценарий и теперь пытаешься заставить всех ему следовать! Угомонись уже!

– Ты! – Фло обвиняюще ткнула в нее пальцем. – Ты плохая подруга! И плохой человек!

– Да при чем тут плохая подруга... – устало отмахнулась Мелани. – Я просто мама. Моя жизнь не вращается вокруг ее высочества Клэр Кавендиш. Уйди с дороги, пожалуйста.

Она оттолкнула Фло и вышла из кухни в коридор.

И остановилась под лестницей, глядя вверх.

– О, Клэр, ты проснулась!

– Что тут такое?

Клэр стояла на середине лестницы, завернувшись в мятую простыню. Солнце освещало ее сверху, так что волосы у нее светились, как нимб.

– Что такое? Что за крики? – повторила она.

– Я уезжаю. – Мелани поднялась на пару ступенек ей навстречу, быстро поцеловала ее в щеку и поправила сумку на плече. – Извини, не стоило мне вообще приезжать. Я еще не готова оставлять Бена, да и с телефоном беда...

– А что с ним?

– Похоже, линия оборвана, связи нет. Но дело даже не в этом. Я просто хочу домой к ребенку. Зря я его оставила. В общем, я поехала. Ты ведь не против?

– Конечно, нет! – Клэр зевнула и убрала волосы с лица. – Что за глупости... Конечно, езжай. На свадьбе увидимся.

– Ну да. – Мелани украдкой бросила взгляд через плечо и негромко сказала Клэр почти на ухо: – Слушай, ты приведи ее в чувство, а?

А потом она захлопнула за собой дверь, и через минуту мы слышали шорох шин по раздолбанной грунтовке.

Фло разревелась в голос, хлюпая носом. Я в растерянности смотрела на нее, не зная, что мне делать и надо ли делать что-нибудь.

Клэр, зевая, спустилась, взяла Фло за руку и увела на кухню. Забулькал электрический чайник. Клэр что-то говорила успокаивающим тоном, но Фло продолжала захлебываться рыданиями.

– Ты спасла мне жизнь! – восклицала она сквозь всхлипы. – Как я могу это забыть?!
– Золотко, – отвечала Клэр, как усталая мать любимому ребенку. – Ну сколько раз тебе повторять?

Я крадучись удрала наверх. Да, малодушие.

Дверь в нашу с Ниной комнату была закрыта. Я уже взялась за ручку, собираясь просто войти, однако замерла, услышав голос Нины с совершенно незнакомыми нотками.

– Я тоже скучаю, – чуть ли не ворковала она. – Господи, как же хочется домой к тебе. Ты еще в постели? – Длинная пауза. – Связь прерывается. Да, тут с этим вообще беда. Вчера так и не смогла до тебя дозвониться, да и сейчас телефон ловит на полделения. – Снова пауза. – Да, есть один, Том. Да ну, ты что! Зайка, я тебя люблю!

Я кашлянула. Мне совсем не хотелось вламываться в комнату посреди этого разговора. Нина редко поднимает забрало, но уж если такое происходит, она не бывает рада свидетелям. В этом я успела убедиться на собственном опыте.

– ...сейчас бы к тебе под одеяло. Так по тебе скучаю! Тут дыра дырой, один лес вокруг. Прямо сбежала бы, только вряд ли Нора...

Я еще раз кашлянула, погромче, и нарочно загремела ручкой двери. Нина прервалась на полуслове.

– Алло? Алло! – Увидев меня, она широко улыбнулась с кучи подушек и сообщила в трубку: – А вот, кстати, и Нора, нас в одну комнату поселили. Что? Опять прерывается... – Пауза. – Ха-ха, на этот счет можешь не беспокоиться. Ага, передам. Ладно, мне пора. Очень плохо слышно. Люблю тебя. Пока. – Она нажала на отбой. – Джесс тебе привет передает.

– Хорошо, что ты все-таки дозвонилась. Как она?

Мне нравится Джесс. Она маленькая, кругленькая, у нее такая приятная улыбка без капли сарказма. Короче, если подумать, она полная противоположность Нины. Идеальная пара.

– Нормально. Скучает, конечно. – Нина потянулась, хрустнув суставами, и вздохнула. – Господи, была бы она тут со мной. Или я там с ней. Либо так, либо так.

– Ну, одно место у нас только что освободилось.

– В смысле?

– Мелани уехала. Перестал работать стационарный телефон, вот она и не выдержала.

– Что, серьезно?! Нет, это уже просто гребаная Агата Кристи, «Десять маленьких эскимосов».

– «Маленьких индейцев».

– Чего?

– Книга называется «Десять маленьких индейцев».

– Нет, эскимосов!

– Вообще-то оригинальное название было «Десять негритят», – напомнила я, садясь на кровать. – Но потом это слово стало неpolitкорректным, и негритят заменили индейцами, а потом вообще солдатыками, чтобы уж точно никого не обидеть. Версии с эскимосами никогда не было.

– Ладно, пофиг, – отмахнулась Нина. – Там, внизу, кофе сварили?

– Нет. В доме только чай, забыла? – Я взяла джемпер, натянула его, поправила растрепавшиеся волосы. – Клэр не пьет кофе, значит, и нам не положено.

– А, ну да, чертова Фло со своим обожанием... Как она, кстати, пережила бегство Мелани?

– Напряги уши – и услышишь.

Мы обе замолчали, и в тишине с кухни отчетливо донеслись безутешные рыдания. Нина закатила глаза.

– Она психованная. Я тебе серьезно говорю. И в универе такая была. Даже одеваться пытается как Клэр, ты заметила? Это еще тогда началось, но теперь принимает угрожающие масштабы...

– Да нет, она не психованная. – Я неловко поерзала. – Клэр умеет увлечь. И если человек не слишком в себе уверен...

Я замолчала, пытаюсь найти слова для чувства, которое всегда испытывала рядом с Клэр. Будто моя собственная личность – это пустота, вакуум, в который может ворваться и заполнить собой кто-то яркий, вроде Клэр. Нине этого не понять. У нее много недостатков, но слабой личностью ее никак не назовешь. Она долго испытующе смотрела на меня и, так и не дождавшись продолжения, дернула плечом.

– В общем, Клэр *идеальная*, понимаешь? – беспомощно проговорила я. – Очень легко захотеть стать такой же.

– Ну, может быть... – Нина одернула на животе слишком короткий топ. – Я все равно считаю, что ей осталась пара шагов до психушки. Ладно, черт с ней, я не об этом вообще хотела. Ты извини меня за вчерашнее. Я правда не думала, что тебе по-прежнему больно. Только если ты до сих пор переживаешь из-за Джеймса, почему ты вообще приехала?!

Я принялась влезать в джинсы, кусая губы и вспоминая, что успела выложить Нине, а о чем умолчала. Я всегда на инстинктивном уровне стараюсь не светить карты – с детства была очень закрытой, а теперь, живя и работая в одиночестве, и вовсе ушла в свою раковину. И я прекрасно понимаю, что эта склонность, если ее не осознавать и не контролировать, способна превратить меня в такую же чокнутую, как Фло.

– Потому... – Я сделала глубокий вдох и заставила себя произнести это: – Потому что не знала, кто жених.

– Что?!

Нина резко села, спустив ноги с кровати. Я неловко пожала плечами, ощущая внутреннюю дрожь. Действительно, если назвать вещи своими именами, выгляжу я в этой ситуации довольно жалко.

– Это правда?! То есть Клэр тебя сюда заманила, чтобы тут вывалить на тебя это дерьмо?!

– Н-не совсем, – промямлила я, проклиная вдруг вернувшееся заикание. – Она вроде как... хотела сообщить мне лично. Посчитала это своим долгом.

– Да что за бред собачий! – выпалила Нина. – Когда хотят сообщить лично, зовут в бар! Не заманивают в какой-то медвежий угол! О чем она вообще думала?!

Часть этой тирады прозвучала глухо, потому что Нина в процессе надевала свитер; затем ее голова появилась из ворота, покрасневшая от возмущения.

– Вряд ли она меня прямо заманивала... – *Господи, почему я ее защищаю?!* – Она просто...

– Просто сука. – Нина вскочила и принялась так яростно расчесывать волосы, что в них электричество затрещало. – И как ей всегда удается после такого выйти сухой из воды? Помнишь, как она в десятом классе всем разболтала, что мне нравится Деб-би Хэрри? А потом заявила, что это для моего же блага! Что я, типа, сама устала «жить во лжи»! И все ее поддерживали, благодетельницу!

Я не знала, что сказать. Инцидент с Дебби Хэрри был жуткий. До сих пор помню, какое лицо было тогда у Нины – она заходит в класс, и все на нее смотрят и хихикают, и Клэр сидит с фирменной улыбочкой...

– Она же у нас пуп земли! – продолжала кипеть Нина. – Самое главное – как она выглядит, что она чувствует. Тогда ей хотелось выглядеть заботливой подругой – и хоп, она избавляет меня от необходимости скрываться, и плевать, готова я к этому или нет! Теперь она хочет красиво уплыть в закат под ручку с Джеймсом, не чувствуя за собой никакой вины, – и хоп, она ставит тебя в такое положение, когда ты волей-неволей вынуждена ее простить и благословить!

А ведь Нина права.

– Я не злюсь на то, что она так поступила, – проговорила я, все же слегка покривив душой. – На самом деле меня волнует другое.

– Что?

Но я не смогла. Меня снова накрыло чувство полной незащищенности, и я не смогла произнести этого вслух. Лишь качнула головой и отвернулась, полезла в сумку за носками.

Меня волновало, в курсе ли Джеймс. Что он знает? Сам ли он позволил Клэр все это проверить?

– Хочешь отсюда уехать? – спросила Нина между прочим, как будто невзначай. – Мы с тобой можем сами свалить под ручку в закат, а Клэр с Фло пусть тут отрываются за всех.

Она встала, застегнула джинсы, выпрямилась во весь рост – то есть сто восемьдесят с лишним сантиметров – и с удовольствием потянулась.

– Клэр, Фло и Том, – напомнила я.

– А, ну да, Том еще.

– Заманчиво... – вздохнула я.

Настолько заманчиво, что я даже помечтала об этом минуту, пока Нина снова взялась за расческу.

Но уехать мы не могли. Я это хорошо понимала. Точнее, я не могла.

Одно дело, если бы я отказалась приехать сразу. И совсем другое, если сбегу посреди девичника. Все истолкуют это единственно возможным способом: «Бедная рохля Нора, до сих пор льет слезы по Джейм-су, даже не постеснялась испортить Клэр девичник, потому что не способна смириться с поражением». Я прямо слышала, как они шушукаются об этом у меня за спиной.

А хуже всего то, что узнает *он*. И они будут лежать в обнимку в своей идеальной лондонской квартире, и Клэр будет вздыхать: «Мне так жаль ее, бедняжка так и не смогла тебя забыть».

А он... а он...

Я заметила, что руки сами сжались в кулаки и Нина смотрит на меня с любопытством. Я заставила себя расслабиться и выдавила фальшивый смешок.

– Уехать было бы здорово, но нельзя. Это совсем уж некрасиво после того, как сбежала Мелани.

Нина смерила меня долгим внимательным взглядом и покачала головой.

– Ладно. Хотя, по-моему, ты мазохистка.

– Осталось потерпеть-то одни сутки. – Теперь я убеждала саму себя. – Одни сутки уж я выдержу.

– Ладно. Значит, остаемся.

Глава 14

Почему? Почему я не уехала тогда?

Я пытаюсь уснуть, но не могу, несмотря на морфий. Лежу, глядя в потолок, и слушаю голоса в коридоре. Полицейские, мужчина и женщина, тихо переговариваются о том, что произошло. И одно слово эхом отдается у меня в голове. *Убийство. Убийство. Убийство.*

Кто убит?

Клэр? Фло? *Нина?*

Сердце пропускает удар. Только не Нина. Прекрасная, яркая, дерзкая Нина. Пожалуйста, только не она...

Я должна вспомнить. Надо вспомнить, что случилось дальше. Утром они придут сюда задавать вопросы. Они сидят там и ждут, когда я проснусь.

Надо успеть сообразить, что им ответить.

Но что случилось? События дня смешались у меня в голове, правда переплелась с ложью. И у меня всего несколько часов на то, чтобы разобраться с собственной памятью.

Ладно, попробуем. Шаг за шагом. Что произошло дальше?

Рука сама тянется к плечу, где расплзся огромный синяк.

Глава 15

Спустившись на кухню, мы с Ниной обнаружили Фло в уже вполне пристойном виде. Она перестала рыдать, умылась и теперь как ни в чем не бывало ела тост с джемом.

– Кофе есть? – спросила Нина самым невинным тоном, хотя я понимала, что она просто издевается.

У Фло снова задрожали губы.

– Я забыла, забыла про кофе. Сегодня обязательно куплю по дороге на стрельбище.

– *Куда?! – хором переспросили мы с Ниной.*

Фло вымученно улыбнулась.

– Я хотела сделать сюрприз. Тут недалеко стрельбище, мы едем стрелять по тарелочкам. Я не сдержала недоверчивого смешка, Нина сохранила непроницаемое лицо.

– Ты серьезно? – уточнила она.

– Ну да. А что такого?

– Девичник на стрельбище?

– Это будет весело. Мой кузен ездил на мальчишник с компанией.

– Да, но...

Нина не договорила, но все ее мысли отчетливо читались у нее на лице: «Почему нельзя было просто пойти в спа-салон, а потом пить по клубам, как все нормальные люди?! Хотя... по крайней мере, на стрельбище она точно не нацепит на нас розовые боа, так что все могло быть и хуже...» А может, она думала о Колумбии, об огнестрельных ранениях, с которыми ей приходилось иметь дело совсем не-давно.

– Ну... ладно, – наконец произнесла Нина.

– На охоту совсем не похоже, – с энтузиазмом начала объяснять Фло. – Просто тарелочки. Глиняные. Никакой крови и насилия, так что если ты вегетарианка или там...

– Я не вегетарианка.

– Да, знаю, но если бы даже была...

– Я не вегетарианка!

Нина закатила глаза и полезла за хлебом для тостов.

– Еще мы немного поиграем, – продолжила Фло. – Я приготовила викторину!

Нина театрально подмигнула мне.

– А потом поедем назад на ужин. Коктейли и карри!

– Карри? – В кухню, протирая глаза, вошел заспанный Том.

На нем были распахнутый халат и сползшие на самые бедренные косточки пижамные штаны, над которыми виднелись впечатляющие кубики пресса.

– Тим, ты бы хоть майку надел, уж извини за прямоту, – сказала Нина. – Не надо зря искушать Нору, такое выше ее скромных сил.

Я бросила в нее коркой от тоста. Нина ловко увернулась, и корка попала во Фло.

– Упс! Извини, Фло, не хотела.

– Хватит вам! – возмутилась Фло.

Том, зевая, прикрыл голую грудь полами халата и подмигнул мне.

– Так что, какие планы на сегодня? – спросил он, беря тост с тарелки, которую Фло успела перед ним поставить.

– Стрелять едем, – с невозмутимым видом сообщила Нина.

Брови Тома почти исчезли под кудрями на лбу.

– Прошу прощения?..

– Стрелять едем. Фло считает, что будет весело.

Фло смерила Нину взглядом, размышляя, оскорбиться ей или нет.

– Стрелять *по тарелочкам*, – уточнила она не без раздражения. – И да, я считаю, что будет весело!

– Ну ладно. – Том огляделся, жуя тост. – Я что, последний встал? А нет. Мелани еще спит, я так полагаю?

– Мелани... – возмущенно начала Фло.

Тут из гостиной появилась Клэр и громко закончила фразу за нее:

– Мелани пришлось уехать. Семейные дела. Не волнуйся, Том, либо я, либо Нина подбросим тебя до Ньюкасла. Зато теперь мы все поместимся в одну машину и никаких проблем с навигацией. Я поведу, а Фло будет показывать дорогу, она знает, куда нам.

– Супер, – сказала Нина. – А можно мы будем петь песни на заднем сиденье? Я уже жду не дождусь.

– Ну что, начнем викторину! – объявила Фло, поворачиваясь к нам.

Она сидела на переднем пассажирском сиденье, а мы с Ниной и Томом позади. Меня, зажатую посередине, уже слегка укачивало, и удушающий парфюм Тома лишь усугублял положение. А может, это были духи Клэр – в тесном замкнутом пространстве не разберешь. Хоть бы окно приоткрыть, но снаружи валил снег, так что печка пахала на полную мощность.

– Клэр играет против вас троих. Ну, все готовы?

– Стоп, стоп! – крикнула Нина. – Какая тема и какой приз?

– Тема, конечно же, Джеймс, – усмехнулась Клэр с водительского кресла. – Так ведь, Флопс?

– Ну да! – воскликнула Фло с радостной улыбкой.

Меня затошнило сильнее.

– А приз... Ну, не знаю... Честь и слава? А, нет! Придумала! Команда проигравших весь день ходит вот в этом!

Фло выудила из рюкзака ворох трусов с надписью «ЛЮБЛЮ ДЖЕЙМСА КУПЕРА» на задку.

У меня сразу все мышцы окаменели от злости. Нина кашлянула и бросила на меня сочувственный взгляд.

– Э-э, Фло, а это не... – начала она.

Но Фло было не так-то просто остановить.

– Не волнуйтесь! В смысле, надевать поверх штанов. Или на голову. Разберемся! Ну, давайте, первый вопрос команде на заднем сиденье. Если вы не угадываете, Клэр получает очко. Второе имя Джеймса?

Я закрыла глаза, борясь с тошнотой, и слушала, как Нина с Томом спорят.

– Начинается на «К»! – говорил Том. – Я точно помню! Может, Крис?

Да, на «К». Карл.

– Да нет же! – уверяла Нина. – Оно русское! У него отец профессор русской политики! Может, Федор? Или так Сталина звали?

– Сталина звали Иосиф, и это не второе имя Джеймса. Кому придет в голову называть ребенка в честь Сталина?!

– Ладно, может, и не в честь Сталина. Какие там еще знаменитые русские есть?

Я стиснула зубы. «Да Карл, что же вы не вспомните никак!»

– Достоевский? Ленин? Маркс?

– Маркс! – воскликнула Нина. – Точно! Карл! Его второе имя Карл!

Несмотря на растущую дурноту, я не смогла сдержать улыбки. Нина такая азартная, она не готова проигрывать ни в чем – ни в спорах, ни в настольных играх. Она много раз говорила,

что именно поэтому не взялась ни за какой спорт – ей невыносима мысль, что придется кому-то проигрывать, пусть хоть самому Усэйну Болту¹.

– Это ваш окончательный ответ? – серьезно спросила Фло, и я даже с закрытыми глазами почувствовала, как Нина рядом со мной яростно кивает.

– Ответ правильный. Второй вопрос. Кто Джеймс по знаку зодиака?

– У него день рождения где-то осенью, – тут же затараторила Нина. – Сентябрь или октябрь!

– А по-моему, в августе, – возразил Том. – Да, точно в августе!

Некоторое время они беззлобно переругивались, доказывая каждый свою версию, а потом Нина повернулась ко мне:

– Нора, а ты что ду... Ой, все нормально? Ты какая-то зеленая.

– Меня укачало, – коротко ответила я.

– О господи! – Нина почти отшатнулась, насколько это было возможно на тесном заднем сиденье. – Откройте окно! Том! Том, давай, открывай! – Она ткнула меня под ребра и велела: – Не жмурься, на дорогу смотри! Это помогает. Так мозг получает информацию о положении в пространстве.

Я неохотно разлепила веки. Фло улыбалась. Клэр спокойно вела машину, и в зеркале я увидела и на ее лице улыбку. Ей было смешно. На секунду она встретилась со мной глазами, и улыбка погасла. И мне вдруг на короткий – совсем короткий – миг захотелось вклеить ей пощечину прямо поперек ее идеальной точеной скулы.

– Точно август, – снова повторил Том.

– Да господи боже! – не выдержала я. – Двадцатое сентября! Я понятия не имею, какой это знак зодиака!

– Дева, – моментально выпалил Том, ничуть не задетый моей резкостью. – Насчет даты уверена?

Я кивнула.

– Значит, наш ответ – Дева.

– Два очка команде на заднем сиденье! – радостно провозгласила Фло. – Клэр, тебе предстоит напряженная борьба. Следующий вопрос: какая у Джеймса любимая еда?

Мне хотелось зажмуриться, но я не смела, и это была пытка.

Я смотрела на свои колени, стараясь не видеть Клэр, и сжимала кулаки, вонзая ногти в ладони. Я надеялась так отогнать тошноту и непрошенные воспоминания. Но передо мной возникла четкая картинка: Джеймс валяется на кровати после уроков в обнимку с целой миской мандаринов. Он обожал мандарины. На секунду я даже ощутила запах – терпкий цитрусовый аромат, смешанный с запахом его комнаты. Я тоже когда-то любила мандарины, любила их запах на его пальцах, умилялась выпадающей из его карманов кожуре. Теперь я на них смотреть не могу.

– Пананг-карри? – неуверенно предположил Том, и Фло скорчила гримаску.

– Почти, но за это только пол-очка. Пананг с чем?

– С тофу, – быстро добавил Том.

Фло закивала.

– Три очка! Еще два вопроса, и будет раунд для Клэр. Вопрос четвертый. В какой постановке Джеймс дебютировал в Вест-Энде?

– Смотри что мы включаем в категорию «Вест-Энд», – заметил Том. – Вот Королевский Национальный театр, например, считается? Лично я бы не считал.

Фло с Клэр пошушукались, и Фло заключила:

– Хорошо, перефразируем. Речь идет о дебюте в Лондоне.

¹ Ямайский легкоатлет, шестикратный олимпийский чемпион. – *Примеч. ред.*

Один раз я вбила его имя и фамилию в поисковик. Всего один раз. Мне выпал целый ворох картинок: фотографии со спектаклей, с пресс-конференций, с благотворительных мероприятий и премьер. Самыми невыносимыми были те, где он смотрел прямо в камеру – то есть на меня.

Долистав до кадра из постановки «Эквус», где он на сцене обнаженный, я дрожащей рукой закрыла браузер, как будто увидела что-то непотребное.

Том и Нина совещались через мою голову.

– Мы считаем, что это роль во втором составе «Любителей истории», – наконец предположила Нина.

Фло резко втянула воздух.

– Ух ты! Близко, но нет. Это была его вторая роль. Передаю вопрос Клэр.

– «Винсент в Брикстоне», – тут же ответила Клэр. – Очко в мою пользу.

– Впервые слышу это название, – призналась Нина и тут же получила тычок от Тома.

– Пьеса взяла премию Лоуренса Оливье в номинации «Лучшая новая постановка»! И премию Тони!

– Про этих тоже ничего не знаю. Кто такой Тони?

– Боже милостивый! – Том театрально всплеснул руками. – С каким чудовищным невежеством мне приходится соседствовать в одной машине!

– Ладно, ладно! – громко перебила Фло. – Хватит. Пятый, и последний, вопрос, прежде чем эстафета перейдет к невесте. Где и когда Джеймс сделал Клэр предложение?

Я бессильно закрыла глаза, и Том и Нина начали возмущаться:

– Так нечестно!

– Нельзя задавать вопросы, на которые Клэр точно знает ответ!

И все-таки Том предпринял попытку:

– Предложение он сделал на ее дне рождения. Знаю наверняка, потому что на следующий день мы с Брюсом с ними ужинали и Клэр сверкала кольцом. А где оно, кстати?

– Ой, я... я его дома оставила. – Клэр переключила передачу. – Честно говоря, я к нему до сих пор не привыкла. Все боюсь потерять.

– Так, а вот насчет «где»... – Том призадумался. – Ладно, пальцем в небо. Ресторан «Джей Шики» в Ковент-Гардене?

– Близко, но нет! – пропела Фло. – Насчет дня рождения ты угадал, а с местом промахнулся – предложение было сделано в баре на южном берегу. Команда получает пол-очка. И так... три с половиной очка у вас и полтора у Клэр, начинаем следующий раунд.

– Вообще-то это подстава, но мы еще возьмем реванш, – пробурчал Том.

– Клэр, внимание, вопрос! Как звали первое домашнее животное Джеймса?

– Ох... – Клэр растерялась. – Я вроде помню, что это был хомяк, но вот кличка... Не знаю.

– Команда на заднем сиденье?

– Понятия не имеем, – вздохнула Нина. – Нора, есть варианты?

У нее хватило такта добавить в голос неловкости – как будто она могла понять, насколько все это для меня болезненно. Однако я лишь покачала головой. Конечно, я знала ответ, но скорее сдохла бы, чем его озвучила.

– Морская свинка по кличке Минди! – провозгласила Фло. – Ноль очков. Вопрос второй. Какой из знаменитых женщин Джеймс восхищается больше всего?

Клэр расхохоталась.

– Ну, чтобы не терять чувства собственного достоинства, мне придется выбирать из похожих на меня. И это будет... Господи, кто там есть моего типажа? Что ни скажу, буду выглядеть дурой... Ладно. Ему нравятся сильные и остроумные. Пусть будет Билли Пайпер.

– Да у тебя нет ничего общего с Билли Пайпер, – возразила Нина. – Разве что вы обе блондинки.

– Ну, все равно ответ неправильный, – перебила ее Фло. – А правильный... – Она сверилась с бумажкой. – Ой, я даже не знаю, кто это. Какая-то Джин... как читается-то? Морроу? Клэр, ты что-то про нее слышала?

– Нет. Том, это какая-то театральная актриса?

– Нам сюда! – воскликнула Фло, и Клэр резко свернула, отчего мне подурнело еще сильнее.

– Да не Джин Морроу, а Жанна Моро, – объяснил Том. – Французская актриса. Снималась у Трюффо. Как там фильм назывался... а, «Жюль и Джим». Я и не знал, что Джеймсу она нравится.

– Ну, когда вопрос ставится о «знаменитостях», как-то думаешь о тех, кто *сейчас* на слуху, – проворчала Клэр.

Машина проехала по горбтому мосту и вновь набрала скорость. Тошнота опять подступила к горлу.

– Номер три. Одежду какого дизайнера Джеймс предпочитает?

Ярлыки на одежде? Джеймс, которого я знала, сейчас рассмеялся бы Фло в лицо. Единственный бренд, который он признает, – это «Оксфам». Наверняка уловка, Клэр на нее не купится...

Но Клэр, побарабанив пальцами по рулю, выдала:

– Ну, либо Александр Маккуин, либо «Комм де гарсон», даже и не знаю... Пусть будет Маккуин. По крайней мере, одежду от Маккуина он действительно носит.

Как говорится, занавес.

– Правильно! – воскликнула Фло. – Полный ответ был такой: «Если говорить о людях, то мой любимый дизайнер Вивьен Вествуд, а если об одежде, которую я ношу, то Маккуин». Очко в пользу Клэр. Четвертый вопрос. Какую часть тела... – тут она начала хихикать, – какую часть тела Джеймс случайно отрезал себе в десятилетнем возрасте на уроке труда?

– Часть костяшки пальца, – быстро сказала Клэр. – Шрам до сих пор остался.

Я зажмурилась сильнее. Этот шрам стоял у меня перед глазами. Белый кружок на костяшке мизинца и длинная серебристая линия по внешней стороне запястья, особенно заметная на фоне загара. Я помню, как целовала эту линию, переходя к предплечью, к мягкому сгибу локтя, и как Джеймс замирал, вздрагивая от сдерживаемого хохота, потому что ему было ужасно щекотно.

– Правильно! Молодец, Клэр! – похвалила Фло. – Три с половиной очка у обеих сторон. Последний вопрос будет решающим. Итак, барабанная дробь! В каком возрасте Джеймс потерял невинность?

Тошнота подкатила всерьез, и я открыла глаза.

– Ост-гановите.

– Что? – Клэр взглянула на меня в зеркало. – Господи, Ли, ты зеленая совсем.

– Останови машину! – выпалила я и зажала рот.

Клэр резко затормозила, я перелезла через Нину и вывалилась наружу, на свежий снежный воздух, и некоторое время стояла, опираясь руками на колени, приходя в себя.

– Все нормально? – спрашивала Клэр за спиной. – Тебе чем-то помочь?

Я не могла ответить, лишь помотала головой, желая, чтобы она просто отвязалась. Чтобы они все отвязались.

– Ли, ну как ты? – повторяла Клэр.

«Меня зовут Нора! – злобно подумала я. – Нора, когда же ты запомнишь, безмозглая ты тварь!» Но вслух не сказала ничего. Просто ждала, пока выровняется дыхание и отступит дурнота.

– Нора, ты жива?

А это уже Нина, подошла и положила руку на плечо. Я кивнула и медленно выпрямилась, сделав глубокий прерывистый вдох.

– Жива, – наконец вымолвила я. – Извините. Плохо стало. Это бывает, когда едешь на заднем сиденье.

– Это бывает, когда тебя грузят тошнотворными викторинами, – заметила Нина, не удосужившись хотя бы понизить голос.

Я поморщилась от стыда и виновато покосилась на Фло, но она то ли не слышала, то ли ей было плевать, они с Клэр увлеченно о чем-то болтали.

– Фло, – громко сказала Нина, привлекая ее внимание. – Если ты не против, поменяйся с Норой местами.

– Конечно-конечно! – с готовностью закивала Фло. – Нора, бедняжка! Надо было раньше сказать, что тебе паршиво.

– Ничего, – ответила я, однако все же села на переднее сиденье.

Клэр сочувственно посмотрела на меня и, когда Фло с энтузиазмом хотела продолжить викторину, перебила:

– Давайте-ка объявим ничью, ладно, Флопс? Думаю, мы уже наигрались.

– О... Ну ладно... – разочарованно протянула Фло, и мне даже стало ее жалко.

Все-таки она уж точно не виновата во всей этой истории. Она лишь пыталась быть хорошей подругой Клэр, вот и все ее преступление.

Глава 16

– Леонора! – Кто-то трясет меня за плечо. – Леонора, надо просыпаться, лапочка. Чьи-то пальцы приподнимают мне веки, в глаза светит слепящий луч.

– Ай!

Я моргаю и отстраняюсь. Пальцы отпускают мой подбородок.

– Извини, зайка. Ты проснулась?

Ее лицо близко, слишком близко. Глаза пристально смотрят на меня. Я киваю.

– Да. Да, проснулась.

Не заметила, как успела задремать. Вроде полночи лежала без сна, глядя на силуэты полицейских за стеклом, вороша обрывки воспоминаний, пытаюсь составить из них картинку. Стрельба по тарелочкам.

Синяк на плече – от ружейной отдачи. Надо не забыть сообщить об этом полиции... вот только в голове у меня ничего не держится.

Чем ближе я подбираюсь к... к тому, что случилось, тем больше тумана в памяти. Что произошло? Как я здесь оказалась?

Последнее я, видимо, спросила вслух, потому что медсестра улыбается мне сочувственно.

– Ты попала в аварию, лапочка.

– Что со мной?

– Все хорошо, ничего не сломано. – У нее приятная нортумберлендская картавость. – Только синяки. Личико пострадало – два роскошных фингала под глазами. Зато цела. Но нам положено осматривать тебя каждые несколько часов. Все-таки удар был сильный, мало ли что.

– Я спала, – тупо говорю я и тру лицо.

Оно болит, как будто я с размаху врезалась в стекло.

– Осторожнее, – предупреждает медсестра. – У тебя там несколько порезов и синяки.

Одной ступней трогаю другую. На ногах грязь и кровь. Мне хочется помыться. И в туалет.

– Можно мне в душ?

Душ в палате есть, я вижу его в углу. Медсестра смотрит на карточку с назначениями в изножье кровати.

– Я спрошу у врача. Скорее всего, можно, только надо сначала спросить.

Она идет к выходу. Я вижу силуэт возле двери и вдруг вспоминаю тот обрывок разговора. Я не знаю, слышала ли я его на самом деле или мне приснился кошмар.

– Погодите! – зову я. – Погодите, там люди под дверью говорили...

Но она уже ушла. Дверь захлопнулась, на секунду впустив из коридора шум и запахи еды. Сквозь стек-ло я вижу, как женщина из полиции ловит медсестру за плечо. Медсестра качает головой, и до меня доносится: «Пока нет... разрешение от врача... надо подождать...»

– Вы, очевидно, не понимаете. – Женщина из полиции говорит тихо, но очень четко, как диктор на телевидении, и ее речь гораздо легче разобрать через стекло. – Теперь мы расследуем убийство.

– Ах ты господи! – причитает медсестра. – Так бедняжка, значит... все?

– Да. Все.

Это был не сон. Это правда. Не продукт избытка морфина и большого воображения.

Это правда.

Я с трудом сажусь. Сердце колотится где-то в горле. Зеленая точка на мониторе панически мечется туда-сюда, выписывая тонкую ломаную линию.

Кто-то погиб.

Погиб!

Но кто?

Глава 17

– Добро пожаловать на стрельбище «Такетт».

Этот тип говорил слегка скучающим тоном. У него был австралийский акцент и точеное загорелое лицо. Он напоминал мне Тома Круза – и, очевидно, не только мне, судя по тому, как Фло на него тарасилась с разинутым ртом.

– Меня зовут Григ, я сегодня буду вашим инструктором. – Он пересчитал нас по головам и удивился: – Погодите-ка, у меня тут заявлено шесть человек. Кто-то дезертировал?

– Да, точно подмечено, – натянуто проговорила Фло. – И нетрудно догадаться, кого я сегодня буду представлять на месте мишени.

– Значит, пятеро, – сказал инструктор, пропустив ее комментарий мимо ушей. – Хорошо. Начнем с техники безопасности...

И он прочел нам длинную лекцию о необходимости шумозащитных наушников, о недопустимости нахождения на стрельбище в состоянии алкогольного опьянения, об ответственности, которую накладывает владение огнестрельным оружием, и обо всем прочем.

Проставив галочки в знак того, что никто из нас прежде не стрелял, ни у кого нет лицензии на ношение оружия, что мы все трезвые и совершеннолетние, мы подписали длинный договор, снимающий с администрации ответственность за все. Затем инструктор повел нас в сторожку и придирчиво осмотрел.

– Ну что, – проговорил он, – по крайней мере, вы обошлись без розовых перьев и прочей мишуры. Вы не поверите, в чем сюда приезжает народ с девичников. Так, вот ты... как тебя? Фло? Курточка тонковата. Надо чего потолще, чтобы отдача меньше чувствовалась.

Он порылся в ящике и выудил мужскую стеганую куртку. Фло поморщилась, но надела.

– Извини за вопрос, – не удержалась она. – А тебя правда зовут Григ? Или это прозвище?

– Нет, имя. Полностью будет Григори.

– А, ну да, то есть Грег. – Фло рассмеялась, пожалуй слишком громко, только сейчас сообразив, что имя звучит так странно из-за акцента.

– Ну да, то есть Григ, я так и сказал. – Грег посмотрел на нее, как на ненормальную. – Ладно, вот что вам надо запомнить. – Он подошел к столу на козлах и водрузил на него раскрытое ружье. – Это – оружие, придуманное для убийства, зарубите себе на носу. Имейте к оружию уважение, тогда и оно вас не обидит. А станете с ним играть – скорее всего, сыграете в ящик. Самое главное – никогда не направляйте ружье на человека, даже если оно не заряжено. А если у вас вдруг осечка, не надо направлять ствол себе в лицо и заглядывать: что же там стряслось? Вроде простые правила, но вы не поверите, сколько народу погорело на несоблюдении элементарной техники безопасности. Теперь я покажу, как заряжать, закрывать и раскрывать ружье, а потом пойдем в лес стрелять по тарелочкам. Если какие вопросы – не держите в себе. Короче, вот патрон...

Мы молча вникали в его объяснения, оставив позади детсадовские игры, которыми занимались в машине. Я была рада возможности сосредоточить внимание на чем-то новом, отвлечься от мыслей о Клэр и Джеймсе. И, похоже, я была в этом не одинока. Когда по дороге к стрельбищу Фло начала спрашивать о планах жениха с невестой на медовый месяц, Нина и Клэр тут же заговорили о другом. А Том остаток пути вообще не проронил ни слова, он строчил что-то на смартфоне, время от времени украдкой поглядывая то на меня, то на Клэр. «Если ты запахнешь это в какую-нибудь пьеску, я тебя закопаю», – думала я.

Наконец с ценными указаниями было покончено, и мы вслед за Грегом вышли из сторожки и направились в негустой сосновый лесок, неся раскрытые ружья на сгибе локтя.

Фло начала подкалывать Клэр:

– Смотри, а вдруг тебе понравится! Добавишь ружье в список подарков! Тогда свадьба точно будет убойная! – И она оглушительно расхохоталась собственной шутке.

Клэр усмехнулась.

– Ну нет, если я сейчас начну мудрить с подарками, Джеймс меня придушит. Мы почти целый день потратили в магазине, составляя список. Одну кофе-машину выбирали два часа! Сплошные дилеммы! Значок «одобрено Хестоном Блюменталем» – это плюс или минус? Нужна ли функция взбивания молока? Взять модель, в которую засыпаешь кофе в зернах, или обойтись капсульной?

– Надеюсь, вы не на капсульной остановились? – влез Том. – Джордж Клуни пусть пьет что хочет, но капсульные машины – это реликт начала тысячелетия. Все равно что завести дома сифон. Пафосный, неудобный и совершенно бессмысленный агрегат.

– Ты прямо как Джеймс! – воскликнула Клэр. – А что делать, когда у машины для зерен накроется кофемолка? Все, считай, машина бесполезна. А вот если кофемолка отдельно...

– Да-да, тут ты права, – закивал Том. – И на чем вы в итоге остановились?

– Ну, я-то больше по чаю, сам знаешь. Это Джеймс кофеманьяк, так что я предоставила право решающего голоса ему. Он выбрал зерновую «Сейдж» от Блюментала.

– Брюс в прошлом году к такой присматривался. Огромная, зараза. И стоит почти шесть сотен, насколько я помню.

– Да, в этих пределах, – подтвердила Клэр.

Поймав мой взгляд, Нина скосила глаза к переносице. Я старалась сохранять невозмутимый вид, но была с ней заодно. Шестьсот фунтов за кофемашину?! Я, конечно, разделяю любовь к кофе, но шестьсот фунтов!!! Да еще в списке *подарков!*

Разумеется, Клэр поступала так без всякого злого умысла, однако было нечто оскорбительное в ее щедрой оценке суммы, которую люди желают на нее потратить.

А может, ориентировочную сумму назначал Джеймс.

От этой мысли у меня стало противно во рту.

– Все, пришли! – объявил Грег, который шагал впереди цепочки.

Деревья расступились, и мы попали на большую зеленую поляну. На ее противоположном краю возвышалась небольшая стенка, закрывающая поляну от ветра.

– Всем встать здесь, – скомандовал Грег. – Слушать меня. Стреляем патронами калибра семь с половиной. Такой патрон хорош для стрельбы средней дальности, как на круглом, так и на траншейном стенде. – Чувствовалось, что эту речь Грег повторяет изо дня в день. – Вот у меня в руке боевой патрон. Пуля расположена на конце. – Он постучал пальцем по круглому кончику. – В середине пыж, на другом конце порох и капсуль. Прежде чем мы начнем, я продемонстрирую воздействие такого патрона на человеческое тело.

– Надеюсь, добровольцы не нужны? – хохотнула Фло.

Грег посмотрел на нее без всякого выражения.

– Нужны, спасибо, что вызвалась.

Фло издала нервный смешок. Ей было страшно и волнительно.

– Вообще-то, по-хорошему, это должна быть невеста, – попыталась возразить она, но все же подошла к Грегу и встала рядом, краснея и прикрывая лицо в притворном ужасе.

– Так вот. Фло любезно согласилась помочь мне продемонстрировать воздействие ружейного заряда на человека с близкого расстояния. – Грег сделал паузу и подмигнул. – Без паники, стрелять будет она, а не в нее. Тут у меня... – он развернул большой лист бумаги с силуэтом человека, – ...тут у меня мишень, такие используются для тренировки меткости.

Он порылся в карманах, выудил несколько гвоздиков и пришил мишень к стволу дерева. Кора была во многих местах опалена и сбита, так что не приходилось гадать, что последует дальше.

– Всех прошу отойти. Фло, уши.

– Я прямо как диджей! – усмехнулась Фло, надевая кислотного цвета наушники.

– Теперь я вставляю патрон, закрываю ружье, как показывал... Так, Фло, спиной ко мне. Ружье на плечо.

Грег встал к ней вплотную, поправил ей положение рук и корпуса. Фло истерично захихикала.

– А Грег-то наш эффектный парень, – прошептал мне на ухо Том. – Я бы не прочь, чтобы он меня так приобнял. Да и Фло, похоже, не возражает.

– Держи крепко, палец на спусковой крючок. – Грег держал Фло под локоть, направляя ствол и прижимая приклад к ее плечу. – А теперь ме-е-едленно нажимай. Никаких резких движений...

Раздался оглушительный грохот, Фло пискнула и завалилась Грегу на грудь, а от бумажной мишени остались одни клочки.

– Господи! – выдохнул Том.

Я видела в кино, как стреляют по мишеням из пистолета. Аккуратные маленькие дырочки в центре обведенной по контуру фигуры. Сейчас мы увидели совсем другое. Выстрел разнес середину мишени в клочья. Нижняя часть полностью оторвалась и мягко спланировала на ковер из опавших листьев.

– Неплохо, – похвалил Грег, забрал у Фло ружье и пошел к нам.

Фло семенила за ним с розовыми щеками – то ли она разволновалась из-за выстрела, то ли действительно от тесного общения с привлекательным инструктором.

– Как видите, выстрел с малого расстояния имеет серьезную поражающую силу. Если бы это был человек, до больницы он бы не дотянул. Мораль такова: к оружию, дамы и господа, надо относиться с уважением. Вопросы есть?

Мы молча помотали головами. Одна Фло радостно улыбалась. У Нины был очень угрюмый вид. Я вспомнила, что она говорила о своей работе в Колумбии.

Грег кивнул, довольный произведенным эффектом, и мы молча пошли за ним стрелять по таре-лочкам.

Глава 18

– Это было круто! – Фло навзничь повалилась на диван, сбрасывая ботинки.

Носки у нее были розовые и пушистые. Она приподняла голову и стала вытряхивать снег из волос – по пути назад с неба опять посыпало.

– Просто обалдеть! Том, а ты вообще снайпер!

Том с довольным видом устроился в кресле.

– Я в детстве увлекался стрельбой из лука, – объяснил он. – Видимо, похожие навыки.

– Стрельбой из лука?! – переспросила Нина. – Это что, типа как Робин Гуд? И эти, как их... мужики в колготках?

– Это типа как на Олимпийских играх, – парировал Том, который явно привык выслушивать дразнилки по этому поводу. – Нет, колготки не требуются. Кстати, фехтованием я тоже занимался. Полезное дело, между прочим, очень хорошо для дисциплины тела. Сейчас-то я совсем не в форме.

Он согнул руку и полюбовался играющим бицепсом с выражением напускной печали. Нина сочувственно закивала.

– Ах, бедняжка, и правда. Сиськи больше, чем у старшеклассницы, пресс с кубиками... Совсем ты опустился! Как только Брюс тебя терпит?

– Хватит вам уже! – одернула их Фло.

Клэр наблюдала с дальнего дивана. А я наблюдала за ней, вспоминая, как ей нравилось быть зрителем – время от времени бросая какую-нибудь ремарку, словно камушек в воду, и следить, как от него расходятся круги. Не то чтобы приятная черта, однако не мне ее осуждать, я ведь ее разделяла. Мне всегда больше нравилось смотреть на других, а не чтобы смотрели на меня.

Клэр поймала мой взгляд и заговорщицки мне улыбнулась: «Я тебя вижу».

Я отвела глаза.

Чего она хотела добиться, приглашая меня сюда? Нина увидела в этом попытку за мой счет успокоить совесть – вроде как муж признается жене в измене, чтобы не переживать свое предательство в оди-ночку...

Вряд ли. Какие еще угрызения совести? Клэр не испытывала вины за то, что сошлась с Джеймсом. Да и не нуждалась она в моем одобрении. Мы с Джеймсом расстались много лет назад.

Нет. Я бы скорее предположила, что ей интересно... посмотреть. Самой увидеть, как я это переживу. Наверняка и Нину она позвала, чтобы было интересней. Как ребенок, который не может пройти мимо муравейника, не потыкав в него палочкой.

– А тебе? – вдруг услышала я голос Фло.

– Что, прости? – переспросила я, вынырнув из своих мыслей.

– Тебе понравилось?

– Ну... так. – Я потеряла плечо, на котором уже расплзался синяк. – Завтра болеть будет жутко...

– А, точно, тебя здорово шибануло отдачей.

Удар был неожиданно сильный, от толчка приклада в ключицу у меня аж дух вышибло.

– Да потому, что ты ружье не держала как следует, – сказал Том. – Смотри, что ты сделала.

Он снял висящее над камином ружье и начал показывать мою ошибку... направив дуло прямо на меня.

Я застыла.

– Эй! – резко произнесла Нина.

– Том! – Клэр приподнялась на подушках. – Убери!

Том лишь улыбался. Я понимала, что он так шутит, но все равно напряглась.

– Чувствую себя Джейсоном Борном, – проговорил он. – Вот реально, власть прямо в голову дает. Ну что, может, допрос учинить? А ну-ка, Нора, выкладывай: почему вы с Клэр знакомы столько лет, а я о тебе ничего не слышал?

Я раскрыла рот, но не смогла выдать из себя ни звука – так сильно вдруг пересохло в горле.

– Том! – окрикнула Клэр. – Ты бы не размахивал тут ружьем! Ты что, не слушал Грега?

– Да оно не заряжено. – Фло зевнула. – Тетя им кроликов пугает.

– Все равно! – воскликнула Клэр.

– Да ладно вам, я прикалываюсь. – Том снова обнажил неестественно белые зубы в волчьей улыбке.

Но все же опустил дуло и повесил ружье об-ратно.

Я осела на диван, чувствуя, как отступает волна адреналина и разжимаются кулаки. Руки у меня дрожали.

– Очень смешно, – мрачно сказала Клэр тоном человека, не увидевшего в шутке ничего смешного. – Впредь будь добр не наставлять эту хреновину на моих друзей.

Я посмотрела на нее с благодарностью, а она закатила глаза, как бы говоря: «Вот придурок».

– Пардон. – Том принял кроткий вид. – Я просто шутил. Если кого обидел, приношу извинения.

И он отвесил мне дурашливый поклон. Фло зевнула и нехотя поднялась с дивана.

– Ладно, пойду ужином займусь.

– Тебе помочь? – спросила Клэр, и Фло тут же просияла.

Улыбка у нее была поразительная – она буквально меняла все лицо.

– Ты хочешь помочь? Тебе положено сегодня быть королевой, и вообще...

– Ой, да ладно! Командуй, что там надо резать.

Клэр приобняла Фло за плечи, и обе удалились на кухню. Том смотрел им вслед.

– Странная парочка, – произнес он, когда они скрылись за дверью.

– В смысле? – спросила я.

– Я не совсем понимаю, почему Клэр с ней дружит. Они такие... разные.

По идее, звучало странно само замечание, учитывая, что они были не только похожи внешне, но и одеты, как в униформу, в серые «вареные» джинсы и полосатые футболки. Но я поняла, о чем он.

– По крайней мере, они обе разделяют один очень важный интерес, – подала голос Нина.

– Это какой же?

– Обоих интересует Клэр как центр всей нашей долбаной вселенной.

Том прыснул, я сдержала смех. Нина кисло улыбнулась и вальяжно потянулась.

– Ладно, позвоню-ка я своей старушке. – Она вытщила телефон и поморщилась. – Не ловит. А у тебя, Ли?

«Я Нора!» – хотела поправить я, но прикусила язык. Сколько можно всех одергивать.

– Сейчас гляну. – Я полезла в карман, однако телефон не обнаружила. – Странно. Куда он делся? С собой я его брала, еще пыталась на стрельбище залезть в «Твиттер»... Наверно, в машине оставила. Но вряд ли он ловит – пока было максимум полделения. Ты же дозванивалась со второго этажа?

– Ага. – Нина на всякий случай сняла трубку стационарного телефона, подергала за рычаг. – Этот так и не включился... Ладно, пойду наверх, может, с балкона хоть деление поймаю, сообщение пошлю.

– А что такого срочного-то? – спросил Том.

– Ничего. Просто... скучаю по ней.

И она пошла наверх, перешагивая через ступеньку. Том вздохнул и потянулся.

– А ты Брюсу звонить не будешь? – зачем-то спросила я.

Он покачал головой.

– Честно говоря, у нас с ним перед отъездом вышла... небольшая размолвка.

– А... – только и ответила я.

Никогда не знаю, что надо говорить в таких случаях. Сама я терпеть не могу, когда ко мне пристают с расспросами, и всегда предполагаю, что и другие так же. Но иногда людям, наоборот, хочется выговориться, и ты со своей вежливой сдержанностью представляешься им холодной и равнодушной. И хотя мне действительно не особо-то интересно слушать про чужие дразги и мелкие проблемы, все же порой я не могу не подначить человека на излишества. Во мне включается писатель, который мысленно все записывает и раскладывает по полочкам архива для дальнейшего использования. И вообще, это любопытное чувство – как будто снимаешь стенку у работающего агрегата и смотришь, как что устроено. И, с одной стороны, испытываешь разочарование – ведь устроено все, как правило, очень банально, – а с другой – вращение этих внутренних шестеренок завораживает.

Беда в том, что на другой день человек начинает жалеть об излишней откровенности, причем злится не на себя, а на того, кто его откровения слушал. Поэтому я все же стараюсь держать нейтралитет и не поощрять попыток излить мне душу. Только отчего-то без толку, и то и дело на вечеринках кто-то зажимает меня в угол и начинает плакаться на жизнь и несчастную любовь: «а он мне говорит», «а она хлопнула дверью», «а потом мой бывший»...

Зачем они это делают, зная, что перед ними писатель? Разве они не понимают, что мы – падальщики, мы клюем трупы отживших отношений и забытых склок и даем им новые воплощения, по своей прихоти собираем и сшиваем новые истории.

И уж Том-то как драматург должен был это осознавать... Но нет. Скучающим тоном, который ничуть не скрывал затаенной в душе злости, он принялся жаловаться мне на мужа.

– Просто тут такое дело: Брюс фактически выпустил Джеймса на большую сцену, это ведь он ставил «Ложь в черном фраке» в... господи, когда это было-то? Семь лет назад или даже восемь! Ну и, в общем, не знаю, что там у них произошло, никогда не пытался расспрашивать, Брюс как режиссер вообще слывет человеком тяжелым... Короче, он, естественно, считает, что Джеймс ему многим обязан, а Джеймс, тоже вполне естественно, обязанным себя не чувствует. Брюса сильно задела вся эта история с «Кориоланом», и тот факт, что Имонн принял сторону Джеймса... А потом еще слухи пошли про него и Ричарда, а источник-то мог быть только один. Брюс клялся, что он это сообщение Клайву не посылал...

Для меня все это звучало как список людей, которых я никогда не видела, мест, в которых никогда не бывала, и постановок, о которых я в лучшем случае краем уха слышала. Из всего длинного повествования о театральных интригах я вынесла одно: у Брюса была с Джеймсом какая-то неприятная история, он зол и пытался запретить Тому ехать на девичник. Однако Том все равно поехал.

– Короче, хрен с ним, – наконец заключил Том, имея в виду то ли Брюса, то ли Джеймса.

Он подошел к полке, на которой выстроилась батарея бутылок: джин, водка, остатки вчерашней те-килы.

– Налить тебе чего? Джин-тоник?

– Нет, спасибо. Разве что просто тоник.

Том кивнул, вышел за льдом и лаймом и вернулся с двумя бокалами.

– Пей до дна, – сказал он мне с таким серьезным лицом, что сразу стал выглядеть лет на десять старше.

Я отхлебнула и поперхнулась. Нет, тоник в бокале, конечно, был, но и джина тоже изрядно. Стоило бы возмутиться, однако Том вскинул бровь так комично и так вовремя, что я лишь рассмеялась.

– Ну, выкладывай, – потребовал он, осушив свой бокал, – что там у вас с Джеймсом стряслось? Отчего вчерашняя сцена?

Ответила я не сразу. Не спеша отпила еще джин-тоника, размышляя, что бы сказать. Конечно, первым побуждением было отшутиться, только он ведь все равно вытянет – не из меня, так из Нины или Клэр. Лучше уж сейчас самой.

– Мы с Джеймсом... – Я покрутила льдинки в бокале, выбирая формулировку. – Мы были вместе.

Вот, сказала. Правду – хотя настолько неполную, что звучала почти ложью.

– Еще в школе, – добавила я.

– В школе?! Бог ты мой! Доисторические времена. Типа, первая любовь?

– Типа того.

– Но теперь-то вы друзья?

Что я могла на это ответить?

«Нет, я не видела его с того дня, как пришло то сообщение»?

«Нет, я так и не простила ему то, что он сказал и сделал»?

Просто «нет»?

– Не совсем. Просто как-то... перестали общаться.

Повисла пауза. Тишину нарушали только голоса Клэр и Фло из кухни да шум душа наверху – очевидно, Нина оставила попытки дозвониться до Джесс.

– То есть вы вместе учились? – спросил Том.

– Ну, вроде того. На самом деле познакомились, когда играли в школьном спектакле.

Говорить об этом сейчас было очень странно. Все-таки у взрослых не принято обсуждать друг с другом первый раз, когда тебе разбили сердце. Но с Томом это выходило как-то легко – как со случайным попутчиком, с которым можно поболтать и навсегда разойтись в разные стороны. В общем-то я и правда едва ли где-то столкнусь с ним после этого девичника. Так что в какой-то мере я даже испытала облегчение.

– Ставили «Кошку на раскаленной крыше». Джеймс был Бриком, а я – Мэгги. Есть в этом некоторая ирония...

– Почему? – спросил Том.

Я не могла ответить. Я думала о словах Мэгги в последнем акте – о том, как ложь становится правдой. Если бы я сейчас процитировала эту строчку, Том бы сразу все понял. Конечно же, он знает, о чем в пьесе говорила Мэгги.

Поэтому я отпила джин-тоника и сказала лишь:

– Просто так.

– Да ладно! – Загорелое лицо Тома расплылось в улыбке. – Ничего не бывает просто так.

Я вздохнула. Правду ему говорить было нельзя – по крайней мере, *ту самую*. Значит, заменим ее другой.

– Ну... я была вторым составом. Роль Мэгги изначально получила Клэр. Она играла главную роль во всех спектаклях, начиная с младших классов.

– И что случилось?

– Она заболела ангиной. Очень сильно, пропустила целый семестр. Так я попала на сцену.

Меня все время ставили вторым составом – я хорошо запоминала текст и вообще была добросове-стной...

Том смотрел на меня выжидающе. Пока он не увидел никакой иронии.

– Ты к тому, что она не стала его парой на сцене, а стала в жизни? – уточнил он.

– Не совсем... Скорее к тому, что я была не на своем месте. Я не люблю, когда на меня смотрят, – и вдруг оказалась в главной роли. Может, это вообще свойственно писателям – не стремиться быть в центре внимания, но желать, чтобы их словами говорили другие? Как думаешь?

Том не ответил, лишь взглянул на лес за стеклянной стеной. Я понимала, что он вспомнил вчерашний разговор – о сцене и зрителях. О безмолвных наблюдателях во тьме.

Сегодня пейзаж за окном смотрелся немного иначе. Фло включила снаружи фонари, так что перед домом была видна лужайка под белоснежным ковром нетронутого снега и голые, шершавые стволы деревьев. По-хорошему, это должно было меня успокоить: никаких следов под окнами, однозначное свидетельство, что утренний гость больше не приходил. Однако спокойнее мне не стало. Теперь пространство еще больше напоминало сцену, залитую софитами, а черная трясина за островком света как будто еще потемнела.

Незримые наблюдатели во тьме. Я содрогнулась, подумав о мириадах лесных глаз – горящих желтым зрачков лис, сов и землероек. Но следы, на которые я наткнулась с утра, оставило не животное. Это был человек.

– Снег перестал сыпать, – констатировал очевидное Том. – Что радует. Не хотелось бы, чтобы нас тут завалило.

– Завалило? Думаешь, такое возможно в ноябре?

– Еще как возможно, – вдруг раздался голос Фло за спиной, и мы с Томом вздрогнули. – В январе случается постоянно, в том числе поэтому тетя не живет здесь круглый год. – Цокнув языком, Фло аккуратно опустила на стол большой поднос с орехами и чипсами. – После хорошего снегопада отсюда не выберешься. Хотя в ноябре такого обычно не бывает. И уж точно не будет сегодня, в прогнозе ничего страшного. Красиво, правда?

Она выпрямилась, потирая спину, и некоторое время мы втроем молча смотрели в окно. Ничего красивого я не видела. Холодный, голый, безжалостный лес. Впрочем, озвучивать свое мнение я не стала, а задала Фло вопрос, который мучил меня весь день:

– Слушай, а это были твои следы утром на снегу? Ты выходила с утра из дома?

– С утра? – удивилась Фло. – Во сколько?

– Рано. Я вернулась с пробежки около восьми, следы уже были. Может, они и раньше появились, я не обратила внимания.

– Нет, тогда не мои. А где они были?

– Между гаражом и черным ходом.

Фло нахмурилась.

– Это точно не я. Очень странно. – Она задумалась, прикусив губу, и вдруг сказала: – Пойду-ка я запру на ночь все двери. А то потом забудем еще.

– Ты думаешь, кто-то чужой приходил?!

Фло замялась.

– Ну... у тети были проблемы на стадии строительства. Посыпались жалобы – местным не понравился дизайн, не понравилось, что хозяева не планируют жить здесь постоянно, и насчет места была куча возражений...

– Та-ак... – протянул Том. – Только не говори мне, что это священная земля каких-нибудь индейских племен!

Фло оценила шутку – заулыбалась и хлопнула его по руке рулоном бумажных полотенец.

– Да ну тебя, какие индейцы! Нет, земля не священная, но тут заповедник. Мы не то на границе, не то вообще на его территории. Тетя смогла купить участок только потому, что тут уже стоял старый дом. Тетя обязалась его сохранить и достроить. Но местным не понравился макет, якобы он не соответствовал духу оригинала... Короче говоря, когда дом был наполовину достроен, случился пожар, и скорее всего, это был поджог, хотя доказать ничего не смогли.

– Господи! – в ужасе выдохнул Том и посмотрел в окно, будто ожидая увидеть там приближающуюся толпу с пылающими факелами.

– Да ничего страшного! – заверила Фло. – Во время пожара тут никого не было, и вообще тетя от этого только выиграла – страховая выплатила ей немалую сумму. К тому же сгорело все до основания, так что ей больше не пришлось морочиться с сохранением остатков старого

дома. В общем, тот, кто устроил поджог, оказал ей услугу. Хотя ее отношение к соседям это, конечно, подпортило.

– А что, есть соседи? – спросил Том.

– Ну да, несколько домов примерно в миле вон в ту сторону. И еще ферма в долине.

– Знаете, меня пугают даже не сами следы, – проговорила я, размышляя вслух, – а то, что, если бы не снегопад, мы вообще не узнали бы, что здесь кто-то был.

Мы посмотрели на нетронутый снежный ковер, укрывший ведущую к лесу тропу. Следы, которые я оставила утром, давно засыпало. Теперь вообще ничего не свидетельствовало о том, что тут ступала нога человека.

Фло подергала створку окна. Заперто.

– Вот и хорошо, – бодро проговорила она. – Сейчас еще проверю черный ход и предлагаю сменить эту мрачную тему и пойти выпить.

– Поддерживаю, – серьезно ответил Том.

Он взял мой пустой бокал и смешал мне двойную порцию джина с тоником. Я не стала возражать.

Глава 19

Я зашла в комнату переодеться к ужину и обнаружила Нину сидящей на кровати и закрывшей лицо руками. Она посмотрела на меня, и вид у нее был такой бледный и замученный, такой непохожий на ее обыкновенную саркастичную веселость, что я с тревогой заглянула ей в глаза.

– У тебя все нормально?

– Да. – Она откинула с лица блестящие черные волосы и встала. – Я просто... просто меня тут все достало! Такое чувство, что я снова в школе и вспоминаю все, что в себе тогда ненавидела. Как будто машина времени на десять лет назад.

– Ну, не знаю...

Я села на кровать и задумалась. Хотя вчера ночью у меня были такие же мысли, при свете дня они уже казались несправедливыми. Та Клэр, с которой мы дружили в школе, не стала бы терпеть Фло ни секунды. А если и стала бы, то разве что для какой-то своей цели. Поддакивала бы ее тупым замечаниям, провоцируя ляпнуть что-то особенно глупое, а потом расхохоталась бы, тыкая в нее пальцем. Сейчас я была поражена ее терпением. Очевидно же, что у Фло не все в порядке с головой, и меня восхищало то, с каким состраданием Клэр к ней относится. Я бы не смогла вынести общение с этой бедной дурочкой не то что десять лет – десять дней. Так что Клэр явно стала гораздо великодушней и добрей.

– Вообще-то Клэр сильно изменилась, – проговорила я. – Сделалась более... – Я умолкла, подбирая правильное слово, характеризующее преобразование Клэр, но так и не нашла: – Добрей сделалась, что ли...

– Люди не меняются, – едко заметила Нина. – Они просто с годами учатся лучше скрывать свою истинную сущность.

Я прикусила губу. Это правда? Но я ведь изменилась! Или, по крайней мере, все время это себе повторяла. Я стала уверенней в себе. Более самодостаточной. Все школьные годы я бежала к друзьям в поисках одобрения и поддержки. Хотела быть частью стаи, хотела влиться. Когда же в конце концов убедилась, что это невозможно, то стала даже счастливее – хотя, пожалуй, и более одинокой.

Не исключено, что Нина права и я просто научилась скрывать в себе стеснительного, отчаянно ищущего чужого одобрения ребенка. Может, моя новая личность – лишь тонкий внешний слой, готовый в любой момент болезненно облупиться.

– Не знаю... – продолжила Нина. – Просто... все эти разговоры за обедом совершенно невыносимы.

Да, разговоры за обедом действительно были невыносимы – обсуждалась исключительно свадьба: где она будет, какое платье у невесты, какие у подружек, нормально ли подавать копченый лосось в качестве закуски и почему в вегетарианский сет всегда включают козий сыр. Я как-то упустила момент и не создалась, что не приглашена; надо было пошутить по этому поводу в первый же вечер. Теперь же все восприняли бы это как намеренный обман, и я волевым усилием оказалась в плену собственной лжи по умолчанию.

И сочувственные взгляды, которые бросала на меня Клэр, ничуть не помогали.

– Не то чтобы Клэр прямо зациклена на своей свадьбе, – говорила Нина, – все-таки этим вместо нее заморачивается главная подружка. Но если я еще хоть раз услышу о сувенирах для гостей, о восковой эпиляции, о речи шафера... Ты вообще представляешь Джеймса посреди всего этого?!

Я намеренно старалась не думать о Джеймсе на этой свадьбе – как берегут затянувшуюся ссадину, опасаясь содрать коросту. Но теперь, в ответ на прямой вопрос, я попыталась. Тщетно. Образ Джеймса вообще не вязался с этой пошлостью. Тот Джеймс, которого я помнила, брил затылок, а длинные волосы на макушке собирал в пучок. Тот Джеймс как-то надрался виски

из отцовского бара и в полночь влез на пришкольный памятник жертвам войны, чтобы декламировать оттуда стихи Уилфреда Оуэна. Тот Джеймс помадой написал слова из песни «Пинк Флойд» на машине директрисы в последний день летних каникул. Я не могла представить, как тот Джеймс в смокинге чинно целует в щечку маму Клэр и заставляет себя смеяться над выстраданными шутками в речи шафера.

Да, все это было невыносимо до тошноты, и от сочувственных взглядов Нины становилось только хуже. В душевной боли приятного мало, однако еще неприятней, когда тебя видят в таком состоянии. Я всегда старалась уползти в нору и там зализать раны подальше от посторонних глаз. Но Нина была права: Клэр не особо рвалась грузить всех подробностями подготовки к свадьбе. Наоборот, во время обеда она больше молчала; трындела Фло, нашедшая в Томе благодарного слушателя. В какой-то момент Клэр даже попросила их сменить тему. Вряд ли после школы она разлюбила быть в центре внимания. Скорее она все же думала обо мне.

– У меня не хватает смелости отказаться, – мрачно сообщила Нина. – В смысле ехать на свадьбу. Джесс меня убила бы, она обожает свадьбы. У нее на этой почве прямо обсессивно-компульсивное расстройство, ей-богу! Она себе уже специально шляпку с вуалью купила. Представляешь? Шляпку с вуалью!

– Возможно, чтобы загладить вину, тебе пришлось бы сделать ей предложение.

– А может, и сделаю. Тебя приглашать?

– А то! – Я ткнула ее кулаком в плечо. – И на девичник! Если будешь устраивать.

– Если я вообще когда-нибудь соберусь затеваться со свадьбой, девичник у меня будет как у нормальных людей. Ночь пьяного угара по клубам. Никаких уик-эндов в пафосных летних резиденциях у черта на рогах. – Нина вздохнула и неохотно поднялась. – Ты в курсе, что Фло припасла нам сегодня в программе праздника?

– Что?

– О, ничего особенного: спиритический сеанс. Спиритический сеанс!.. Честное слово, если сейчас выяснится, что у нее говорящая доска с пошлыми ответиками из набора «Оживим супружескую жизнь», я сниму это гребаное ружье со стены и куда-нибудь ей засуну.

* * *

– Я думаю, будет весело! – Фло разложила на столе «говорящую доску».

– Гадальный шар отвечает «маловероятно», – буркнула Нина.

Клэр бросила на нее укоризненный взгляд, но Фло как будто не услышала. Она сосредоточенно расставляла свечи среди полупустых винных бу-тылок.

– У кого-нибудь есть зажигалка?

Нина порылась в кармане джинсовой мини-юбки и достала бензиновую зажигалку. С торжественным видом Фло зажгла свечи. Как только под ее руками загорался очередной огненный язычок, в темном окне вспыхивал такой же – даже два, потому что рамы были двойные. Уличные фонари Фло успела выключить, и черный лес снаружи освещала лишь тусклая луна. В комнате царил полумрак, так что мы отчетливо видели нависающие силуэты деревьев, белый снег, контур древесных крон на фоне чуть более светлого неба. Казалось, что в отражении по лесу пляшут блуждающие огоньки.

Я подошла вплотную к окну и, дыша на стекло и прикрываясь ладонями, стала вглядываться в ночь. Тишина и спокойствие, ни малейшего движения... И все же, помня об утренних следах у гаража и внезапно отключившемся телефоне, я еще раз проверила защелку. Все в порядке, заперто. Я села за стол.

– Мелани бы это не понравилось, – задумчиво сказала Клэр. – Она в последние годы ударилась в христианство...

– А что такого-то? Не вижу большой разницы – общаться с одним воображаемым другом или с несколькими, – съязвила Нина.

– Слушай, давай не будем оскорблять чужую веру.

– Никого я не оскорбляю. Для оскорбления, знаешь ли, нужно две стороны. И если оскорбляемая сторона отсутствует, то и говорить не о чем.

– Слышен ли звук падающего дерева в безлюдном лесу? – произнес Том, сухо улыбнувшись. – Господи, я сто лет этим не баловался. – Он откинулся на спинку дивана и сделал хороший глоток из бокала с вином. – Тетка моя обожала беседовать с духами. Я заходил к ней после школы, и она всегда сажала меня за «говорящую доску». Только у нее была традиционная, с буквами.

Я поняла, о чем он, – видела такие в фильмах. У Фло была другая: кусок дерева в форме сердца. Скорее даже не доска, а держатель для ручки на колесиках.

Фло, высунув язык от стараний, засовывала шариковую ручку в предназначенное для нее отверстие.

– С такой проще, – пояснила она. – Я со всякими пробовала. Проблема традиционных в том, что соображать надо очень быстро, иначе половину букв пропустишь. А тут все сразу фиксируется на бумаге.

– И как, вышло что-нибудь? – спросила Клэр. – Отвечали тебе духи?

Фло с серьезным видом кивнула.

– Еще как. Духи всегда дают мне ответ. Мама говорит, у меня врожденный дар общения с потусторонним миром.

– Обалдеть, – прокомментировала Нина с непроницаемым лицом.

Чувствовалось, что она набирает материал для очередного ушата сарказма.

– А можно пример? – быстро вставила я. – Что ты спрашивала?

– В прошлый раз я говорила с бабушкой. Он передал бабушке, что счастлив за нее и что ей надо выходить замуж, раз она встретила хорошего человека. Ну, все готово. Начнем?

– Давайте! – Клэр залпом осушила бокал. – Командуй, что делать?

– Значит, так. Все кладите пальцы на доску. Легонько, ваша задача – не вести ее, а лишь быть проводниками импульсов из потустороннего мира.

Нина закатила глаза, но пальцы на доску положила. Мы с Томом последовали ее примеру, а за нами и Клэр.

– Готовы? – еще раз спросила Фло.

– Готовы! – ответила Клэр.

Фло сделала глубокий вздох и закрыла глаза. Я видела, как ее глаза двигаются под веками туда-сюда, будто выискивая что-то незримое.

– Есть ли тут дух, который желает говорить с нами? – напевно спросила она.

Доска ожила. Закрепленная в ней ручка выписывала на подложенном листе бумаги ничего не значащие круги и спирали. Я была почти уверена, что никто из нас ее не толкал.

– Есть ли здесь с нами дух? – еще раз пропела Фло совершенно серьезно.

Я заметила, что Нина прячет улыбку.

Доска поползла более уверенно. На листе появилась буква «Д».

– Ух ты! – выдохнула Фло. – Видели? Прямо как магнитом потянуло! Вы же почувствовали?

Ну, что-то я определенно почувствовала. Скорее то, что кто-то из участников намеренно толкает доску, но не говорить же об этом Фло.

– Дух, как тебя зовут? – с жаром продолжала Фло.

Доска поползла.

Те...

ки...

л...

Том с Ниной хором заржали, когда из-под кончика ручки вышла последняя буква *a*. Даже Клэр фыркнула. Доска уползла к самому краю и свалилась со стола.

Фло не сразу поняла шутку. Она поднесла листок к глазам и стала всматриваться в каракули. Когда же до нее дошло, она с возмущенным видом скрестила руки на груди.

– Ну, и кто это сделал?

Она обвела взглядом нас всех по очереди. Я изо всех сил постаралась стереть с лица улыбку.

– Это не шутки, между прочим! Да, мы собрались для развлечения, но ничего не получится, если все время дурака валять! Том!

Том тут же вскинул руки, защищаясь от обвинений.

– Не я!

На лице у Нины было самое невинное выражение из ее арсенала, так что я почти не сомневалась, что «речь духа» – ее рук дело.

– Ладно, не важно кто! – воскликнула Фло, красная от злости. – Просто имейте в виду, что мне это не нравится. Я тут стараюсь изо всех сил, а вы все пор...

– Эй-эй, Флопс! – остановила ее Клэр, подняв ладонь. – Расслабься, ладно? Ну, пошутил кто-то, ничего страшного. Они больше не будут. Не будут же?

И она грозно посмотрела на нас. Мы немедленно приняли самый покаянный вид.

– Ладно, – буркнула Фло. – Даю вам последний шанс. Еще кто-нибудь так прикольнется, я убираю доску и достаю... и достаю викторину на карточках!

– Ого, это угроза! – серьезно ответил Том, хотя уголки рта у него подергивались. – Лично я обещаю вести себя как ангел. Только не бросайте меня в терновый куст.

– Все, поехали, – распорядилась Фло и глубоко вздохнула, дожидаясь, пока все положат пальцы на доску.

Доска задрожала – плечи у Нины до сих пор подергивались от беззвучного смеха, однако под взглядом Клэр она закусила губу и заставила себя успокоиться.

– Приносим извинения за *некоторых* из нашего круга. Есть ли здесь дух, желающий говорить с нами?

На этот раз доска поползла медленней, будто по собственной воле. И почти сразу стало понятно, что она выписывает букву «Д».

– Ты чей-то друг? – выдохнула Фло.

Доска вывела знак вопроса.

В этот раз мне показалось, что ее никто не толкал, – и, похоже, не мне одной. Все перестали хихикать. Даже Клэр беспокойно заерзала.

– Слушай, Флопс, может, не надо...

Том похлопал ее по руке.

– Не бойся, милая, на самом деле это не духи. Это подсознание участников. Иногда бывает очень интересно его послушать.

– Кто ты?

Фло сидела с закрытыми глазами. Ее пальцы едва касались доски, так что если кто и мог подтолкнуть доску, то явно не она.

Доска поползла, выводя размашистые, кривые буквы. Том произносил их вслух:

– М... Это что, А или Н? К... С... В... Е... Л... Л... А, уже на что-то похоже. Кто тут знает Макс-велла?

Все помотали головами.

– Может, это дух прежних жильцов? – спросила Нина. – Может, они явились предупредить нас, чтобы мы тут не шалили?

– Может...

Фло открыла глаза – с расширенными зрачками, ярко-зеленые в свете свечей. Гневный румянец сошел с ее лица, сейчас она была очень бледной. Снова прикрыв глаза, она спросила с трепетным по-чтением:

– Ты хочешь говорить с кем-то, Максвелл?

Д.

– С кем-то конкретным?

Д.

– С кем?

Ф... л... о...

– Со мной?!

Фло захлопала ресницами почти в испуге. Похоже, она тут же пожалела, что все это затеяла.

– Ты хочешь мне что-то сказать?

Д.

Фло сглотнула и свободной рукой ухватилась за край стола, так что побелели костяшки.

– Я слушаю.

Но доска уже поехала, не дожидаясь ее согласия.

К... У... П... А потом быстро: *и кофе*

Секундная тишина – и лающий хохот Нины.

– Да пошли вы! – закричала Фло.

Все вздрогнули. Она вскочила на ноги и смела доску со стола вместе с бокалами и свечами, забрызгав расплавленным парафином ковер.

– Кто это сделал?! Мне не смешно! Вы меня достали! Это ты, Нина? Или Том?

– Не я, – простонала Нина, хохоча так, что слезы выступили.

Том не проявлял такого бурного веселья, хихикая в кулачок.

– Извини, извини. – Он тщетно пытался принять серьезный вид. – Конечно, совсем не см... см... – Но договорить так и не смог, до того его распирало.

Фло резко повернулась ко мне. Собственно, я никого не трогала, стояла на коленях и вытирала вино с ковра.

– А ты вот, Ли, чего притихла? Сидит такая хорошая, как будто совсем тут ни при чем!

– Чего? – От неожиданности я даже растерялась. – Не п-поняла...

– А что непонятного? Мне надоело, что ты смеешься у меня за спиной, мелкая злобная мышь!

– Я не смеюсь, – возразила я неловко и тут же вспомнила, что не раз усмехалась Нининым шуткам. – Ну, то есть... я не хотела тебя...

– Вы тут все такие крутые! – Фло тяжело дышала, готовясь вот-вот зарыдать. – У всех образование, работа, квартирки в Лондоне!

– Фло... – начала Клэр, беря ее за плечо, однако Фло стряхнула ее руку.

– Слушай, хватит, – мягко сказал Том. – Я не знаю, кто пошутил, но этого больше не повторится. Народ, правда же? Вот, мы обещаем. Давайте еще разок, теперь всерьез.

У меня внутри все болезненно сжалось от нехороших предчувствий. Надо было завязать с этим делом, еще когда Фло взорвалась в первый раз. Ни к чему было злить ее сильнее, у нее и так нервы на-тянуты.

– А м-может, лучше... – начала было я.

Фло резко перебила меня, с неожиданной точностью изобразив мое заикание:

– А м-может, лучше заткнешься?

Я до того опешила, что не нашлась, что ответить, так и застыла, разинув рот. Как будто мне в лицо плюнул телепузик или еще кто-то столь же милый и безобидный.

– Ладно, давайте еще разок, хорошо, Флопс? Если кто еще прикольнется, будет иметь дело со мной, – пообещала Клэр.

Дрожащей рукой Фло взяла бокал с вином и зал-пом выпила. Потом тяжело села за стол и положила руку на доску.

– Последний шанс, – злобно произнесла она.

Все закивали. Я с неохотой коснулась пальцами доски.

– Давайте теперь вопрос зададим? – предложил Том. – Например... будут ли Клэр с Джеймсом жить долго и счастливо?

– Нет! – выпалила Клэр так громко, что все подпрыгнули. – Я... я не хочу втягивать в это Джейм-са. Так нельзя. Веселье весельем, но выслушивать от какой-то безмозглой ручки предсказания развода...

– Хорошо-хорошо, – спокойно сказал Том, хотя явно удивился такой реакции. – Давайте тогда я спрошу. Сколько годовщин свадьбы мы отпразднуем с Брюсом?

Очень, очень медленно доска заскользила по странице. На этот раз она не дергалась, а выписывала буквы мягко и плавно.

– П... а... п... а... – прочтала Фло. – Какой еще папа? При чем тут годовщина?

– Может, имеется в виду перламутровая свадьба? – предположил Том. – Хотя нет, как-то странно... Написано довольно четко, прочитать иначе нельзя.

– Может, дух говорит свое имя? – еле слышно прошептала Фло. – Они не всегда отвечают на поставленный вопрос. А имя-то мы и не спросили.

Гнев в ней уступил место восторженному подъему. Она плеснула себе еще вина и выпила в три глотка, как воду. Когда она нетвердой рукой ставила бокал, я заметила на рукаве ее серебристой кофточки винное пятно.

– Дух, как тебя зовут?

Размашистые буквы заняли все свободное место на листе и частично заехали на уже испи-санные части. Со своего ракурса я увидела «Па» и «би».

– Папа Бегби, – прочтала Фло. – Господи, это кто вообще?

Она посмотрела на нас в надежде, что кто-то ей прояснит; все замотали головами.

– Нора? – вдруг резко спросила Фло. – Тебе знакомо это имя?

– Нет! – ответила я.

Честно говоря, у меня уже мурашки поползли. Если раньше было понятно, что кто-то придуривается, то теперь – нет. Каракули на листе смотрелись реально жутко. Всем остальным тоже стало не по себе. Клэр, забывшись, грызла прядь волос. Нина старательно напускала на себя бесшабашный вид, но пальцы, беспрестанно так и эдак крутящие зажигалку, выдавали нервное напряжение. Том был откровенно потрясен; даже в полумраке было заметно, как он побледнел. И лишь Фло наслаждалась волнующим моментом.

– Класс, настоящий дух! Папа Бегби... может, как раз он тут раньше жил? – И она почти-тельно заговорила, обращаясь к пространству над нашими головами: – Папа Бегби, у тебя есть для нас сообщение?

На этот раз ручка поехала не так плавно, она спотыкалась и дергалась.

У... у... у...

Сердце у меня упало – я отчего-то сразу почувствовала, что это уже не шутки про кофе.

Ручка заметалась быстрее, раздался треск рвущейся бумаги, и доска застыла на месте.

Клэр приподняла ее и зажала рот ладонью.

– Ой, Флопс, какой ужас!

Ручка продрала бумагу насквозь и начеркала прямо на столешнице.

– Что мы скажем твоей тете...

– Да разберемся! – нетерпеливо бросила Фло и схватила листок. – Ну, что у нас там?

Через ее плечо мы все уставились на спиральную линию, в которой угадывались буквы.

Убиинийтсссссааа

– Господи... – Том прижал пальцы к губам.

– Ни хрена не смешно. – Побледневшая Нина отошла на шаг и смерила всех по очереди оценивающим взглядом. – Кто постарался?

– Слушайте, я сдаюсь, шутка с кофе была моя, – признался Том. – Но вот это не я! Я бы никогда такого не написал!

Мы все переглянулись, ища того, кто спрячет глаза.

– А может, это и не шутки? – Фло снова порозовела, теперь не от ярости, а от какого-то победного восторга. – Может, это по правде дух сказал. В конце концов, я про каждого из вас тут кое-что знаю.

– В каком смысле? – настороженно уточнил Том. – Клэр? О чем она?

Клэр только покачала головой. Лицо у нее побелело, даже под слоем блеска было видно, что губы обескровлены.

Мне стало трудно дышать, я могла делать лишь неглубокие частые вдохи. Голос Нины прозвучал как будто издалека:

– Эй! Нора? Все нормально?

– Нормально... – попыталась ответить я, но не уверена, что смогла произнести это вслух.

Стены начали смыкаться надо мной, а огромное стеклянное окно, наоборот, разверзлось, как огромная пасть, полная острых зубов-сосен, готовая нас всех проглотить. Кто-то резко усадил меня на диван, заставил свернуться в клубок, прижав голову к коленям.

– Все хорошо, – произнес твердый голос Нины, профессионального врача, а не просто подружки, с которой я ходила в бар каждые пару месяцев. – Все хорошо. Кто-нибудь, дайте бумажный пакет.

– Истеричка! – злобно прошипела Фло и, яростно топая, вышла.

– Не надо. – Я попыталась выпрямиться, стяхивая Нинины руки. – Не надо мне пакетов. Отпустило уже.

– Точно? – Нина заглянула мне в лицо.

Я кивнула и постаралась сказать как можно убедительней:

– Точно. Со мной все нормально. Не знаю, что на меня нашло, наверное, вина перебрала.

Ерунда, честное слово.

– Слишком много драмы, – тихо проговорил Том, и я понимала, что это камень не в мой огород.

– Я выйду подышу. Тут очень жарко.

В гостиной действительно было жарко, печка чуть не плавилась. Нина кивнула.

– Да, пошли, я с тобой.

– Не надо! – выпалила я более резко, чем стоило бы, и добавила спокойней: – Мне просто надо минутку побыть одной на свежем воздухе.

Выйдя наружу, я прислонилась к стеклянным дверям кухни. Небо над головой было как темно-синий бархат, луна сияла необыкновенно яркой белизной, окаймленная бледным гало. Морозный ночной воздух охлаждал разгоряченное лицо и взмокшие от пота ладони. Я стояла, слушая частое биение сердца, пытаюсь немного замедлить его и успокоиться.

Глупо было впадать в панику. Что там Фло заявила? «Я кое-что знаю»? Про кого именно?

Если она обо мне, то речь могла идти только об одном. Источник ее познаний тоже очевиден – никто, кроме Клэр, не был в курсе. Значит, она разболтала Фло?

Я не могла утверждать это наверняка. Я припомнила все секреты, которые доверила Клэр, и что она всегда молчала о них как могила...

Но вспомнилось и другое. Как я пришла на экзамен по французскому и одна из девочек, ожидавших со мной в очереди, положила мне руку на плечо. «Я очень тебе сочувствую.

Ты такая смелая!» На лице у нее была искренняя жалость – и восторг. Такую смесь эмоций можно увидеть у подростков, которых опрашивают в связи с трагической гибелью товарища. Да, им грустно, жалко, страшно, жутко... но в глубине души они ликуют: вот она, настоящая жизненная драма! Я не стала уточнять, чему она сочувствует – возможно, имелось в виду лишь расставание с Джеймсом. Но вряд ли. Не было бы такого накала – подумаешь, с парнем разбежались, свет клином не сошелся... В общем, я не могла не заподозрить, что Клэр рассказала.

Это мучило меня весь экзамен. Когда же, два часа спустя, я с него вышла, я уже знала, что делать. Я не видела другого способа не сойти с ума от сомнений.

Я уехала из Ридинга и больше не возвращалась.

Теперь я стояла с закрытыми глазами где-то в нортумберлендской глуши и чувствовала, как мороз пощипывает лицо и снежинки пробиваются сквозь тонкие носки, слушала негромкие звуки ночного леса: поскрипывание стволов, шорох соскальзывающих с ветвей шапок снега, уханье совы, далекое потягивание лисиц.

Прежде я не бывала в этих краях. Все детство я провела на окраине Ридинга, а в восемнадцать сразу уехала в Лондон и с тех пор из него не выбиралась.

Но я могла представить, каково это – жить здесь в тишине и одиночестве и видеть людей только тогда, когда захочешь...

Хотя, конечно, в такой стеклянной банке я бы жить не стала. Мой домик был бы маленький, незаметный – органичная часть пейзажа.

Я попробовала представить себе фермерский дом, который стоял здесь до пожара. Наверняка он был длинный и низкий, как животное, припавшее к земле. Такой бы мне, скорее всего, понравился.

Когда я открыла глаза, их больно резанул бьющий из огромных окон свет. Здесь, в лесу, это смотрелось так дерзко, так расточительно – большой золотой маяк во тьме. Только... настоящие маяки обычно сигнализируют о том, что кораблю не следует подходить слишком близко. Этот же был скорее как фонарь, приманивающий своим светом мотыльков.

Я поехала. Сколько можно себя накручивать? Это красивый дом, нас любезно пригласили сюда погостить... Но он все равно мне не нравился, я не доверяла Фло и с нетерпением ждала утра, когда можно будет уехать. Во сколько, кстати, прилично отсюда сорваться? Поезд у нас с Ниной отходит в пять вечера...

– Ты как? – донеслось у меня из-за спины, и я увидела струю выдыхаемого сигаретного дыма.

Я обернулась. Позади стояла Нина. В одной руке у нее была сигарета, другой она держала себя за противоположное плечо, зябко ежась.

– Извини. Я знаю, что ты хотела побыть одна, просто... Очень потянуло курить. И смыться оттуда. Фло действует мне на нервы. Как тебе понравился ее пассаж, что, мол, она про нас кое-что знает? Это что за хрень вообще?

– Понятия не имею, – ответила я, опустив глаза.

– Врет, скорее всего, – бросила Нина, затягиваясь. – Но, признаюсь, я сидела там и перебирала весь компромат на себя, который мог быть известен Клэр. Неприятно было думать, что они с Фло перемывали мне кости. Тому тоже эта мысль явно удовольствия не доставила. Интересно, что у него в шкафу за скелеты...

– Понятия не имею, – повторила я, стуча зубами; мороз уже пробирал меня до костей.

– Мелани права, – изрекла Нина, помолчав. – Фло реально сумашедшая. И то, что ее отношение к Клэр «нездорово», – еще очень мягкая формулировка. Стремление быть на нее похожей вплоть до одинаковой одежды... Напоминает сюжет «Одинокой белой женщины». Я вообще думаю, что от желания сыграть сцену в душе из «Психо» ее отделяет жалкая пара таблеток «ксанакса».

– Ой, да брось ты! – рассердилась я. – Никакая она не сумашедшая. Просто неуверенная в себе. Я знаю, каково это – все время находиться в тени. Быть подругой Клэр совсем не просто.

– Не пытайся ее выгораживать. Одинаковые шмотки и все такое – это ее дело, пусть живет как хочет. Но последняя выходка была направлена на нас, и я такого не потерплю. У нас билеты завтра на пять, но я подумала...

– ...уехать пораньше? Хотела предложить то же самое.

– Честно, я уже больше не могу. Сегодня бы рванула отсюда, вот только выпила, за руль нельзя. В общем, давай сразу после завтрака?

– Фло удар хватит, – мрачно промолвила я.

Там вроде на утро воскресенья было еще что-то в программе. Я точно не знала что, но в письме говорилось четко: отъезд «в два часа», не «до двух».

– Может, – признала Нина, затягиваясь. – Я бы вообще смылась потихоньку, без прощаний и проводов. Как считаешь? Это трусость?

– Да, – твердо сказала я. – Однозначно.

– Ну ладно, ладно... – Она вздохнула, выпустив клуб дыма, белого в лунном свете. – Давай я сошлюсь на какое-нибудь экстренное происшествие в больнице. Ну, позвонили с работы, велели явиться бегом... Придумаю что-нибудь.

– Как позвонили-то? Связи нет.

– Вот да, это тоже весело, согласишься? А если чокнутые местные реально явятся к нам с горящими вилами, что мы делать будем? Снежками их забросаем?

– Ой, давай без драмы. Нет тут никаких чокнутых местных. И тетушка небось сама подожгла дом, чтобы получить страховку, а свалила на соседей.

– Хорошо, если так. Я смотрела «Избавление»...

– Рада за тебя, давай все-таки подумаем о настоящей проблеме, а не о том, про что кино снимают.

– Ну, связь то есть, то нет, вполне может пройти текстовое сообщение среди ночи. Даже если Фло не поверит, что она мне скажет?

Я подумала, что сказать-то Фло может многое, но вряд ли она удержит Нину – если только не забаррикадирует дверь.

Нина курила, пуская колечки дыма в неподвижный ночной воздух, я выдыхала облачка белого пара.

– А что все-таки случилось-то? – наконец спросила Нина. – Что вызвало у тебя паническую атаку? Сообщение?

– Наверное...

– Но ты же не восприняла его на свой счет? – Нина покосилась на меня с любопытством и выпустила очередное колечко. – Кого ты могла убить-то?

Я пожала плечами.

– Да нет, я просто подумала... Там было много повторяющихся букв, написано очень криво... Вдруг это не «убийца», а «убийство»?

– В смысле, это нам предупреждение? «Готовьтесь, соседи точат вилы»?

Я снова пожала плечами.

– Не буду врать. – Нина выпустила колечко. – Я подумала, что это в мой адрес. Я никого не убивала намеренно, но были те, кого я могла бы спасти и не спасла, потому что ошиблась.

– То есть... ты веришь, что это писал дух?

– Не. В такую хрень я не верю. – Нина затаилась. – Просто кто-то хотел меня зацепить и попал пальцем в небо. Наверняка дело рук Фло. Мы ее разозлили своими приколами, вот она и решила отыграться. Про текилу написала я, она могла почувствовать.

– Думаешь, она?

Я посмотрела в ясное небо. Его цвет был не черный, а такой глубокий, чистый синий, что у меня заболели глаза. Далеко-далеко в сторону луны плыла серебристая точка – по орбите плыл спутник. Я вспомнила, с каким лицом Фло читала сообщение, как с закрытыми глазами обращалась к духу в полнейшей экзальтации.

– Мне кажется, вряд ли, – заключила я, еще по-думав. – Не знаю. Она была так искренне потрясена. Она вообще тут единственная, кто верит в спиритические сеансы. Не стала бы она злить духов, чтобы нам отомстить.

– Единственная? Я не пойму, ты-то веришь или нет?

– Нет. Я думаю, доску кто-то толкал. Только не Фло.

– Тогда остаются Том и Клэр. Ну, это как-то совсем...

Нина бросила бычок, и он с шипением утонул в снегу.

– Именно. Это как-то совсем. – Я помедлила, пытаюсь сформулировать свои чувства. – Меня даже не сообщение расстроило, а вот эта подлость. Это манипуляция. Кто-то пытался задеть всех за живое.

– И успешно справился со своей задачей.

Мы оглянулись на дом. В гостиной Клэр собирала бокалы и поднимала с пола рассыпанные орехи. Тома нигде не было видно – наверное, пошел наверх. Фло нервными, резкими движениями загружала посудомоечную машину. Удивительно, что она не перебила все, что в нее швыряла.

Мне так не хотелось туда возвращаться, что я всерьез подумала: черт с ним, с морозом, не попросить ли у Нины ключи и не поспать ли в машине?

– Ну все, нельзя тут всю ночь торчать, – вздохнула Нина. – Идем. Пожелаем спокойной ночи и сразу наверх. А с утра только нас и видели. Хорошо?

– Хорошо.

Я вошла в дом следом за ней и закрыла дверь.

– Запри ее, пожалуйста, – коротко бросила Фло.

Лицо у нее было замученное, тушь растеклась, волосы падали на глаза.

– Оставь ты посуду, мы утром поможем, – сказала ей Нина.

– Не надо, – сухо ответила Фло. – Мне помощь не нужна.

– Как угодно! – Нина вскинула ладони. – Мое дело предложить. Спокойной ночи. – И, выходя, буркнула себе под нос: – Тоже мне, мученица.

Глава 20

Нина захрапела почти сразу, раскинув во все стороны длинные смуглые конечности.

Я же никак не могла заснуть. Все думала о событиях дня и вообще о том, какую странную компанию собрала Клэр. До боли хотелось домой, в свою постель, к своим вещам, в блаженный покой. Я считала минуты и слушала Нинин храп и тишину ночного леса.

Впрочем, тишина была не полной. Уже проваливаясь в сон, я вдруг услышала тихий скрип и хлопок – негромкий, как будто стучала на ветру приоткрытая дверь.

Сперва сквозь дрему я не придала этому большого значения, но звук повторился. Долгий, тянущийся скрип – «ишишик» – а потом короткое стаккато – «клак».

Самое странное: звук доносился не снаружи. Источник был внутри дома.

Я села, затаив дыхание, и стала прислушиваться.

«Ишишик – клак!»

Сомнений не было, скрипело что-то на первом этаже. Я вылезла из постели, накинула халат, прокралась к двери...

...и чуть не закричала, открыв ее. Наверху лестницы, свешиваясь через перила, маячила похожая на призрак фигура.

Кричать я не стала, но, видимо, шумно втянула воздух, потому что фигура обернулась ко мне и приложила палец к губам.

Это была Фло – в белой ночной рубашке с розовыми цветочками, бледная как мел.

– Ты тоже слышишь? – прошептала я.

– Да. Сперва подумала, что мы ворота не закрыли. Но нет, это что-то в доме.

Сзади заскрипели половицы – в коридор вышла Клэр. Она терла глаза спросонья.

– Что у вас тут такое?

– Тс-с! – шикнула на нее Фло. – Внизу какой-то странный звук. Слушай.

Мы все замерли.

«Ишишик – клак!»

– Просто дверь на ветру, – сказала Клэр, зевая, однако Фло покачала головой.

– Звук *внутри* дома, какой тут может быть ветер? Значит, открыта дверь на улицу.

– Не может ничего быть открыто, – возразила Клэр. – Я все проверяла.

Фло прикрыла руками горло и прошептала испуганно:

– Что, надо идти вниз, да?

– Давайте разбудим Тома, – решила Клэр. – Он у нас парень грозный.

Она зашла в комнату, и оттуда послышался шепот:

– Том! Том! Вставай! Там внизу какой-то странный звук.

Вскоре на лестнице появился бледный и заспанный Том. Крадучись мы всей толпой спустились на первый этаж. Там был собачий холод, из кухни шел поток ледяного воздуха. Фло побелела.

– Я возьму ружье, – прошелестела она едва различимо.

– Ты же говорила, в нем холостые! – возразила Клэр одними губами.

– Он-то об этом не знает! – Фло кивнула на дверь гостиной и приказала Тому: – Иди первым.

– Я?! – в ужасе прошептал Том.

Но все же приоткрыл дверь, с опаской заглянул и сделал нам знак, что все в порядке. Мы вздохнули с облегчением и поспешно зашли. В гостиной никого не было. Лунный свет заливал ковер. Фло решительно сняла ружье со стены.

– Ты уверена, что в нем холостые? – еще раз спросила Клэр.

– Да, я точно знаю. Но напугать все равно можно.

– Так, если ты с ружьем, я перед тобой не пойду, – заявил Том, – и плевать, холостые там или нет.

– Ладно, ладно... – отмахнулась Фло.

Как бы она меня ни раздражала, я не могла не восхититься ее смелостью. Она немного постояла под дверью, унимая дрожь в руках, потом сделала прерывистый вдох и так резко открыла ее, что ручка громыгнула по кафельной стене.

В кухне никого не было. Луна отражалась в распахнутой настежь двери черного хода, и на плитках пола тонким слоем лежал снежок. Клэр тут же метнулась туда босиком.

– Смотрите, следы!

На лужайке виднелись большие бесформенные отпечатки ног, обутых то ли в резиновые сапоги, то ли в зимние ботинки на рифленой подошве.

– Твою мать! – выпалил Том и накинулся на меня: – Ты вечером последняя выходила, ты что, дверь за собой не заперла?!

– Да я... я запирала, – начала оправдываться я. – Хорошо помню. Я точно все закрыла, замок щелкнул.

– Значит, плохо щелкнул! – едко проговорила Фло.

В лунном свете она была похожа на мраморную статую, жесткую и неумолимую.

– Да все я закрыла! – Я начала злиться. – И потом, Клэр же еще перед сном проверяла.

– Ну... я просто подергала, – призналась Клэр. – Решила, раз не открылись, значит, все нормально. Замки-то я не крутила особо...

– Я заперла дверь! – упрямо повторила я.

Фло издала короткий гневный возглас, почти рычание, сунула ружье под мышку и удалилась наверх.

– Я заперла! – сказала я Тому и Клэр. – Вы-то мне верите?

– Слушай, никто не виноват. – Клэр захлопнула дверь и повернула ключ. – Главное, теперь она закрыта. Пошли спать.

Мы потопали наверх, еще содрогаясь от остатков адреналина. На площадке нас встретила сонная Нина.

– Что там за возня? – спросила она, протирая глаза. – Только что мимо меня проскакала Фло с ружьем наперевес!

– Мы тут немного струхнули, – пояснил Том. – Потому что *кое-кто* не запер за собой кухонную дверь.

– Я ее заперла! – рявкнула я.

– Короче, пофиг. Она была открыта. Настежь. Мы проснулись, оттого что она стучала на ветру. И снаружи были чьи-то следы.

– Охренеть! – С Нины сразу сошел весь сон. – Что-нибудь пропало?

– Да вроде нет... – Том посмотрел на нас с Клэр. – Вы не обратили внимание? Телик на месте. Все крупные вещи тоже. Кошельки свои там никто не оставлял? Мой-то в комнате.

– Мой тоже. – Клэр глянула в окно. – Машины стоят.

– Моя сумка вроде в комнате. – Я сунула голову проверить. – Ну да, вот она.

– Значит, грабить нас не собирались, – проговорил Том с беспокойством. – И можно было бы списать все на неисправный замок, если бы не следы. Позвонить в полицию?

– А как, если связи нет? – кисло поинтересовалась Нина.

– У тебя же вчера телефон поймал сеть на пару делений, – напомнила я.

Нина покачала головой.

– Один раз повезло случайно, и с тех пор по нулям. Ничего, главное, бензином не пахнет. Значит, местные пока не пришли нас тут жечь.

Никто не засмеялся.

– Лучше нам лечь поспать, – сказала Клэр после паузы, и все закивали.

– Если хочешь, тащи свой матрас к нам, – вдруг предложила Нина Тому. – Мне бы одной сейчас было бы неудобно.

– Спасибо, это... это очень мило, – ответил Том. – Но не надо. Я просто запрусь, чтобы никакой незваный гость не покусился на мое достоинство. Не то чтобы у меня его много осталось...

– Вот это ты хорошо сделала, – похвалила я Нину, залезая под одеяло. – В смысле, Тома по-звала.

– Тоже мне, дело, – фыркнула Нина. – Мне просто его жалко стало. И вообще, у него явно хороший хук справа, так что сосед был бы полезный. Хочешь свет оставить?

– Не надо. Главное, дверь теперь заперта.

– Ну да. – Она выключила ночник и посмотрела на экран телефона. – Третий час, кошмар... И сети по-прежнему нет. А у тебя не ловит?

Я протянула руку к тумбочке.

Телефона не было.

– Не могу найти. Погоди, ночник включу.

Я стала искать со светом – на полу, под кроватью, под тумбочкой, в сумке.

Телефона не было. Лишь валялся отсоединенный провод зарядного устройства. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз брала его в руки. В машине? Нет, я его за обедом доставала. А потом не помню. Без связи как-то смысла не было то и дело за него хвататься... Вроде бы я ставила на зарядку перед ужином, но вполне возможно, это было не сегодня, а вчера. Похоже, все-таки в машине выр-нила.

– Нету, – заключила я. – В машине остался.

– Ну и ладно. – Нина зевнула. – Главное, завтра его тут не забудь.

– Ага. Спокойной ночи.

– И тебе.

Она заворочалась, устраиваясь поудобнее. Я закрыла глаза и стала пытаться уснуть.

Что произошло дальше?

Господи... Что произошло дальше? Я не уверена, что...

Я полулежу на больничной койке, пытаюсь выстроить спутанные воспоминания в верном порядке, и тут дверь палаты снова распахивается. Сестра вкатывает перед собой тележку с подносом.

– Сейчас доктор посмотрит на твои анализы, и, скорее всего, потом тебе разрешат помыться. А пока надо позавтракать.

– Слушайте... – Я пытаюсь приподняться на подушках. – Слушайте, полиция там, за дверью... Они ко мне?

Сестра неловко отводит глаза и начинает сосредоточенно водружать на столик еду: картонную тарелочку с воздушным рисом, стакан молока и мандарин.

– Они ведут расследование несчастного случая, – наконец говорит она. – Наверняка с тобой захотят поговорить, но для этого им нужно разрешение лечащего врача. Я им так и сказала: не позволю врываться в палату среди ночи. Нечего, пусть ждут.

– Я слышала... – В горле у меня что-то скребется, то ли плач, то ли крик. – Они говорили, что кто-то погиб...

– Вот ведь! – Медсестра сердито хлопает ящиком. – Ну что они творят! Тебе нельзя волноваться, с твоей бедной головой!

– Так это правда? Кто-то погиб?

– Я не имею права обсуждать других пациентов.

– Это правда?!

– Я очень прошу тебя успокоиться. После такой травмы головы волнение противопоказано.

Она разводит руками, ничего не собираясь мне объяснять. Мне уже хочется завопить от этого дежурного жеста.

– Как я могу не волноваться?! Кто-то из моих друзей погиб, и я даже не знаю кто! Вы можете имя назвать? Почему я этого не помню! Почему я не помню, что было перед аварией?

– Так часто бывает после черепно-мозговой травмы. – Ее голос звучит очень мягко, так говорят с детьми и умалишенными. – Это связано с тем, как мозг переводит информацию из краткосрочной в долгосрочную память. Если что-то прерывает процесс, часть информации может потеряться.

Господи, я должна вспомнить! Я должна вспомнить, потому что кто-то погиб, под дверью моей палаты сидят полицейские, скоро они придут ко мне задавать вопросы, а я не знаю, что им отвечать, о чем меня вообще спрашивают!

Я помню, как бегу, бегу через лес, и на мне кровь – на руках, на лице, на одежде...

– Пожалуйста... – Голос срывается, в нем столько униженной мольбы, что я ненавижу себя за это. – Пожалуйста, скажите мне, что произошло? Что с моими друзьями? Откуда на мне столько крови? Я ведь не так сильно голову разбила, почему я вся в крови?!

– Я не знаю, – тихо отвечает медсестра с неподдельным сочувствием. – Не знаю, солнышко. Я приведу к тебе доктора, может, он что-то прояснит. А пока тебе надо поесть, восстановить силы. И доктор пусть увидит, что у тебя есть аппетит.

Она выкатывает тележку из палаты, дверь закрывается, и я остаюсь один на один с воздушным рисом.

Надо встать. Подняться на ватные ноги, дойти до коридора. Потребовать ответа от полиции. Но я остаюсь на месте. Слезы катятся по лицу и каплют с подбородка на воздушный рис. Одурающе пахнет мандарин; от терпкого запаха в голове вертится что-то, что я не могу ни вспомнить, ни забыть.

«Ну давай! – подгоняю я себя. – Давай! Соберись! Вставай! Выясни, что происходит! Выясни, кто погиб!»

Я не двигаюсь. И не только потому, что у меня болят ноги, раскалывается голова и все мышцы превратились в мокрые тряпки. Я не двигаюсь, потому что мне страшно. Я не хочу слышать имя, которое назовут мне люди из полиции.

Потому что я боюсь, что они пришли за мной.

Глава 21

Мозг заполняет дыры в памяти, дорисовывая в них то, чего не было.

Надо отделить факты от собственных фантазий.

Но как? Я же писатель. Мы профессиональные лжецы. И остановиться бывает очень сложно. Видишь дыру в сюжете – надо ее заполнить, добавить причину, мотив, правдоподобное объяснение.

И чем больше я стараюсь припомнить реальных событий, тем больше «фактов» рассыпается в пыль...

Точно помню, что проснулась от испуга. Не знаю во сколько, было еще темно. На соседней кровати сидела Нина, ее расширенные глаза поблескивали в полумраке.

– Ты слышала? – прошептала она.

Я кивнула. Я слышала, как кто-то прошел по коридору. А потом тихо отворилась одна из дверей.

Сердце стучало где-то в горле. Я сбросила одеяло, схватила халат. Перед глазами стояли свежие следы на лужайке.

Мы легли спать, не обыскав дом.

Секунду я постояла на пороге, прислушиваясь. Потом с осторожностью выглянула. В коридоре стояли Клэр и Фло, бледные от страха. Фло держала ружье.

– Что-то случилось? – прошептала я как можно тише.

Клэр быстро кивнула и пальцем указала на лестницу. Я вслушивалась, но не могла ничего различить из-за шума в ушах и собственного сбивчивого дыхания. Потом внизу что-то зашуршало, и раздался отчетливый стук, как будто кто-то прикрыл дверь. Внизу определенно кто-то ходил!

– Где Том? – спросила я одними губами, и в ту же секунду Том высунул голову из своей комнаты.

– Вы слышали? – спросил он.

Клэр мрачно кивнула.

На этот раз источником звуков был явно не ветер. Мы хорошо слышали шаги. Сначала по плитке в кухне, потом по паркету в коридоре, потом – скрип первой ступеньки.

К тому моменту мы сгрудились в тесный кружок, прибившись друг у другу. Кто-то нащупал мою ладонь и крепко сжал. Фло стояла впереди, поднимая ружье. Дуло тряслось, и я подставила снизу свободную руку, чтобы помочь Фло держать ровнее.

Скрипнула еще одна ступенька. Мы разом втянули воздух. На витке лестницы показалась фигура – силуэт на фоне выходящего на лес окна.

Мужчина. Высокий мужчина. Лицо скрыто темным капюшоном. В руке телефон, экран светится призрачным белым светом.

– А ну вали отсюда! – закричала Фло.

И тут ружье выстрелило.

Грянул гром, зазвенело стекло, отдачашибанула, как лошадь копытом, – мы все аж посыпались. Это я хорошо помню.

Помню, как с недоумением таранилась на разбитое окно и скачущие по деревянным ступеням ос-колки.

Помню, как человек вскрикнул – как будто даже не от боли, а от потрясения – и завалился назад. Медленно скатился с лестницы, словно каскадер в кино.

Кто-то включил свет. Он резанул по глазам, так что я на секунду зажмурилась. А потом – увидела.

Брызги крови, битое стекло и алый след, тянущийся там, где тело мужчины сползло вниз.
– О боже... – прохныкала Фло. – Ружье было заряжено!

Медсестра застаёт меня в слезах.

– Что произошло? Кто погиб? Скажите мне, кто погиб! – повторяю я.

– Не могу, солнышко. – В ее глазах искреннее сострадание. – Мне очень жаль. Доктор Миллер пришел, сейчас он тебя осмотрит.

Ко мне подходит врач.

– Доброе утро, Леонора. Ну, почему мы плачем?

Голос тихий, жалостливый. Мне хочется двинуть ему по морде.

Я собираю волю в кулак, выравниваю дыхание, прекращаю всхлипывать и говорю совершенно четко:

– Кто-то погиб. Мне не говорят кто. В коридоре ждет полиция. Я хочу знать, в чем дело.

– Давайте не будем сейчас об этом волноваться.

– Как, если я *уже* волнуюсь?! – выкрикнула я.

В коридоре оборачиваются. Доктор похлопывает меня по ноге, желая успокоить, но мне хочется съежиться и отпрянуть от его прикосновения. Я вся в синяках. У меня все болит. На мне одна больничная сорочка, запахивающаяся на спине. Не надо мне вот этих отеческих похлопываний, не надо вообще меня трогать! Я хочу домой!

– Послушайте, – говорит он мне. – Я понимаю, вы расстроены. Наверняка полиция даст ответ на ваши вопросы. Но сначала мне надо вас осмотреть. Убедиться, что вы готовы к разговору. Поэтому успокойтесь, пожалуйста. Вы понимаете, Лео-нора?

Я молча киваю и отворачиваюсь к стене. Он осматривает мою повязку, снимает показатели пульса и давления с монитора. Я прикрываю глаза и отвечаю на его вопросы.

Меня зовут Леонора Шоу.

Мне двадцать шесть лет.

Сегодня... Тут я не обхожусь без помощи, медсестра мне подсказывает. Сегодня воскресенье. Значит, я нахожусь здесь меньше двенадцати часов. Получается, сегодня шестнадцатое ноября. Вряд ли это можно назвать потерей памяти, скорее кратковременная дезориентация.

Премьер-министр сейчас Кэмерон.

Нет, меня не тошнит. Со зрением все в порядке, спасибо.

Да, я не могу вспомнить некоторые события минувшей ночи. Бывают такие события, которые лучше не помнить.

– Что ж, по-моему, все очень неплохо, – заключает наконец доктор Миллер, убирая фонарик и вешая стетоскоп на шею. – Показатели за ночь хорошие, томограмма тоже внушает оптимизм. Меня беспокоит только провал в памяти. Это нормально, когда выпадают несколько минут перед столкновением, однако в вашем случае, насколько я понимаю, парой минут не обошлось?

Я неохотно киваю. Перед глазами проносятся обрывочные образы: стволы деревьев, кровь, пляшущие огни фар.

– Ну, не исключено, что вы еще вспомните. Проблемы с памятью... – он намеренно избегает слова «амнезия», – ...бывают вызваны не только физическим воздействием. Иногда они в большей степени связаны со стрессом.

В первый раз я смотрю ему прямо в глаза.

– В каком смысле?

– Ну... это все-таки не моя специальность, я работаю с черепно-мозговыми травмами. Но иногда... иногда мозг подавляет то, с чем психика в данный момент не в состоянии справиться. Если угодно, своего рода... защитный механизм.

– С чем именно моя психика сейчас не в состоянии справиться? – жестко спрашиваю я.

Он улыбается и снова хлопает меня по ноге. Я заставляю себя не вздрагивать.

– Вам пришлось нелегко, Леонора. Может, вы хотели бы видеть кого-то из родных? Вашей маме мы уже сообщили. Но, насколько я понимаю, она в Австралии?

– Да.

– Кто еще может к вам приехать? Бойфренд? Партнер?

– Нет у меня никого. Пожалуйста... – Я больше не в силах терпеть агонию неизвестности. – Пожалуйста, пригласите сюда полицию.

– Хм... – Он встает, заглядывает в мою карту. – Я думаю, вы еще не готовы. Мы уже сказали им, что вы не в состоянии отвечать на вопросы.

– Я хочу говорить с полицией!

Только они могут дать мне ответ. Я должна их видеть. Я смотрю на врача, он делает вид, что вчитывается в мою карту. Наконец с раздраженным вздохом кладет карту на положенное ей место в изножье кровати.

– Хорошо. Сестра Макинтайр будет присутствовать. – Он поворачивается к медсестре. – У них полчаса, и пусть с ней помягче, никакого давления. Если мисс Шоу сочтет их вопросы слишком...

– Я поняла, – коротко бросает медсестра.

Доктор Миллер протягивает мне ладонь, я ее пожимаю, стараясь не смотреть на царапины и пятна крови на своей руке. Он собирается уходить.

– Погодите! – вдруг спохватываюсь я. – Можно мне сначала душ принять?

– Можно. Только не душ, а ванну. Повязку на лбу мочить нельзя. Так что я разрешаю ванну, если обещаете держать голову над водой.

И он выходит.

Чтобы отсоединить меня от машины, требуется время. На мне куча сенсоров, катетеров, иглоков, а в довершение всего между ног я, похолодев, обнаруживаю урологическую прокладку. Судя по объему, не пустую. Я что, теперь хожу под себя?! Мочой не пахнет, но это еще ни о чем не говорит...

Я поднимаюсь с кровати. Медсестра подставляет мне руку. Я хочу оттолкнуть ее, но вместо этого хватаюсь, как утопающий за соломинку, потому что шатает меня жутко. Так, повиснув на медсестре, я болезненно ковыляю в ванную.

Свет под потолком загорается автоматически. Медсестра наливает воду, помогает мне справиться с завязками на сорочке.

– Дальше я сама, – говорю я.

У меня все сжимается от мысли, что надо раздеваться перед чужим человеком, пусть даже перед медиком. Сестра качает головой.

– Извини, я не могу оставить тебя в воде без присмотра, мало ли что...

Я смиренно киваю, вылезаю из своего кошмарного подгузника. Медсестра тут же его убирает, так что я не успеваю посмотреть, испачкан ли он. Скидываю на пол сорочку, зябко ежась от ощущения наготы, хотя в ванной жарко.

Со стыдом я понимаю, что от меня пахнет. Воняет страхом, потом и кровью.

Держась за руку медсестры, я неловко забираюсь в ванну, хватаюсь за поручни и опускаюсь в обжигающую воду.

– Слишком горячая? – быстро спрашивает медсестра.

Я качаю головой. Не слишком. Слишком быть не может. Я бы в кипяток окунулась, чтобы отмыться.

Когда я наконец устраиваюсь в воде, меня потряхивает от усталости.

– Разрешите, я теперь одна поб-буду... – неловко прошу я.

Медсестра раскрывает рот, и я уже вижу, что она мне откажет, и это вдруг становится совершенно невыносимо – постоянное внимание, навязчивая доброта, неусыпный контроль.

– Пожалуйста! – восклицаю я чуть более резко, чем следует. – Бога ради, не утону я, тут воды-то всего ничего!

– Ладно, – неохотно сдается медсестра. – Только не вздумай сама вылезать! За веревку подержай, я сразу приду.

– Хорошо.

Неприятно признавать поражение, но вылезать самой и правда рискованно.

Медсестра выходит, оставив дверь слегка приоткрытой. От воды поднимается пар. Я лежу, прикрыв веки, отгораживаясь таким нехитрым образом от постоянного наблюдения, от больничных запахов и звуков, от гула люминесцентных ламп над головой.

Я провожу ладонями по исцарапанным, избитым рукам и ногам. Засохшая грязь и кровь размокают и растворяются в воде. Я пытаюсь вспомнить, зачем бежала через лес, почему у меня на руках кровь. Пытаюсь вспомнить, хотя не уверена, что вынесу правду.

Медсестра помогает мне вылезти, я вытираюсь, разглядывая незнакомые раны и швы на теле. На голених спереди я вижу глубокие неровные царапины. Кожа рассечена, как будто я продиралась через колючки. На ступнях и ладонях порезы – бежала босиком по битому стеклу, прикрывала лицо от летящих осколков.

Наконец я подхожу к зеркалу, стираю с него конденсат и вижу себя впервые после аварии.

Моя внешность никогда не привлекала к себе внимания. Я не заставляла людей оборачиваться мне вслед – как красотка Клэр или амазонка Нина. Но и уродиной я никогда не была. Теперь же, глядя в истекающее каплями зеркало, я понимаю: если бы я сейчас увидела такое лицо на улице, то отвернулась бы от страха и жалости.

Огромная повязка на голове лишь усиливает ощущение, что у меня мозги едва на месте держатся. То, что щеки расцарапаны, – ерунда, хуже два темно-бурых фингала, расплывшихся под глазами аж до скул, где их границы становятся бледно-желтенькими. Один, что справа, особенно роскошен, второй чуть поменьше. Словно мне дважды дали в глаз. Тем не менее я жива, а кто-то нет.

От этой мысли я прихожу в себя, ныряю в больничную сорочку и ковыляю навстречу миру.

– Что, впечатляет? – медсестра добродушно усмехается. – Не переживай, перелом основания черепа не подтвердился. Так что все нормально, просто удар по лицу. Или два.

– Перелом основания?..

– Очень опасная травма. Синяки под обоими глазами могут быть симптомом. Но тебе сделали рентген и томограмму, все в порядке. А синяки сойдут, оглянуться не успеешь.

– Я готова. Зовите полицию.

– Солнышко, ты уверена? Ты можешь еще подождать, сил набраться...

– Уверена, – твердо отвечаю я.

Я снова в постели, полулежу, сжимая в руках чашку. Медсестра утверждает, что это кофе. Враки – разве что только в результате черепно-мозговой травмы у меня пострадали вкусовые рецепторы.

Стук в дверь. Я резко поднимаю голову, сердце начинает колотиться. За стеклянным окошком мне улыбается женщина из полиции. Ей за сорок, и она необыкновенно красивая. Точеные черты лица, как у супермодели, и в сочетании с формой это смотрится потрясающе неуместно – хотя я и не могу объяснить почему. Почему бы офицеру полиции не выглядеть как супруга Дэвида Боуи?

– В-войдите! – говорю я, проклиная опять включившееся заикание.

Она заходит, по-прежнему улыбаясь. У нее стройная поджарая фигура – как у бегуны или у английской борзой.

– Добрый день. Я констебль криминальной полиции Ламарр. Как вы себя чувствуете?

Голос у нее теплый, гласные звучат как кара-мельки.

– Спасибо, лучше.

Лучше? Что я несу-то? Лучше, чем когда? Я в больничной сорочке, не закрывающейся на заду, и у меня по фингалу под каждым глазом! Куда уж ху-же-то?!

Потом я одергиваю себя: все-таки меня отключили от аппарата и не надели памперс. То есть мне доверяют в том, что я не обмочу постель. Явная перемена к лучшему.

– Лечащий врач разрешил мне задать вам несколько вопросов. Но если вы поймете, что для вас это пока слишком тяжело, мы прервемся. Хорошо?

Я молча киваю.

– Расскажите, что вы помните о прошлой ночи.

– Ничего. Я не помню ничего!

Получается слишком резко, слишком нервно. К своему ужасу, я чувствую, как к горлу подкатывает ком. Я не заплачу! Я взрослая женщина, в конце концов, не ребенок с разбитой коленкой, ревом подзывающий папочку.

– Ну это же неправда. – Ламарр произносит без всякого обвинения, скорее как учительница, подбадривающая ученика. – По словам доктора Миллера, вы прекрасно помните события, которые привели к аварии. Вот и начните сначала.

Я не могу удержаться от сарказма.

– Сначала? Типа, с детских травм, что ли?

– А это уж вам виднее. – Она садится в изножье кровати, проигнорировав больничные запреты. – Если события вашего детства имеют отношение к случившемуся, начинайте с них. Хотя давайте лучше я задам вам несколько легких вопросов, просто чтобы разогреться. Назовите мне свое имя.

А как, собственно, меня зовут? До этих выходных я вроде бы знала, кто я, кем я стала. Теперь же я не знаю ничего.

– Леонора Шоу, – отвечаю я. – Предпочитаю, чтобы меня называли Норой.

– Хорошо, Нора. Сколько вам лет?

Видимо, она хочет проверить, в каком состоянии моя память.

– Двадцать шесть.

– Как вы здесь оказались?

– В больнице?

– В больнице и вообще в Нортумберленде.

– У вас нет северного акцента, – зачем-то говорю я.

– Я родом из Суррея.

Ламарр лукаво улыбается мне, давая понять, что это не по правилам – она должна задавать вопросы, а не отвечать на них. И то, что она ответила, – это некий жест, хотя я и не готова определить его значение. Пожалуй, это шаг навстречу в обмене личной информацией: я тебе, ты мне.

– Так что вас сюда привело?

Я хочу потерять лоб, но боюсь сбить повязку. Кожа под ней горит и чешется.

– У нас был девичник. Мы приехали на выходные. Она тут училась. Клэр, в смысле. Невеста. Слушайте, а я что, подозреваемая?

– Подозреваемая? – Прекрасный глубокий голос Ламарр превращает холодное слово в упражнение из сольфеджио. – На данном этапе расследования – нет. Пока мы собираем информацию. Хотя не исключаем ничего.

То есть: *пока* нет.

– Теперь расскажите, что вы помните из прошлой ночи.

Она возвращается к теме, как очень красивая и воспитанная кошка кружит вокруг мышинной норки. Я хочу домой.

Зуд под повязкой мешает сосредоточиться. Краем глаза я вдруг замечаю на тумбочке мандарин и отворачиваюсь.

– Я помню... – К моему ужасу, у меня наворачиваются слезы. – Я помню... – Я сглатываю ком, впиваюсь ногтями в свои и без того изодранные ладони, надеясь, что боль прогонит память о нем в луже крови на медового цвета паркете. – Пожалуйста, скажите мне, кто... кто...

Я не могу произнести это. Просто не могу. Слова застревают в горле. Я зажмуриваюсь, считаю до десяти, терзаю ногтями ладони до тех пор, пока руки от боли не начинают трястись.

Ламарр издает удивленный возглас. Открыв глаза, я впервые вижу на ее лице искреннее беспокойство.

– Мы бы хотели услышать вашу версию событий, прежде чем мутить воду, – говорит она.

Я понимаю, что она ничего не может поделать – отвечать на мои вопросы ей запрещено.

Мне кое-как удается выдать из себя:

– Хорошо. Не надо. Господи...

Из глаз начинают литься слезы. Они льются, и льются, и льются. Я знала. Все именно так, как я и боялась.

Я слышу, как Ламарр обращается ко мне по имени, и мотаю головой. Слезы текут из-под крепко сжатых век, обжигают изрезанные щеки. Ламарр сочувственно вздыхает и поднимается с моей кровати.

– Я пока выйду, – говорит она.

Со скрипом приоткрывается и захлопывается дверь. Я остаюсь одна. И плачу, плачу, пока у меня не кончатся слезы.

Глава 22

Ясо всех ног сбежала вниз по лестнице, пытаясь не порезаться битым стеклом и цепляясь за перила, чтобы не поскользнуться в крови. Он скорчился внизу. Живой. Дыхание вырывалось из его груди с всхлипами.

– Нина!!! – закричала я. – Нина, он живой! Кто-нибудь, вызовите «скорую»!

Нина спускалась, перепрыгивая через стекла.

– Как ее вызвать, сигнала нет!

И тут он прошептал:

– Лео...

Я застыла. Откинула с его лица капюшон и узнала. Я узнала.

Этот момент я помню со всей четкостью.

– Джеймс?!

Это произнесла не я, а Нина. Она буквально скатилась с последних ступенек и упала рядом с ним на колени.

– Джеймс, господи... Как ты сюда попал?!

Она чуть не плакала, но при этом действовала с профессиональной сноровкой – бережно прощупала пульс, нашла источник кровотечения...

– Джеймс, скажи что-нибудь! Нора, говори с ним! Пусть он тебе отвечает! Нельзя, чтобы он потерял сознание!

– Джеймс... – Я не видела его десять лет и теперь совершенно потерялась. – Господи, Джеймс... Как... почему...

– С-со... – Он кашлянул, и его губы окрасились кровью. – Лео?

Это прозвучало как вопрос, но я ничего не поняла.

Как много крови...

Нина расстегнула его толстовку, нашла где-то ножницы и теперь разрежала на нем футболку. Я чуть не зажмурилась при виде залитой кровью груди – груди, которую я когда-то гладила и целовала.

– Твою мать... – простонала Нина. – «Скорая» нужна.

– Она... – На губах Джеймса пузырилась кровь. – Она тебе... сказала?

– Пробито легкое. Наверняка внутреннее кровотечение. Зажми здесь!

Из раны на бедре хлестала кровь. Нина положила мою руку на повязку, наскоро сооруженную из футболки.

– Что нам делать?

– Пока надо остановить кровь, иначе ему конец. Зажимай сильнее! Попробую сделать жгут, но...

– Господи... – Фло стояла над нами, как привидение, закрывая руками лицо. – Боже мой... Простите... я боюсь крови...

И она осела на пол. Нина смачно выругалась себе под нос и закричала:

– Том! Убери эту отсюда, она в обморок упала! В комнату отнеси!

– Клэр... – Джеймс не мигая смотрел на меня.

Я сжимала его руку, стараясь не впасть в истерику.

– Сейчас, она сейчас придет. Господи, да где она?! Клэр!!!

Никакого ответа.

– Нет... Не надо... Она сказала? Про сообщение...

Голос у него стал такой слабый, что я едва разбирала слова.

– Что?

Он закрыл глаза. Его ладонь в моей обмякла.

– Он умирает! – простонала я. – Нина, сделай что-нибудь!

– А я что тут, в игрушки играю?! – возмутилась Нина. – Тащи полотенце! Нет! Сиди! Держи повязку! Я сама. Где Клэр черти носят?!

Она убежала, я услышала, как на кухне хлопают ящики.

Джеймс совсем затих.

– Джеймс! – позвала я, начиная поддаваться панике. – Джеймс! Скажи что-нибудь!

Он с трудом разлепил веки и посмотрел на меня. Глаза у него блестели, в них отражались лампочки под потолком. Окровавленная грудь и живот были открыты холоду. Мне хотелось прикоснуться к нему, поцеловать, заверить его, что все будет хорошо. Но я не могла ему лгать.

Я стиснула зубы и сильнее прижала повязку к бедру. Только бы кровь перестала так сильно литься...

– Прости меня... – пробормотал он.

Я сперва подумала, что ослышалась, и наклонилась к нему поближе.

– Что?

– Прости меня...

Он сжал мою ладонь, а потом вдруг, к моему изумлению, поднял дрожащую руку и погладил меня по щеке. Дышал он с хрипом, из угла рта тонкой струйкой стекала кровь.

Я зажмурилась, чтобы не заплакать.

– Ну что за ерунда. Это было давно. Все в прошлом.

– Клэр...

Да где эта идиотка ходит?! Слеза сорвалась у меня с кончика носа ему на грудь. Он снова потянулся ко мне, хотел вытереть мне глаза, но не смог и обессиленно уронил руку.

– Не... плачь...

– О, Джеймс, – только и смогла ответить я, хотя должна была сказать ему так много.

Только не умирай. Пожалуйста, не умирай.

– Лео... – тихо проговорил он и закрыл глаза.

Только он называл меня так. Только он, он один.

Когда раздается стук в дверь, я все еще плачу. Я с трудом принимаю сидячее положение, совсем забыв о кнопке, которой можно приподнять изголовье кровати. Потом наконец все-таки нажимаю ее и утираю глаза.

– Войдите.

На пороге появляется Ламарр. У меня наверняка красные глаза и зареванный голос, но мне плевать.

– Скажите правду, – требую я, не дожидаясь, пока она сядет и начнет разговор. – Пожалуйста. Я вам все выложу, все, что помню. Только скажите, он умер?

– Мне очень жаль, – говорит она.

Это не прямой ответ, но я все понимаю. Я сижу, мотая головой, пытаюсь хоть что-то вымолвить. Ламарр молча ждет, когда я соберу волю в кулак. Наконец, когда мое дыхание немного выравнивается, она протягивает мне картонный стакан.

– Кофе хотите?

Господи, Джеймс погиб. Какой, к черту, кофе?! Но я машинально киваю. Беру стакан, делаю большой глоток. Кофе горячий и крепкий. Ничего общего с больничным жиденьким раствором.

Невозможно поверить, что я жива, а Джеймса больше нет.

Я опускаю стакан. Лицо словно окаменело, голова раскалывается.

– Спасибо, – хрипло говорю я.

Ламарр берет меня за руку и сочувственно пожимает.

– Хотела порадовать вас хоть чем-то. Мне очень жаль, что... – Она умолкает. – В целях расследования было решено не давать вам никакой дополнительной информации. Нам нужно знать вашу версию событий.

Всю свою взрослую жизнь я писала об этом книги, как раз о таких ситуациях, таких допросах. Мне в голову не могло прийти, что однажды самой придется фигурировать в чем-то подобном.

Пауза затягивается.

– Понимаю, вам тяжело, – произносит наконец Ламарр, – но не могли бы вы вспомнить, как все было? Что зафиксировалось у вас в памяти?

– Я помню все, что было до... до выстрела. Потом я сбежала вниз... Он там лежал...

Я стискиваю зубы и некоторое время со свистом дышу сквозь них, сдерживая подступающие слезы. Отхлебываю кофе, не обращая внимание на то, что он обжигает мне язык.

– Вы наверняка уже знаете про ружье. Они же вам рассказали? Нина, Клэр и остальные?

– Да, мы их допросили. Но нам важно знать версии всех участников.

– Мы были очень напуганы... – Прошло как будто сто лет с той минуты, когда мы крались по темному дому в страхе и пьяном угаре, в тумане стучащего в висках адреналина. – Вечером у нас был спиритический сеанс, знаете, есть такие доски с закрепленной на них ручкой, которая пишет, типа, сообщения от духов? Она написала слово «убийца». Мы, конечно, не поверили, что это по правде, однако все равно занервничали. А потом на снегу возле дома появились следы. И когда мы ночью проснулись, в смысле в первый раз, кухонная дверь была раскрыта настежь.

– Каким образом?

– Понятия не имею. Ее запирали на ночь. Вроде бы Фло. Или Клэр... В общем, ее заперли и потом еще перед сном проверили. Но среди ночи она как-то сама открылась и хлопала на ветру, и мы все перепугались насмерть. А потом слышали шаги...

– Кому пришлось в голову схватить ружье?

– Не знаю. Фло взяла его к себе в комнату, когда мы обнаружили раскрытую дверь. Но в нем должны были быть холостые!

– Правильно ли я понимаю, что ружье держали вы?

– Я?! Нет! Оно было в руках у Фло.

– На стволе ваши отпечатки.

Я потрясенно смотрю на нее. Они сняли отпечатки с ружья?! Потом я соображаю, что от меня ожидается ответ.

– Я п-придерживала ст-ствол. – *Какого черта я опять заикаюсь?!* – Но рукоять была не у меня. В смысле, приклад. Слушайте, ружье держала Фло, у нее тряслись руки, ствол ходил ходуном, я его просто придерживала, чтобы она ни на кого из нас дуло не наставила!

– Зачем? Вы же думали, что в ружье холостые.

Вопрос заставляет меня опешить. В залитой солнцем палате мне вдруг становится холодно. Снова чуть не срывается вопрос, не подозревают ли меня. Но она все равно ответит, что нет, и вообще это будет выглядеть странно.

– Затем, что этого делать нельзя. Даже если ружье не заряжено. Ясно вам?

– Ясно, – спокойно говорит она, что-то записывает в блокноте и переворачивает страницу. – Давайте вернемся немного назад. Откуда вы знали Джеймса?

Я закрываю глаза и прикусываю щеку изнутри, чтоб не разреветься. У меня много вариантов, все-таки мы вместе учились. Дружили. Он жених моей школьной подружки. То есть был. Невозможно поверить, что его уже нет. Я вдруг осознаю собственный эгоизм: я думаю лишь о своей горе, но каково сейчас Клэр? Вчера она была счастливой невестой, сегодня же потеряла все. Теперь она... кто? Даже не вдова. Она просто осталась одна.

– Он... Мы с ним когда-то встречались.

Я все же решила ответить честно. Настолько честно, насколько могу.

– А когда разошлись?

– Давно. Нам было... по шестнадцать или семнадцать, я даже не помню.

Тут я кривлю душой. Конечно, я помню, с точностью до дня. Мне было шестнадцать и два месяца. Джеймсу оставалось несколько месяцев до семнадцатилетия.

– Как разошлись? Хорошо, мирно?

– Нет.

– С тех пор, очевидно, примирились? Если невеста позвала вас на девичник...

Она умолкла, приглашая меня рассыпаться штампами про то, что «время все лечит», про «юношеский максимализм» и все такое прочее.

Но я этого не делаю. А что мне сказать-то? – Правду?

Что-то холодное сжимает сердце, несмотря на жар от радиаторов, несмотря на бьющие в окно солнечные лучи.

Мне не нравятся эти вопросы.

Джеймс погиб случайно. Ружье, которое вообще считалось незаряженным, выстрелило. Зачем констебль криминальной полиции интересуется подробностями отношений, которые закончились десять лет назад?

– Я не понимаю, как это связано с тем, что произошло, – говорю я резко.

Слишком резко.

Ламарр поднимает взгляд от блокнота, скругляет пурпурные губки в беззвучном «О...». Черт, черт, черт! Как глупо!

– Нам просто нужна полная картина, – мягко говорит она.

У меня по спине бегут мурашки.

Джеймс застрелен из ружья, которое все считали незаряженным. Кто его зарядил?

Я снова очень хочу задать все тот же вопрос: меня подозревают?

Но не могу. Спрашивать нельзя, это само по себе подозрительно. А мне вдруг хочется вызывать как можно меньше подозрений.

– Мы разошлись очень давно, – повторяю я, оправдываясь. – Тогда мне было больно. Но люди все могут пережить, тем более за такое время.

Опять вру. Конечно, не все. Такое точно нет. Может, другие и могут, только не я.

Но Ламарр не слышит в этом лжи. Она задает следующий вопрос, теперь снова про события минувшей ночи – возможно, таким образом пытаюсь элегантно сбить меня с толку.

– Как вы действовали после выстрела? Расскажите, что делал каждый из вашей компании.

Я закрываю глаза.

– Давайте по порядку. – Голос у нее мягкий, ободрающий, почти гипнотический. – Вот вы с ним у подножия лестницы...

Я сидела с ним у подножия лестницы. Вся в крови – и руки, и одежда... В его крови.

Глаза у него снова закрылись. Через пару минут я наклонилась проверить, дышит ли он. Он дышал. Я почувствовала щекой слабое движение воздуха.

Он изменился с тех пор, как я видела его в последний раз. У него появились морщинки – вокруг рта и от крыльев носа к подбородку. Черты лица стали острее и четче. Но это по-прежнему был он: та же линия лба, горбинка носа, ямочка под нижней губой, где жаркими летними вечерами выступали капельки пота.

Это по-прежнему был мой Джеймс. Хотя мне он больше не принадлежал. Куда пропала Клэр?!

За спиной послышались шаги. Клэр? Нет, Нина, принесла какую-то длинную белую тряпку – похоже, разорванную на полосы простыню. Она опустилась на колени и принялась туго перетягивать Джеймсу ногу.

– Сейчас я перевяжу тебя, и мы поедem в больницу, – громко сказала она, обращаясь, видимо, не только к Джеймсу, но и ко мне. – Джеймс? Ты меня слышишь?

Он не ответил. На лице у него была странная восковая бледность. Нина покачала головой и обратилась ко мне:

– За руль пусть садится Клэр. Ты будешь за штурмана. Я поеду с ним сзади, мало ли что. Том пусть остается с Фло. Похоже, у нее шоковое состояние.

– А где Клэр?

– Пыталась поймать сеть в дальнем конце сада. Вроде бы там иногда ловится.

– У меня ничего не получилось, – произнес голос за моим плечом.

Клэр. Бледная, как молоко, уже одетая.

– Он может говорить? – спросила она.

– Он пытался. Теперь потерял сознание...

– Твою мать... – С лица Клэр ушли все краски, даже губы стали совершенно бескровными, в глазах стояли слезы. – Надо было мне прийти быстрее. Я просто думала...

– Все правильно, – оборвала ее Нина. – Сейчас важнее всего хотя бы попытаться вызвать «скорую». Короче, жгут я кое-как соорудила, лучше уже не получится, и больше я ничего сделать не смогу. Надо ехать.

– Я поведу, – тут же отреагировала Клэр.

Нина кивнула.

– Я поеду с ним сзади. Иди подгони машину как можно ближе к выходу.

Клэр схватила ключи и убежала. Нина повернулась ко мне.

– Его надо на что-то положить. На что-то плоское, вроде носилок. Иначе мы его не доведем.

Мы огляделись, однако ничего мало-мальски подходящего не увидели. Голос Тома раздался так не-ожиданно, что мы обе вздрогнули.

– Давайте снимем дверь с петель. – Том смотрел на распростертого в луже крови Джеймса, и на лице его был ужас. – Я уложил Фло в постель, она в отключке. Он выживет?

– Честно? – устало произнесла Нина, и в глазах у нее впервые мелькнул страх. – Честно – я не знаю. Шансы есть. Особенно если получится с дверью. Отвертку найдешь? Я вроде видела под лестницей ящик с инструментами.

Том коротко кивнул и убежал. Нина закрыла лицо руками, глухо повторяя:

– Черт, черт, черт...

– Все нормально?

– Нет. Да. – Она посмотрела на меня. – Со мной-то все нормально. Просто... господа, как глупо, как же глупо! На хрена махать ружьем, если не знаешь, чем оно заряжено?!

Я вспомнила, как Том накануне в шутку наставил дуло на меня, и почувствовала дурноту.

– Бедная Фло... – проговорила я.

– Это она курок спустила?

– Э-э, вроде да. Я не знаю. Ружье держала она.

– А я думала, ты.

– Я?! – У меня от изумления и ужаса аж челюсть отвисла. – Нет, конечно! Но толкнуть Фло под руку мог кто угодно, мы же сбились в кучу...

Снаружи донесся рев мотора и треск гравия под колесами. Что-то грохнуло в гостиной, и оттуда вскоре появился Том, с трудом таща тяжелую дубовую дверь, из которой все еще торчали ручки.

– Весит просто тонну! – сообщил он. – Но до машины как-нибудь дотащим.

– Хорошо. – Нина тут же начала командовать с привычной уверенностью: – Том, бери за плечи, я за ноги. Нора, придерживай под бедра, только не сдерни повязку. Перекладываем на дверь, смотрите не зацепите за ручку! Готовы? По моему сигналу. Три, два, один, взяли!

Втроем мы подняли его с пола. Из груди Джейм-са вырвался стон, запекшиеся от крови губы снова окрасились алым. И все же нам удалось переложить его на самодельные носилки. Я побежала открывать тяжеленную стальную входную дверь, впервые благодаря Бога за то, что этот дом такой огромный и у нас не будет проблем с тем, чтобы в нее протиснуться. Потом вернулась назад и вместе с Ниной схватилась за нижний край носилок. Было очень тяжело, но мы кое-как вытащили Джеймса наружу, где уже ждала Клэр. Мотор ее машины работал, из выхлопной трубы в морозный воздух поднималось белое облачко.

– Он дышит? – спросила Клэр через плечо; она развернулась на сиденье, чтобы открыть заднюю дверь.

– Дышит, – ответила Нина. – Хотя перестать может в любой момент. Так, перекладываем.

В каком-то жутком бреду, дрожащими, залитыми кровью руками мы переложили Джеймса на заднее сиденье, где он неловко скорчился. Я слушала его короткие хриплые вдохи, умирая от страха. Одна нога у него высывалась наружу, и над сочащейся по ней кровью поднимался пар. От этой картины я застыла как вкопанная, не зная, что делать дальше. Том осторожно согнул ему ногу и закрыл дверь.

– Я на заднее сиденье уже не влезу, – констатировала Нина.

Сначала я даже не поняла, про что она. Потом сообразила: четверо в машину не поместятся.

– Езжай, я останусь, – сказала я.

Нина не стала спорить.

– Нора? – Голос Ламарр мягок, но настойчив. – Вы меня слышите? Что вы делали потом? Я открываю глаза.

– Мы отнесли Джеймса в машину. Том снял дверь, положили на нее. За руль села Клэр. Нина должна была ехать сзади с Джеймсом, а я впереди штурманом.

– Должна была?

– У нас... возникло недоразумение. В общем, когда стало ясно, что четверо в машину не поместятся, мы с Ниной договорились, что я остаюсь. И побежали в дом за ее телефоном и одеялами для Джейм-са. А дальше я сама не поняла, как так вышло...

– Продолжайте.

Я закрыла глаза, вспоминая. В голове был туман. Том с Клэр о чем-то спорили, потом она нетерпеливо крикнула: «Да ладно, я позвоню, когда доеду» – и ударила по газам. Выбежав на крыльцо, я увидела лишь красные огоньки, подпрыгивающие на ухабах. «Какого хрена?! – вопила Нина, скатываясь со ступенек. – Ты что творишь?!» Однако Клэр уже скрылась из виду.

– Мы друг друга не поняли, – говорю я Ламарр. – Том пытался остановить Клэр, но она решила, что мы обе остаемся, и уехала без Нины.

– А что потом?

Что потом... Вот дальше начинается провал.

Я помню, что увидела на перилах куртку Клэр. Видимо, она собиралась взять ее, но забыла. Помню, что взяла ее в руки.

Я помню...

Я помню...

Я помню, как Нина плакала.

Я помню, как стояла на кухне, подставив руки под воду, и смотрела, как кровь Джеймса утекает с них в раковину.

А потом... не знаю, что это, может, шок, дальше у меня в голове лишь фрагменты. И чем больше я стараюсь собрать их воедино, тем больше теряюсь – что из этого произошло на самом деле, а что является плодом моего воображения.

Я помню, как взяла с перил куртку. У меня нет уверенности, чья она – на стрельбище Фло была в похжей.

Я помню, как держу ее в руках, смотрю на нее.

И что-то от меня ускользает.

А потом я уже отчаянно бегу через лес за машиной.

Что-то заставило меня броситься им вдогонку. Сунуть ноги в холодные кроссовки и ломануться по темной разбитой дороге, кое-как освещая себе путь дико мечущимся лучом фонарика.

Что?

Я опускаю глаза. Пальцы сами собой сгибаются, словно держа в ладони что-то невидимое. Что-то маленькое и твердое. Может быть, правду?

– Не помню, – говорю я Ламарр. – Дальше все очень смутно. Я побежала через лес...

Я смотрю на лампу, потом снова на свои руки, как будто желая найти в них ответ. Но ответа нет, мои ладони пусты.

– Мы взяли показания у Тома. Он утверждает, что у вас было что-то в руке. Вы посмотрели на это и убежали – сразу, даже куртку не накинув. Что заставило вас так поступить?

– Не знаю! – восклицаю я в отчаянии. – Я хотела бы вам ответить, но я не помню!

– Постарайтесь вспомнить, это очень важно.

– Да понимаю я! – Мой выкрик звучит чересчур громко в маленькой палате. – Думаете, нет?! Речь о моем друге, моем... моем...

Я стискиваю пальцами тонкое больничное одеяло. Нет такого слова, каким можно было бы описать мое отношение к Джеймсу. Задыхаясь, я прижимаю колени к груди. Мне хочется биться о них головой до тех пор, пока воспоминания не польются наружу вместе с кровью, но я ничего не могу поделать. Кусок прошлой ночи просто выпал.

– Нора... – Ламарр то ли желает успокоить меня, то ли предостеречь, а скорее всего – и то, и другое.

– Я очень хочу вспомнить, – цежу я сквозь зубы. – Вы даже не представляете, насколько сильно.

– Я вам верю, – говорит Ламарр почти с грустью, и я чувствую, как ее рука ложится мне на плечо.

Резкий стук в дверь, медсестра вкатывает в палату тележку.

– Что тут происходит? – возмущенно спрашивает она, увидев мое зареванное лицо. – Вот что, дамочка, я не позволю доводить пациентку до слез! Вы что себе позволяете?! Она меньше суток назад чуть насмерть не разбилась! А ну-ка вон отсюда!

– Все не так... Она не... – мямлю я в защиту Ламарр.

Но без особого рвения. Все-таки она действительно довела меня до слез, и я рада, что ей пришлось уйти. Рада свернуться в клубок и немного успокоиться. Медсестра выставляет на столик творожную запеканку и миску вареной стручковой фасоли, ворча про полицейское самоуправство: что эта мадам о себе возомнила, ее тут пустили на минуточку в качестве жеста доброй воли, а она допрос учиняет, разве можно так с пациенткой, которая еле выкарабкиваться начала... Медсестра шлепает в миску какое-то варево, заливает подливой и ставит на подносе передо мной. Палату наполняют запахи школьной столовки.

– Поешь, солнышко, – говорит она с нежностью. – Ты же тощая, кожа да кости! Воздушный рис – это, конечно, хорошо, но толку от него немного. Чтобы поправляться, нужны мясо и овощи.

Есть мне совсем не хочется. И я отставляю прочь нетронутую тарелку, как только медсестра уходит. Ложусь на бок, обнимая ноющие ребра, и погружаюсь в размышления.

Надо было спросить про Клэр, где она, как она...

И Нина, что с Ниной? Она цела? Почему она не зашла ко мне? Надо было все это спросить...

Лежу и думаю о Джеймсе, о том, что мы значили друг для друга, обо всем, что я сделала и потеряла. Там, в доме, когда я держала его за руку, я чувствовала, что вместе с утекающей из него жизнью из меня утекает моя черная обида, которую я уже и не надеялась искоренить.

Моя злость и обида на то, что между нами произошло, очень долго определяла то, кто я есть. Теперь этой обиды не стало, а с ней и Джеймса – единственного человека, который о ней знал.

И в этом осознании была и легкость, и тяжелый груз.

Я лежу и думаю не о нашей первой встрече – познакомились-то мы лет в двенадцать, если не раньше, – а о том, когда я впервые его *заметила*. Джеймс играл Багси Мелоуна в школьном спектакле. Клэр, разумеется, досталась роль Блаузи Браун. Вообще, она выбирала между Таллулой и Блаузи, но героя в итоге прибирает к рукам Блаузи, так что выбор был очевиден. Роль неудачницы не для Клэр.

Разумеется, я и прежде видела Джеймса – как он носился на переменах по коридору, пускал бумажные самолетики и разрисовывал себе руки на уроках. Обычный парень. Но стоило ему выйти на сцену... и он начинал светиться. Мне только исполнилось пятнадцать, ему было почти шестнадцать – один из самых старших в нашей параллели, к тому же в том году он сделал себе брутальную панковскую стрижку: обрил голову почти под ноль, оставив на макушке длинные волосы, которые скручивал в маленький пучок. Смотрелось это довольно бунтарски. Для роли Багси на репетициях он распускал этот пучок и укладывал чем-то вроде бриолина, так что даже в школьной форме смотрелся настоящим гангстером из тридцатых годов. Гангстер сквозил в его манере речи, в походке, в каждом движении, в каждой позе. Он так убедительно зажимал в углу рта несуществующую сигару, что я буквально чувствовала ее дым. Мне хотелось затащить его в постель, и я понимала, что мое желание разделяют все девочки класса. И некоторые мальчики.

По крайней мере, за Клэр я могла ручаться. Она сама сказала об этом в зрительном зале, наклонившись ко мне с заднего ряда и обдав запахом розовой помады: «Джеймс Купер будет мой. Я решила». Я ничего тогда не ответила. Клэр всегда получала что хотела.

За летние каникулы между ними ничего не случилось, и я уже подумала, что Клэр забыла о своем решении.

Но с началом очередного семестра я поняла по множеству маленьких деталей, что ничего она не забыла. Она просто выжидала.

Осенью ставили «Кошку на раскаленной крыше». Джеймс получил роль Брика, Клэр – Мэгги. Она с довольным видом рассказывала мне, как им понадобится дополнительное время для репетиций, один на один в театральной студии после уроков. Однако даже чары Клэр бессильны против ангины. Она проболела большую часть семестра, роль Мэгги пришлось исполнять актрисе второго состава. То есть мне.

Так вместо Клэр я стала Мэгги, знойной красоткой Мэгги, и целую неделю я каждый вечер целовала Джеймса, ругалась с ним, вешалась на него с чувственностью, которой никогда в себе не подозревала. Я не заикалась. Я вообще перестала быть мышкой Ли. Ни до, ни после мне никогда не удавалось так хорошо вжиться в роль. Но Джеймс был настоящим Бриком – пьяным, злым, растерянным, – так что мне пришлось стать Мэгги.

После премьеры спектакля все участники устроили вечеринку. Сперва кола и сэндвичи в так называемой гримерной, которую заменил нам пустой класс в конце коридора. Потом кола и виски на парковке, а потом все то же самое на кухне у Лоис Финч.

Джеймс взял меня за руку, и мы вдвоем улизнули наверх, в комнату брата Лоис. Там мы повалились на узкую скрипучую кровать Тоби Финча, и дальше было такое, о чем я не могу вспоминать без мурашек даже теперь, десять лет спустя, лежа в больничной палате.

Вот ответ на вопрос из идиотской викторины Фло. Вот так Джеймс Купер потерял невинность. В шестнадцать лет, зимним вечером, на покрывале с Человеком-пауком. Над нами кружили подвешенные на леске модельки самолетов, а мы целовались, кусались и вскрикивали.

И стали парой, без всяких обсуждений этого вопроса.

Господи, как я его любила...

А теперь его нет. Невозможно поверить.

Я вспоминаю, как Ламарр спрашивает своим карамельным голосом: «Насколько хорошо вы знали Джеймса?»

Какой ответ был бы полностью правдивым?

Я знала его наизусть.

Я узнала бы его, просто коснувшись его лица в темноте.

Я могла бы назвать каждую родинку, каждый самый маленький шрам на его теле – шов от удаления аппендикса, следы падения с велосипеда, каждую родинку. Я на ощупь помнила три макушки у него на голове, направление роста волос вокруг каждой.

Вот настолько хорошо я его знала.

И его больше нет.

Мы не говорили с ним десять лет, но я думала о нем каждый день.

Теперь его не стало. А с ним и обиды, которую я все это время втайне от самой себя лелеяла в груди. Эта часть моего прошлого теперь осталась в прошлом.

Его больше нет.

Может, если я буду почаще повторять это, наконец удастся поверить.

Глава 23

Ночь я сплю мертвым сном, несмотря на шум, писк приборов и свет. Меня перестали осматривать каждые два часа, так что я сплю, сплю и сплю.

Просыпаюсь в полной растерянности. Где я? Какой сейчас день? Машинально ищу телефон. Увы, на тумбочке лишь пластиковая бутылка воды.

А потом ударом по затылку меня накрывает осознание.

Сегодня понедельник.

Я в больнице.

Джеймс погиб.

– С добрым утречком! – Ко мне стремительными шагами подходит новая медсестра, профессиональным взглядом окидывает мою карту. – Завтрак через несколько минут.

Я по-прежнему в ненавистной сорочке и неожиданно для самой себя окликаю медсестру:

– Погодите!

Она останавливается на пороге. У нее явно куча дел, утренний обход и вообще не до меня.

– П-простите, п-пожалуйста, – мямлю я. – А н-нельзя ли мне получить мою одежду? И телефон. Если воз-можно...

– Это пусть родственники принесут, мы не курьерская служба, – коротко бросает она и выходит, захлопнув дверь.

Значит, она не в курсе. Про меня, про то, что случилось. А дом-то, наверное, закрыли и оцепили. Это же место преступления, вряд ли Том и Фло там остались. Либо они уехали, либо их отправили в гостиницу. Надо спросить Ламарр, когда она придет. Если придет.

Впервые до меня доходит, насколько я завишу от полиции. Они – моя единственная связь с внешним миром.

Около одиннадцати в дверь стучат. Я лежу на боку, слушаю спектакль по радио. Если закрыть глаза и как следует засунуть в уши наушники, можно представить, что я дома с чашкой кофе – нормального кофе, – а за окном шумят машины.

Стук вырывает меня из сладких грез. Я вижу в окошечке двери лицо Ламарр, вытаскиваю наушники, сажусь на постели.

– Войдите.

Она с порога протягивает мне картонный стакан.

– Кофе?

– О, спасибо!

Мне требуются усилия, чтобы это прозвучало не слишком эмоционально, чтобы взять стакан без лишней поспешности. Поразительно, какую значимость приобретают такие мелочи, когда сидишь в аквариуме больничной палаты. Кофе пока слишком горячий, и я обнимаю стакан обеими руками, думая, что и как сейчас буду говорить, а Ламарр меж тем щебечет о необычно ранней зиме и расчистке заносов на дорогах. Дождавшись, когда она умолкнет, я собираюсь с духом и начинаю:

– Сержант...

– Констебль.

– Простите. – Я злюсь на себя за ошибку и стараюсь не слишком из-за этого разнервничаться. – Я хотела узнать, как там Клэр.

– Клэр? – Она наклоняется ко мне поближе. – Так вы что-то вспомнили?

– Что?

– Что случилось после того, как вы покинули дом.

– А что случилось?

Несколько секунд мы молча смотрим друг на друга, потом она грустно качает головой.

– Извините. Я надеялась, вы вспомнили...

– Что вспомнила? С ней что-то случилось?

– Расскажите, что помните, – говорит она.

С минуту я молчу, изучая ее прекрасное лицо, которое ничего не выдает.

– Я помню, как бежала через лес, – медленно говорю я. – Помню фары и битое стекло.

Потом уже, после аварии, помню осколки на дороге. Я потеряла одну кроссовку.

В голове начинают возникать картины: нависающие ветви деревьев, бледный свет фар, я ковляю на середину дороги, пытаюсь кого-нибудь остановить, прямо на меня едет грузовик, я отчаянно машу руками, по лицу катятся слезы, я думаю, что он не остановится, что он просто меня переедет, но водитель бьет по тормозам, открывает окно и орет мне: «Какого хрена?!» А потом: «У вас тут что...» – и осекается.

– И все. Остальное как в тумане. Сначала картинки просто путаются, потом вообще белое пятно. Слушайте, с Клэр что-то случилось? Она же не...

О господи...

О господи! Не может быть!

Я сжимаю в кулаках простыню так, что пальцы под обломанными ногтями начинает саднить.

– Она погибла?!

– Нет, она жива, – осторожно и медленно произносит Ламарр. – Хотя попала в аварию.

В ту же, что и вы.

– Она цела? Можно ее увидеть?

– Нет, увы. Мы еще не взяли у нее показания. Это необходимо сделать до того, как...

Конец фразы повисает в воздухе, но я прекрасно понимаю, что Ламарр имеет в виду. Им нужны обе правды отдельно – моя и Клэр, чтобы их сравнить.

У меня снова начинает сосать под ложечкой. Меня в чем-то подозревают? Как мне это узнать, не вызывая подозрений?

– Пока она не в состоянии отвечать на вопросы, – говорит Ламарр.

– А про Джеймса она знает?

– Насколько мне известно, нет. – В голосе Ламарр сострадание. – Она пока не готова к таким новостям.

Не знаю почему, но это выводит меня из равновесия сильнее всего. Мне мучительна мысль, что Клэр лежит сейчас в этой же больнице и даже не знает, что ее жениха больше нет.

– Она поправится? – спрашиваю я и отхлебываю кофе, чтобы спрятать волнение.

– Врачи говорят, что да. Но ей пока не сообщают, ждут, когда приедут родственники и дадут разрешение. Больше я не могу вам ничего сказать, я не вправе разглашать подробности ее состояния.

– Да, понимаю... – В горле стоит ком, голова трещит, глаза на мокром месте, и приходится яростно моргать, чтоб не разреветься. – А Нина? С ней я могу увидеться?

– Мы еще не закончили брать показания у всех присутствовавших в доме. Но как только это будет сделано, ей наверняка разрешат вас навестить.

– Сегодня?

– Надеюсь. Но для нас было бы очень, очень полезно, если бы вы смогли еще что-то вспомнить. Из того, что случилось в лесу и на дороге. Нам нужна именно ваша версия, ничья другая. Мы опасаемся, что общение с остальными может... все запутать.

Я не совсем понимаю, на что она намекает. Типа, я тут придуриваюсь, чтобы иметь возможность договориться с остальными, как и о чем врать? Или она боится, что в информационном вакууме я бессознательно приму чужие воспоминания за свои? Я знаю, такое случается. Много лет я «помнила», как в детстве каталась на ослике. У нас на камине даже фотография

стояла. На ней мне три или четыре года, я сфотографирована против солнца, так что вместо лица получилось темное пятно, окаймленное сияющими волосами. Но я буквально помнила соленый ветер, дующий мне в лицо, искорки солнечных лучей на морских волнах, колючую попону, на которой сижу. И только в пятнадцать я вдруг выяснила, что на этой фотографии вообще не я, а моя двоюродная сестра Рэйчел, а меня там даже не было.

И как мне понимать Ламарр? «Изволь вытрясти из головы воспоминания, тогда мы пустим к тебе подружку», так, что ли?

– Я пытаюсь, – раздраженно буркнула я. – Уж поверьте, я этого хочу еще больше, чем вы. Можно не махать передо мной Ниной, как морковкой.

– Вы неправильно поняли. Никто не пытается вас наказать. Нам просто нужна ваша версия со-бытий.

– Если нельзя увидеть Нину, можно мне хотя бы одежду вернуть? И телефон.

Очевидно, я иду на поправку, раз начала волноваться о телефоне. Мне страшно представить, сколько накопилось почты и сообщений. Сегодня понедельник, наверняка со мной будет связываться редактор по поводу очередной главы. И мама... вдруг она звонила?

– Мне очень нужен телефон, – твердо говорю я. – Обещаю, что не буду звонить никому из тех, кто был в доме.

– А... – сдержанно произносит Ламарр. – Кстати, это нам тоже нужно с вами обсудить. Мы бы хотели взглянуть на ваш телефон, если вы не возражаете.

– Я не возражаю. Главное, потом вы мне его отдадите?

– Да. Но мы не можем его найти.

Я замираю. Если телефон не у них, то где?

– Он был у вас с собой, когда вы выбежали из дома?

Я напрягла память. Нет, не было. Я вообще большую часть дня не брала его в руки.

– Мне кажется, он остался в машине Клэр. Я думаю, что выронила его, когда мы ездили на стрельбище.

Ламарр качает головой.

– Нет, машину мы тщательно обыскали. И дом тоже.

– Тогда, может, я его на стрельбище потеряла...

– Мы проверим. – Она делает запись в блокноте. – Хотя вряд ли. Мы много раз звонили на него, никто не отвечает. Думаю, на стрельбище его бы кто-нибудь услышал.

– А что, сигнал проходит? – Я удивилась тому, что батарея так долго держит заряд. – А откуда вы знаете мой номер?

– Нам дала его доктор да Суза.

До меня не сразу доходит, что она про Нину.

– И что, сигнал точно проходит? Прямо звонок, не голосовая почта?

– Да... Вроде да, надо проверить. Но я практически уверена, что сигнал проходил.

– Значит, телефон не в доме. Там сети нет.

Ламарр хмурится, ее идеальный лоб прорезает вертикальная морщинка.

– Ну, техников мы уже озадачили, скоро они его запеленгуют. Мы сразу вам сообщим.

– Спасибо, – говорю я и прикусываю язык, чтобы не спросить: а вам-то зачем мой телефон?

Мне определенно становится лучше, потому что я чувствую волчий голод. Два часа назад я проглотила обед с мыслью: «А что так мало?» Примерно как в самолетах – смотришь на столовую ложку картофельного пюре и сосиску размером с мизинец и думаешь: для кого это вообще? Порции таких размеров в пафосных барах называют «канапе».

И мне скучно. Господи, как мне скучно! Уже не хочется все время спать и совершенно нечем занять себя. Ни телефона, ни ноутбука с рукописью, так что не поработаешь. Радио

достало. Дома, когда оно работает фоном для моих каждодневных занятий, мне даже нравятся бесконечные повторы одного и того же цикла. Я знаю, что идет за чем, и привычная смена программ знаменует для меня ход времени. Здесь же это действует на нервы. Сколько раз надо прослушать перечисление ключевых новостей дня, чтобы сойти с ума?

Но хуже всего страх.

Есть такой эффект у тяжелобольных, я замечала это у дедушки в его последние недели. Проблемы мира перестают тебя волновать. Мир просто сжимается до твоих сиюминутных ощущений: завязки больничной сорочки неприятно давят на ребра, болит спина, кто-то держит за руку. Наверное, это какой-то защитный механизм. Чем хуже ты себя чувствуешь, тем сильнее сжимаются границы значимого мира, пока наконец единственной задачей не становится дыхание.

У меня сейчас идет обратный процесс. Когда меня сюда привезли, единственной моей задачей было не сдохнуть. Вчера мне хотелось спать и зализывать раны.

Сегодня меня начали волновать более масштабные проблемы.

Официально я не подозреваемая. Все-таки я пишу детективы и знаю, что в этом случае процедура допроса была бы другой, мне предложили бы адвоката, зачитали бы права.

Нет, пока они пытаются что-то нащупать. И явно не считают смерть Джеймса несчастным случаем.

Я помню слова, услышанные сквозь толстое стекло в первую ночь. *«Господи, то есть это убийство?»* Тогда они казались бредом, плодом моего воспаленного, одурманенного обезболивающими воображение. Теперь же они стали реальными. Слишком реальными.

Глава 24

Когда в дверь стучат в следующий раз, я даже не отвечаю. В ушах у меня казенные наушники, я слушаю радио с закрытыми глазами, воображая, что я дома.

Медсестры не стучат. А если стучат, то так, для галочки, и тут же заходят.

Приглашения дожидается только Ламарр, а ее я сейчас видеть не готова. Не готова отвечать на ее спокойные, мягкие, но на удивление упорные вопросы. Я не помню, не помню, ясно вам? Я ничего не скрываю, просто у меня в памяти на нужном вам месте слепое пятно. Гребаное. Слепое. Пятно.

Я слушаю радио и жду, когда она уйдет. Но тут дверь потихоньку отворяется, как будто кто-то решил осторожно просунуть голову.

– Ли? – слышу я шепот. – То есть прости, Нора?

Я резко сажусь на кровати. Нина!

Я сдергиваю наушники, пытаюсь вылезти из постели; то ли из-за травмы, то ли из-за низкого давления перед глазами все плывет.

– Привет! – доносится до меня сквозь шум в ушах. – Ты давай полегче! Тебе только мозги на место пришили.

– Со мной все нормально, – говорю я, успокаивая то ли ее, то ли себя. – Все хорошо.

А потом и правда все становится хорошо. Головокружение отпускает, я обнимаю Нину, чувствую ее знакомый запах – табачный дым и туалетная вода «Жан-Поль Готье».

– Господи, как я рада тебя видеть!

– А я-то как рада. – Она отстраняется, оглядывая меня с беспокойством. – Это, знаешь ли, чересчур. Когда мне сказали, что ты в аварию попала... За сутки мне вполне хватило одного школьного друга, истекающего кровью.

Я вздрагиваю, и она опускает глаза.

– Черт, прости... Лягнула, не подумав.

– Я понимаю.

Нину нельзя назвать бесчувственной. Просто она справляется с жизненными проблемами иначе, нежели большинство людей. И сарказм – ее главное оружие в этом вопросе.

– Короче, я рада, что ты цела. – Она хватает меня за руку и целует тыльную сторону запястья, удивив меня неожиданно взволнованным выражением лица. – Выглядишь, правда, паршиво, скрывать не стану. – Она издает нервный смешок. – Черт, сейчас бы сигаретку... Как думаешь, они заметят, если я покурю в окно?

– Нина, что случилось? – спрашиваю я, все еще держа ее руку. – Тут полиция задает всякие вопросы. Джеймс все-таки умер, ты знаешь?

– Да, – тихо говорит Нина. – Знаю. Они приехали в дом, едва рассвело. Сказали нам не сразу, но... и так все было ясно. Было бы просто огнестрельное ранение – не прислали бы целый взвод. Мы все поняли, когда они начали снимать отпечатки пальцев и делать тесты на остаточные следы пороха.

– А как ружье могло оказаться заряженным?

– Ну, тут два варианта, – мрачно произносит Нина. – Вариант первый: тетка Фло вовсе не держала в нем холостые. Впрочем, судя по вопросам, которые нам задавали, полиция такую версию не рассматривает. И вариант второй: кто-то намеренно его зарядил.

В общем-то, я думала то же самое. И все равно – шок. Мы долго сидели молча, вспоминая, как Том дурачился с этим ружьем, и размышляя обо всех «зачем» и «почему».

– Как отреагировала Джесс? – наконец спрашиваю я, скорее для того, чтобы сменить тему, чем из искреннего интереса.

Нина криво усмехается.

– Как всегда, спокойно и взвешенно. Всего сорок пять минут истерики по телефону. Сначала она разозлилась, что я тут застряла, потом собралась приехать ко мне, но я запретила.

– А почему?

– Смеешься? – Нина смотрит на меня с жалостью и удивлением. – В полиции не пойми с какого перепуга решили, что Джеймса умышленно убили. Ты бы на моем месте захотела втягивать в это самого близкого человека? Нет, конечно! Джесс не имеет к этому никакого отношения, слава тебе господи, вот и пусть держится подальше.

– Вообще, ты права.

Я подбираю ноги обратно на кровать и усаживаюсь, обхватив колени. Нина придвигает себе стул, берет мою карту и начинает беспардонно листать.

– Положи на место, – одергиваю я. – Я бы предпочла не делиться с тобой деталями своего пищеварительного процесса и прочим.

– Извини, профессиональное любопытство. Как голова? Судя по всему, приложило тебя конкретно.

– Да уж, точно. Но я себя уже нормально чувствую. Только вот... с памятью проблемы. – Я тру повязку на лбу, словно пытаюсь втереть выпавшие воспоминания обратно. – Кусок после того, как я выбежала из дома, как будто стерся.

– Хм... Посттравматическая амнезия. Только обычно выпадает совсем короткий промежуток, а у тебя... не знаю. По твоим оценкам – сколько? Минуты? Часы?

– Ну, мне сложно оценить, принимая во внимание, что я не помню ни хрена! – огрызаюсь я, сама злясь на себя за несдержанность, но Нина пропускает это мимо ушей.

– Вряд ли много, правда?

– Слушай, я понимаю, что ты из лучших побуждений... – Я тру себе виски. – Но давай лучше не будем. Меня все утро донимала констебль полиции, заставляя вспомнить, и мне уже надоело. Память не возвращается. Я боюсь, что, если продолжу на себя давить, мозг подкиннет мне какую-нибудь небылицу, выдав ее за правду.

– Ладно. – Нина некоторое время молчит и признается: – Слушай, я сказала им про вас с Джеймсом. Ну, что вы встречались. Это тебе для информации. Я не знаю, собиралась ли ты об этом...

– Все нормально. Не надо им врать. Я упоминала, что мы были вместе, в разговоре с Ламарр. Это женщина из полиции, которая меня...

– Знаю, – перебивает Нина. – Она нас всех допрашивала. А она знает, как вы расстались?

– В смысле?

– Ну, про твой большой секрет. Что он тебя заразил, или что там у вас стряслось...

– В последний раз повторяю: ничем он меня не заражал!

– Ну да, ну да, поверю на слово. Ей ты сказала?

– Нет. Ничего я ей о нашем разрыве не сказала. А ты?

– Нет. А что мне говорить-то? Я знаю только, что вы встречались, а потом разошлись.

– Это и есть вся история. – Я поджимаю губы.

– Серьезно? Ну-ка, прикинем. – Нина начинает загибать пальцы. – Рассталась с ним, ушла из школы, уехала из города, оборвала контакты с большей частью друзей, не общалась с ним десять лет... Вся история, значит? Никаких секретов?

– Никаких секретов, – упрямо повторяю я, разглядывая сплетенные на коленях пальцы.

Порезы и царапины на них потемнели и покрылись коростой. Скоро заживут.

– Я к чему: Джеймс мертв, и они пытаются найти человека с мотивом.

Я вскидываю голову. Нина смотрит мне в глаза, не отводя взгляда.

– Это как понимать?!

– Так, что я за тебя волнуюсь.

– Ты намекаешь, что это я убила Джеймса?

– Да пошла ты! – Нина вскакивает и начинает мерить шагами палату. – Ни на что я не намекаю! Я пытаюсь...

– Ты ничего про это не знаешь!

Опять я заикаюсь! Но ведь Нина действительно ничего не знает. Никто не знает об этой странице моей жизни, даже мама. Одна Клэр в курсе, да и то не всей истории. А Клэр...

Клэр в больнице.

И Клэр не в состоянии отвечать на вопросы. Возможно, даже в коме. Но рано или поздно она очнется.

– Клэр ты видела? – глухо спрашиваю я.

Нина качает головой.

– К ней не пускают. Похоже, она сильно пострадала в аварии... – Нина снова качает головой, на этот раз скорее от досады, чем в знак отрицания. – Хуже всего то, что Джеймс мог выжить. Да, он был тяжело ранен, но у него все-таки был один шанс из двух.

– То есть?

– Он погиб в аварии. Или из-за задержки, которую вызвала авария. В общем, это одно и то же.

Теперь мне становится ясна настойчивость Ламарр по поводу стершихся из моей памяти минут.

Произошедшее в доме – лишь половина истории.

Джеймса убило то, что случилось на дороге.

Я *должна* вспомнить.

Не стоило мне приезжать. Я ведь знала. С того самого момента, как это дурацкое письмо я получила.

Я думаю о Джеймсе – как он лежал на полу и смотрел на меня, а вокруг нас разливалась лужа его крови. Как он окровавленной рукой цеплялся за мою, словно утопающий, словно только я могла спасти его. Как он звал меня: «Лео...»

Если бы я знала, что все это произойдет, смогла бы я удалить то письмо?

Нина берет меня за руку, пожимает ее сухой крепкой ладонью, сильными пальцами проводит по сеточке царапин.

– Все будет хорошо, – говорит она хрипло, но мы обе в это не верим.

Как бы дальше ни повернулась ситуация со мной и расследованием, хорошо уже не будет. Даже при самом лучшем раскладе – если поправится Клэр, если мне не предъявят обвинения – Джеймса уже не вернешь.

– Как Фло? – спрашиваю я.

Нина прикусывает губу, словно раздумывая над ответом, шумно вздыхает.

– Ну... не очень. Честно говоря, мне кажется, у нее нервный срыв.

– Про Клэр она знает?

– Да. Рвалась к ней, но ее не пустили.

– К Клэр вообще кого-нибудь пускают?

– Вроде родители приезжали.

– А... родители Джеймса? – спрашиваю я, изо всех сил стараюсь не заикаться. – Они тут были?

– По-моему, да, вчера приезжали. – Она смотрит на мои руки, проводит пальцем по самой длинной царапине. – Посмотреть на тело. Насколько я знаю, потом сразу же уехали. Мы их не видели.

Передо мной встает пронзительная картина: мама Джеймса десять лет назад стоит у окна и оживленно болтает по телефону. Ее кудри кое-как подхвачены заколкой, браслеты на руках звенят в такт жестикуляции, сброшенный на плечи шарф трепещет на ветру. Она смеется. При виде меня она отняла телефон от уха и прижала к плечу. А Джеймс представил меня: «Мам, это

Лео. Она будет заходить к нам очень часто. Так что привыкай». А его мама расхохоталась: «О, я поняла. Давай-ка, Лео, я покажу тебе, где у нас холодильник. В этом доме никто не готовит, так что, если проголодаешься, лезь сюда и добывай подножный корм».

У них дома все было устроено иначе, не как у меня. Никто не сидел на месте. Дверь всегда была открыта, и постоянно кто-то был в гостях – то друзья, то ученики, и все вечно спорили, хохотали, целовались, пили.

Никаких семейных обедов и ужинов. Никаких обязательств явиться домой к назначенному времени. Мы с Джеймсом валялись в постели среди бела дня, и никто не стучал в дверь с требованием прекратить все, чем мы там занимаемся.

Я помню его отца – с окладистой бородой и аккордеоном. Он читал лекции о теории марксизма в нашем местном универе и всегда был на пороге увольнения – то по своей воле, то по воле администрации. Порой он отвозил меня домой по темноте на своей побитой машинке, ругаясь на барахлящий мотор и развлекая меня своими жуткими каламбурами.

Джеймс был их единственным ребенком.

Мне страшно подумать, каково им сейчас.

Нина еще раз пожимает мне руку и отпускает.

– Слушай, поеду я. А то парковка кончается, я за час заплатила.

– Спасибо. Спасибо, что навестила. – Я неловко обнимаю ее. – Ой, ты случайно не взяла из дома ничего из моей одежды?

– Нет, прости. Нам запретили забирать вещи. Одну смену шмоток для себя, и все. Хочешь, я тебе трусики куплю?

– Спасибо, было бы здорово. Деньги я потом верну.

– Да не выдумывай. – Нина фыркает и отмахивается. – Какой у тебя размер, «эска»? Пожелания есть?

– Не, что угодно подойдет. Разве что... не слишком яркое. Ты меня знаешь.

– Ладно. Держи-ка пока вот это.

Она снимает с себя темно-синий вязаный кардиган с пуговицами в виде цветочков. Я мотаю головой, но она накидывает его мне на плечи.

– Вот так. Теперь хоть окно сможешь приоткрыть, если проветрить захочется.

– Спасибо, – говорю я, кутаясь.

До чего же приятно завернуться во что-то небольшое. Как будто мне вернули собственную личность.

Нина чмокает меня в щеку и спешит к выходу.

– Короче, сохраняй рассудок, Шоу, – говорит она на пороге. – Нам сейчас не хватало только второй повредившейся...

– Так что, с Фло совсем плохо? – догадываюсь я.

Нина пожимает плечами с мрачным лицом и выходит. Я смотрю, как она идет по коридору, и вдруг соображаю: у моей палаты больше не дежурит полиция.

Глава 25

Полчаса спустя снова раздается стук в дверь, на этот раз быстрый и резкий, и тут же входит медсестра.

Я сперва думаю, что сейчас будет ужин, и в животе у меня урчит. Однако сестра без тележки, да и запахов из коридора не слышно.

– К вам пришел молодой человек. Назвался Мэттом Ридаутом. Просит его принять.

Я изумленно моргаю. Имя мне незнакомо.

– Он из полиции?

– Понятия не имею, лапуль, он в штатском.

Я хочу попросить ее узнать, кто он и зачем пришел, но она нетерпеливо постукивает ногой и явно очень занята, так что я решаю выяснить все самостоятельно.

– Пригласите его, пожалуйста.

– Только у него полчаса, – предупреждает она. – Часы посещения заканчиваются в четыре.

– Хорошо.

Что там хорошо, просто отлично. Есть железный повод свернуть разговор.

Я сажусь, заворачиваюсь в Нинин кардиган, убираю с лица волосы. Вообще говоря, я почти в буквальном смысле «упала с самосвала, тормозила головой», но надо хотя бы из самоуважения изобразить, что привожу себя в порядок.

Из коридора доносятся шаги, а потом робкий стук.

– Заходите.

В палату входит парень. Примерно моего возраста, может, чуть помладше. В джинсах и линялой футболке. Куртку перебросил через руку и явно мается в тропической больничной жаре. У него довольно неухоженная борода и коротко остриженные волосы – не то чтобы прямо совсем под машинку, а как у римского солдата, плотно прилегающие к голове кудри.

Однако в первую очередь я замечаю не это, а заплаканные глаза.

С минуту я смотрю на него, потеряв дар речи. Он тоже – стоит в дверях, сунув руки в карманы, и смотрит в упор, потрясенный увиденным.

– Вы не из полиции, – глупо констатирую я наконец.

Он чешет затылок.

– Я... меня Мэтт зовут. Я... – Губы у него кривятся, он делает глубокий вдох и произносит, тщательно формулируя: – Я *должен был быть* у Джеймса шафером.

Я молчу. Прижимаю к горлу Нинину кофту, как броню. Парень застыл в дверях. Потом по носу у него скатывается слеза, и он яростно утирает ее рукавом. Я выхожу из транса.

– Заходите, пожалуйста, присаживайтесь. Пить хотите?

– Виски есть? – спрашивает он с нервным смешком.

Я тоже пытаюсь засмеяться, но издаю звук, скорее похожий на кашель.

– Увы. Только вода и чай-кофе из автомата. Рекомендую воду.

– Не надо, – говорит он, – спасибо.

Подтаскивает к моей кровати пластиковый стул, садится и тут же вскакивает.

– Слушай, извини, зря я приперся, чем только думал, пойду я...

– Нет!

Я вдруг неожиданно для самой себя хватаю его за руку. Тут же отпускаю, словно обжегшись. Что на меня нашло?!

– Извини... Я просто хотела...

А что я хотела-то? Сама не знаю. Просто чтобы он не уходил. Он друг Джеймса.

– В общем, останься, пожалуйста.

Пару секунд он стоит, глядя на меня сверху вниз, потом коротко кивает и садится.

– Ты извини... я не ожидал, ты выглядишь как будто...

Как будто меня избили до полусмерти, а потом кое-как подлатали, чтобы жива осталась. Я его понимаю. Сама в шоке.

– На самом деле все не так плохо, – заверяю я и даже улыбаюсь. – Просто синяки и царапины.

– Фингалы жуткие, – признается Мэтт. – Я по работе видал много случаев домашнего насилия, но чтобы такое...

– Ну да, фингалы роскошные. Зато не болят.

Молчим.

– Знаешь, я подумал, сбегаю-ка я все-таки за кофе. Тебе принести?

– Нет, спасибо.

Я заныкала полстакана того, что принесла утром Ламарр. Все-таки до бурды из местного автомата я еще не докатилась.

Мэтт неловко поднимается на ноги и выходит. Я замечаю, как напряжены его плечи. Он исчезает в коридоре, и я даже подозреваю, что сбежит. Однако он возвращается.

– Начнем заново? – предлагает он, опускаясь на стул. – Первую попытку знакомства я, конечно, слил. Ты ведь Лео, да?

Я почти вздрагиваю, услышав имя, которым меня звал только Джеймс.

– Да. А что, Джеймс обо мне рассказывал?

– Ну, немного. Я знаю, что ты у него... вроде как первая любовь?

Почему-то от этих слов у меня дрожит губа, и я глотаю слезы. Ответить я не могу, так что просто киваю.

– Охренеть... – Мэтт опускает голову, пряча лицо в ладонях. – Знаешь, я... я до сих пор не могу поверить. Я же с ним пару дней назад разговаривал. Ну, то есть я был в курсе, что не все гладко, но такое...

Не все гладко? У меня на языке вертится много вопросов, однако я не смею их задать, к тому же Мэтт продолжает:

– Извини, что вломился без приглашения. Если бы я знал, как тебе досталось... Мед-сестра ничего не сказала! Я просто спросил, можно ли к тебе, а она такая сразу: «Я сейчас выясню». Просто мама Джеймса сказала, что ты была с ним... когда он... – Мэтт сглатывает и заставляет себя произнести: – Когда он умер. А я знаю, как много ты для него значила, и хотел...

Он снова замолкает, склоняется над стаканчиком с кофе, и я вижу, что он плачет, безуспешно пытаясь это скрыть.

– Извини, – хрипло произносит он через некоторое время и откашливается. – Я только вчера вечером узнал. И пока... не могу привыкнуть. Все казалось, что это какая-то ошибка, но вот увидел тебя в таком состоянии... и все сразу стало реальным.

– А откуда... откуда ты знаешь Джеймса?

– Мы вместе учились в Кембридже. Оба увлекались театром – ну, в смысле играли. – Мэтт утирает лицо рукавом и говорит уже спокойнее: – Разумеется, из меня актер был никудышный; к счастью, я это вовремя понял. На фоне Джеймса я смотрелся особенно паршиво. Нет способа выявить подделку лучше, чем положить рядом настоящий бриллиант.

– И вы сохранили дружбу после университета?

– Ну да. Я ходил к нему на спектакли. Все наши сокурсники пошли в бизнес и на госслужбу, а он – на сцену. И я им горжусь. Он не продавался, всегда слушал свое сердце.

Я медленно киваю. Вот это уже мой Джеймс. Вот таким я его знала. Совсем не похожим на тот образ, который вырисовывался со слов Клэр и Фло. Я думала, он действительно так изменился. Возможно, я поторопилась с выводами.

– Так что случилось? – спросил Мэтт. – Там... в доме. Я уже понял, что ружье случайно выстрелило, но как Джеймс вообще туда попал?

– Не знаю. – Я закрываю глаза, машинально трогаю пропотевшую повязку на лбу. – У меня не было возможности его спросить. Мы подумали, что к нам влез кто-то чужой. Может, это розыгрыш был? Жених тайком является на девичник и ныряет в постель к невесте...

– Нет. – Мэтт качает головой. – Он точно не поехал бы сам. Скорее его позвали.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, во-первых, потому что вламываться без приглашения на девичник – это пошло. Надо быть полным придурком, чтобы испортить невесте последнюю вечеринку незамужней жизни.

В общем-то, в его словах есть правда. Но это не единственный аргумент, и я молча жду.

– А во-вторых... я уже говорил, у них не все было гладко.

– Что?!

Это вырвалось у меня помимо моей воли и получилось слишком громко, слишком эмоционально. Мэтт удивленно вскидывает взгляд.

– Ну... не то чтобы я хотел сделать из мухи слона, но они действительно не особо ладили. Клэр разве не говорила?

– Нет. По крайней мере, мне.

Я пытаюсь припомнить, как Клэр отзывалась о Джеймсе, но ничего такого в голову не приходит, один сахар. И это же Клэр. Она никогда бы не призналась, что у нее проблемы. Фасад должен быть идеальный.

– А что значит «не ладили»?

– Ну, не знаю... – Мэтт неловко мнетяся. – Джеймс не то чтобы горел желанием это обсуждать. Наверное, обычный предсвадебный мандраж. Я уже много друзей проводил к алтарю и знаю, как оно бывает. Нормальные девчонки превращаются в истеричек, одержимых всей этой мишурой: платье, фата, приглашения, фотограф, голуби и остальная пурга... Все на нервах, всюду сует нос родня, лезут с советами друзья, все начинают ругаться, из какой-нибудь ерунды вырастают настоящие драмы...

– Так почему, ты думаешь, он приехал?

– Не знаю. У меня только одна версия – его позвали.

– Позвали?! Но кто мог его позвать?

Действительно, кто? Клэр? Нет, точно не она. Уж она-то знала, что нас с ним нельзя сводить в замкнутом пространстве даже на час, не то что на день. Ничего хорошего из этого бы не вышло – либо я сбежала бы, хлопнув дверью, либо мы с ним переругались бы до полной утраты человеческого облика. Клэр это знала, именно поэтому она и не стала звать меня на свадьбу. Нет, позвать мог только кто-то другой – по злобе или по незнанию. Клэр это ни к чему. Зачем портить себе девичник?

Фло решила пошутить? Она не в курсе о нас с Джеймсом. Вполне могла придумать «достойное завершение идеального праздника». В конце концов, Мелани уехала, так что одна комната пустовала. И это объяснило бы ее последующий нервный срыв: она чувствует вину не только за то, что шутила с ружьем, которое оказалось заряженным, но и за то, что Джеймс вообще появился в доме.

Но тогда бы она не перепугалась так, услышав шаги по коридору. Не стала бы спускаться курок и вообще за ружье хвататься. Я видела ее лицо, страх был неподдельным. Либо она чокнутая, либо фантастически гениальная актриса.

Том? Мог ли он настолько разозлиться из-за ссоры с Брюсом, что захотел поставить Джеймса под удар? Нина? Могло ли ее жестокое чувство юмора подсказать ей такую шутку? Но зачем? Какая им от этого польза?

Я покачала головой. Так можно и до паранойи докатиться. Никто из нас не звал Джеймса. Никто. Иначе до выстрела просто не дошло бы.

– Ты ошибаешься, – говорю я. – Наверняка ошибаешься. Думаю, он сам решил приехать. Если они с Клэр ссорились, это мог быть шаг к примирению. Он же всегда был немного...

– ...немного дурачком? – заканчивает за меня Мэтт и нервно усмехается. – Может, ты и права. Он редко продумывает ходы наперед. То есть... – Его кулак сжимается на колене. – То есть продумывал.

И опять мы молчим.

– Один раз в универе под Рождество он влез на стену и надел всем горгульям красные шапки с помпончиками, – вспоминает Мэтт. – Идиот. Мог так по-дурацки погибнуть...

Последнее явно сорвалось с его губ необдуманно, и он болезненно морщится и встает.

– Мне пора. Я... желаю тебе скорейшего выздоровления.

– Спасибо. – И я заставляю себя все-таки сказать это, чтобы потом не жалеть: – Ты еще придешь?

– У меня утром поезд в Лондон. Но я бы хотел еще увидеться.

На моей карте висит ручка, и он записывает свой номер на единственной годящейся для этого поверхности – на боку своего стаканчика из-под кофе.

– Кстати, ты была права. – Мэтт бережно ставит стакан мне на тумбочку. – В смысле, когда рекомендовала мне воду. Пока, Лео.

– Пока.

Он аккуратно прикрывает за собой дверь. Я смотрю, как его силуэт исчезает в коридоре. И странное дело – я ведь привыкла жить в одиночку и здесь, в больнице, с самого начала только и мечтаю побыть одна, без назойливого внимания окружающих... тем не менее с уходом Мэтта мне становится как-то пусто и грустно. Очень странное, незнакомое ощущение.

Глава 26

Когда я жую свой ужин, в палату снова стучат. Часы посещений закончились, но, к моему удивлению, в дверь тихонько проскальзывает Нина и прикладывает пальцы к губам.

– Тс-с... Я здесь только благодаря старому доброму приему «Да вы знаете, кто я?!».

– Что, опять наплела, что ты двоюродная сестра Сальмы Хайек?

– Да ладно тебе, она даже не бразильянка.

– И не доктор.

– Именно. Ну, не суть, я обещала им, что зайду и выйду, так что держи. – Она бросает мне на кровать пакет. – Треники и толстовка. Не бог весть какой красоты, но радуйся уже тому, что они не из розовенького бархата. Простые серые пришлось еще поискать.

– То, что надо! – благодарно восклицаю я. – Главное – нет разреза на спине и штампа «Собственность больницы». Спасибо тебе огромное!

– Там еще сланцы. Уж я знаю, какие мерзкие бывают в больницах душевые... Ну и если вдруг тебя решат внезапно выписать, будет в чем до машины дойти. У тебя ведь шестой размер?

– Пятый. Плевать, для сланцев не важно, шестой прекрасно подойдет! Вот, держи. – Я начинаю стаскивать с плеч кардиган.

– Не, оставь. Пусть будет у тебя, пока мы твои вещи не вызволим. Деньги нужны?

Хотя я мотаю головой, она кладет на тумбочку две десятки.

– Пригодится. Хоть бутерброд в автомате купишь, когда больничная еда совсем достанет. Ладно, побегу.

Но никуда не бежит. Стоит надо мной, разглядывая свои короткие квадратные ногти. Явно хочет что-то сказать и не решается.

– Ага, давай, – говорю я, надеясь так побудить ее выложить, что у нее на уме.

Но она бросает: «Пока!» – и направляется к двери.

Однако на пороге замирает.

– Слушай. По поводу того, что я тебе тут сегодня наговорила... Я не то имела в виду...

– Что наговорила?

– Ну, про Джеймса. Про мотив. Я ни в коем случае не думаю, что ты могла бы... Черт! – Она несильно бьет кулаком по стене. – Как это правильно выразить-то?! Короче, я уверена, что Джеймс погиб в результате несчастного случая, и так и сказала этой Ламарр. Я ни на секунду не усомнилась, что ты ни при чем. Я просто беспокоюсь за тебя, понятно?

Я выпускаю из легких воздух, только сейчас заметив, что сижу затаив дыхание. Вылезаю из постели, неловко подхожу к Нине и обнимаю ее.

– Все нормально. Я тебя сразу поняла. И я тоже волнуюсь – за нас всех.

Она приглаживает мне волосы и выпускает из объятий.

– Только они ведь не верят, что это несчастный случай, да? Я не понимаю почему!

– Потому что кто-то зарядил ружье. Точка.

– Это мог сделать кто угодно. Хоть тетка Фло! Ошиблась и теперь не хочет сознаваться. Полиция все долбит нас вопросами о стрельбище – как там ведется учет патронов, мог ли кто-то спрятать один в карман. Они почему-то уверены, что патрон именно оттуда. Но если кто-то из нас хотел убить Джеймса, зачем было идти на такие ухищрения, заманивать его в эту дыру...

– Не знаю.

Ноги у меня уже подкашиваются от усталости, так что я ковьялю обратно в постель. К тому же от разговоров о ружьях и патронах я чувствую странную дурноту.

– Просто я подумала... – начинает Нина и умолкает.

– Что?

– Ну, подумала... Ладно, все, короче! Я считаю, тебе надо сказать им правду про вас с Джеймсом. Самой. Да, это не мое собачье дело, и я сама знаю, куда мне засунуть мои непрошенные советы. Но какая бы жуть между вами ни случилась в прошлом, вполне возможно, что со стороны все не так страшно. И все будет выглядеть гораздо лучше, если ты скажешь им сама. Сейчас.

Я устало прикрываю глаза, тру ненавистную повязку на зудящем лбу, вздыхаю, смотрю на Нину. Она возвышается надо мной, воинственно подперев руками бока.

– Я подумаю, ладно? Я обещаю об этом по-думать.

– Ладно, – ворчливо бросает Нина, по-детски выпятив нижнюю губу.

Раньше в губе у нее было кольцо и она имела обыкновение щелкать им по зубам. Хорошо помню этот звук в тишине класса во время экзаменов. К счастью, после университета она эту фиговину вынула. Наверное, пациенты были не склонны доверять хирургу с пирсингом на лице.

– Пойду я. Держись, Шоу. И если вдруг решат внезапно выписать, звони.

– Хорошо.

Потом я лежу и думаю о Нининых словах. О том, что она, возможно, права. Голова у меня горит и чешется, и в ней колотятся всякие неприятные слова: «патрон», «ружье», «огнестрельное ранение». Наконец это становится невыносимо, и тогда я встаю и ковыляю в ванную.

Отражение, встречающее меня в зеркале, выглядит еще хуже, чем накануне. Лицо болит гораздо меньше, зато фингалы разгорелись ярче и пылают лиловым, бурым, желтым, зеленым – короче, всеми цветами нортумберлендского ландшафта. От этой мысли я криво усмехаюсь.

Впрочем, сейчас меня интересуют не фингалы, а повязка.

Я начинаю отковыривать пластырь, удерживающий ее по краям. Наконец – о счастье! – он отдирается, вырывая заодно мелкие волоски со лба и висков, но эта боль даже по-своему приятна. Я осторожно снимаю бинты, присохшие к ране, и рассматриваю то, что они скрывали.

Я ожидала, что там будут швы, однако их нет. Я вижу длинный уродливый порез, скрепленный узкими полосками пластыря и... Это что, суперклей?!

Вокруг раны выбрит маленький полукруглый островок. Волосы на нем уже начали отрастать и слегка колются.

Какое облегчение – от прохладного воздуха на лбу, от того, что повязка больше не давит. Я выбрасываю запятнанный кровью бинт в корзину и медленно плетусь в кровать. Мысли мои – о Нине, о Джеймсе и о Ламарр.

То, что произошло между мной и Джеймсом десять лет назад, не имеет никакого отношения к его смерти. Тем не менее Нина права. Лучше выложить все начистоту. Может, после стольких лет, что я держала это в себе, я даже испытаю облегчение.

Правду не знал никто. Никто, кроме меня и Джеймса.

Столько лет я лелеяла в душе гнев на него. А теперь Джеймса нет. И гнева тоже.

Пожалуй, утром я расскажу Ламарр правду. В смысле, я и раньше говорила ей только правду, но теперь Ламарр получит ее всю.

А правда такова.

Джеймс бросил меня. Поставив меня в известность текстовым сообщением.

И даже не это заставило меня столько лет на него злиться. Главным была причина. Он бросил меня, потому что я забеременела.

Я не знаю, когда именно это произошло, какой из десятков, а может, сотен раз привел к зачатию.

Хотя мы были осторожны – ну то есть мы так думали.

Но в какой-то момент до меня вдруг дошло, что месячные как-то слишком долго не приходят. И сделала тест.

Джеймсу я сообщила у него дома, сидя на кровати в мансарде. Он побелел, как простыня, вытаращил на меня черные глаза, в которых заметалась паника. «Ты в этом... – Он осекся. – Ты точно не...» – «Не ошиблась? – закончила я. – Точно. Я этих тестов штук восемь сделала». – «А если таблетку принять?»

Я попыталась взять его за руку, но он вскочил и стал мерить шагами свою маленькую комнату.

«Ну, поезд давно ушел. Но ты прав, нам надо... – У меня в горле стоял ком, я пыталась не заплакать. – Нам надо реш-шить...» – «Нам?! – Решение за тобой». – «Я хотела обсудить, это же твой ре...»

Твой ребенок. Он не дал мне это произнести. Ахнул, как будто его ударили, и отвернулся.

Я встала и пошла к двери.

«Лео, – позвал он. – Подожди».

Я уже стояла одной ногой на пороге с сумкой на плече. «Слушай, я понимаю, я вывалила это на тебя неожиданно. Когда будешь готов обсудить... позвони мне, ладно?»

Он не позвонил.

Зато позвонила Клэр, злая как черт. «Где тебя носит? Ты про меня забыла, что ли?! Я полчаса проторчала в фойе «Одеона», а ты даже трубку не берешь!» – «Извини. У меня тут... у меня...» Закончить я не смогла, меня душили слезы. «Я сейчас приеду!» – сказала Клэр.

Он не позвонил – прислал сообщение, вечером. В ожидании я полдня провела с Клэр, мучаясь тяжелыми вопросами: что делать, говорить ли маме, не предъявят ли Джеймсу обвинение – мы ведь впервые переспали, когда мне было еще пятнадцать, хотя на момент наступления беременности уже шестнадцать, шестнадцать и два месяца...

Сообщение пришло около восьми. «*Ли, прости, это твоя проблема, не моя. Разбирайся сама. И больше не звони мне. Дж.*»

Я разобралась. Маме ничего не сказала. Клэр... Клэр меня очень поддержала. Да, она была злой на язык и не стеснялась манипуляций, но если уж случался кризис, она защищала друзей, как львица свое потомство. Теперь я понимаю, почему мы с ней дружили. И насколько эгоистично я повела себя, оборвав все контакты.

Мы с ней вместе поехали в клинику на автобусе. Срок оказался совсем маленький, так что аборт мне сделали медикаментозный, и все закончилось на удивление быстро.

Однако проблема была не в самом факте аборта. За это я Джеймса не винила, таково было и мое желание. Я не хотела рожать в шестнадцать. И что бы там ни могли подумать окружающие, вовсе не аборт поверг меня в депрессию. Я не чувствую никакой вины за то, что исторгла из себя микроскопическое скопление клеток. Я отказываюсь чувствовать за это вину.

Дело не в этом.

А в чем? Я даже не знаю, как сформулировать. Наверное, в гордости. В стыде за собственную глупость. Я ведь так любила его и так сильно в нем ошиблась! Как? Как я могла так жестоко ошибиться?

Если бы я вернулась в школу, мне бы пришлось каждый день жить с этим знанием, да еще и столкнуться со всеобщим любопытством. Раз за разом повторять сотне доброжелателей: «Нет, мы расстались. Да, он меня бросил. Нет, со мной все в порядке».

Хотя какой уж там порядок, когда я дура?! Непроходимая сопливая дура! Как я могла ошибиться? А еще думала, что разбираюсь в людях!.. Я видела Джеймса таким сильным, смелым, любящим... Все иллюзии! Он трус и слабак, у него не хватило духу даже посмотреть мне в глаза, отказываясь от меня.

Я больше никогда не смогу доверять собственному чутью.

Словом, я сдала экзамены и в школу не вернулась. Не ходила узнавать результаты, пропустила осенний вечер встреч, даже не заглянула ни к кому из учителей, которые так много для меня сделали. Сразу поступила в колледж, до которого нужно было добираться электричками с пересадкой – уж там-то меня точно никто не знал. Свободного времени вообще не стало: будильник я заводила на пять тридцать утра, возвращалась домой в шесть и садилась за уроки.

А потом мы из Ридинга уехали. Мама вышла замуж за Филя. Мне бы разозлиться на нее за то, что продала дедушкин дом, где я выросла и где осталось столько воспоминаний. Может, я и злилась в глубине души, но в то же время чувствовала облегчение. Оборвалась последняя ниточка, связывавшая меня с Ридингом и с Джеймсом.

О случившемся не знал никто, кроме Клэр, и даже она не знала про сообщение. На следующий день я сказала ей, что решила сделать аборт и уйти от Джеймса. Она обняла меня, смахнула слезу и проговорила: «Какая ты смелая!»

Но смелой я не была. Я тоже повела себя как трусиха. У меня не хватило духу поговорить с Джеймсом, потребовать от него объяснений.

Я слышала, что впоследствии он переспал чуть ли не со всем Ридингом – и с девчонками, и с парнями. Это лишь подтвердило мою уверенность: Джеймс Купер, которого я любила, никогда не существовал. Он был плодом моего воображения. Фальшивым воспоминанием, которым мозг подменил реальность.

Теперь же мое восприятие ситуации изменилось. Не то чтобы я простила Джеймсу эгоистичное бессердечие, но увидела себя со стороны – разъяренную, обиженную, неумолимо строгую к нам обоим. Скорее я простила себя за любовь к нему. Мы ведь были почти детьми, со свойственной детям жестокостью и черно-белым восприятием мира. Для детей люди делятся на хороших и плохих, и нет ничего посередине. Этика детской площадки проста и прямолинейна, как правила спортивной игры: нарушил – получи наказание.

Джеймс поступил неправильно.

Я ему доверяла.

Значит, я тоже не права.

Теперь-то я вижу его таким, каким он на самом деле тогда был: испуганным ребенком, которого поставили перед сложнейшим моральным выбором. Выбором, к которому он был попросту не готов. В моих словах он услышал попытку переложить на его плечи ответственность за решение с необратимыми последствиями. Он не хотел и не мог решать.

И я вижу себя – такую же испуганную и не готовую.

Мне очень жаль нас обоих.

Когда утром придет Ламарр, я ей расскажу. Всю правду. Если подумать, действительно все не так страшно. Просто старая обида, которая никак не тянет на мотив для убийства.

Нина права.

С этой мыслью я засыпаю.

Ламарр приходит не одна. С ней еще один полицейский, грузный и сердитый дядька. На лице у Ламарр незнакомое мрачное выражение. Она что-то держит в руке.

– Нора, – говорит она без предисловий. – Вы можете опознать этот предмет?

– Да, – удивленно отвечаю я. – Это мой телефон. Где вы его нашли?

Ламарр молчит. Она садится рядом с кроватью, достает диктофон, включает его и строго, формально произносит то, что я боялась услышать:

– Леонора Шоу, мы хотим допросить вас по подозрению в убийстве Джеймса Купера. Вы имеете право хранить молчание, но если вы не упомянете факты, на которые будете опираться в суде, это может повредить вашей защите. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Вы имеете право на адвоката. Вы все поняли?

Глава 27

Тому, кто не виноват, бояться нечего, правда?

Почему же мне так страшно?

Прежде мои показания не записывались на диктофон, и приходила Ламарр одна, без сопровождения, то есть в суде они неприменимы. Поэтому начинаем мы с тех же вопросов, чтобы зафиксировать мои ответы на пленке. От адвоката я отказываюсь. Хотя это и глупо, я не могу отделаться от ощущения, что Ламарр на моей стороне. И что главное – убедить в своей невинности ее, а дальше все устроится.

Закончив со старыми вопросами, Ламарр переходит к новым.

– Пожалуйста, еще раз взгляните на телефон. – Она протягивает мне его в закрытом пластиковом пакете. – Вы его узнаете?

– Да, это мой телефон.

Я борюсь с желанием грызть ногти. За прошедшие дни я успела обкусать их до мяса.

– Вы уверены?

– Да, тут царапинка на корпусе.

– Это ваш номер? – Она перелистывает блокнот и называет набор цифр.

– Д-да, мой.

– Меня интересуют последние звонки и текстовые сообщения с этого номера.

К такому я была не готова. Зачем им эта информация, какое отношение она имеет к смерти Джеймса? Может, они пытаются отследить наши перемещения по телефонным сигналам?

Я напрягаю память.

– Да я за эти выходные им и не пользовалась почти... В доме не ловилась сеть. Только на стрельбище голосовую почту проверила... и «Твиттер». А, и еще перезвонила мастеру в Лондоне, у меня велосипед в починке. И все.

– А сообщения?

– Не отправляла вроде... Точно нет. Последнее было в пятницу Нине, я написала, что жду ее в поезде.

Ламарр резко меняет тему:

– Расскажите о ваших отношениях с Джеймсом Купером.

Я спокойно киваю, стараясь продемонстрировать свое желание сотрудничать со следствием. Я ожидала этого вопроса. Может, Клэр очнулась? У меня сосет под ложечкой.

– Я правильно понимаю, что вы знакомы со школы?

– Да. Лет в шестнадцать встречались, недолго.

– Недолго – это сколько?

– Месяца четыре-пять.

Тут я вру. Встречались мы полгода. Но я зачем-то лягнула «недолго», а полгода – уже какой-то срок. Мне бы не хотелось, чтобы мои показания звучали противоречиво. К счастью, Ламарр не расспрашивает меня о датах.

– Потом вы поддерживали дружбу?

– Нет.

Она ждет, что я пущусь в разъяснения. Я жду конкретных вопросов. Ламарр складывает руки на коленях и смотрит на меня. Но если я что и умею делать хорошо, так это держать паузу. Слышно очень тихое, ритмичное тиканье дорогих часов у нее на запястье. Интересно, откуда деньги? Не похоже, чтобы такую юбку можно было купить на зарплату констебля, как и крупные золотые серьги. На вид это не бижутерия.

Впрочем, какая разница. Разглядывая Ламарр, я просто коротаю ожидание.

Она тоже умеет ждать. У нее прямо-таки кошачье терпение – способность не мигая смотреть на затаившуюся мышь, пока та в панике не выскочит из укрытия. Первым не выдерживает второй полицейский, констебль Робертс, здоровенный детина с толстыми щеками и застывшим на лице мрачным выражением.

– То есть вы не общались с ним десять лет и после этого он вдруг взял и пригласил вас на свадьбу?

Черт... Врать бесполезно. Им понадобится пара минут, чтобы затребовать у матери Клэр список приглашенных.

– Нет. Клэр пригласила меня на девичник. На свадьбу меня никто не звал.

– Вы не находите, что это немного странно? – интересуется Ламарр, словно не допрос ведет, а болтает с подружкой за чашечкой капуччино.

У нее круглые розовые яблочки щек и точеные высокие скулы, как у Нефертити, а улыбка такая широкая, теплая, благодушная...

– Да, в общем, нет. Зачем жениху звать на свадьбу свою бывшую? Это было бы неловко и для него, и для меня, и для Клэр.

– То есть это неловко, а в приглашении на девичник никакой неловкости нет?

– Об этом надо спрашивать Клэр. Ей виднее.

– Значит, после разрыва вы вообще никак не связывались с Джеймсом Купером?

– Нет. Никак.

– Вы не писали ему писем? Не отправляли сообщений по телефону?

– Нет.

Я теряюсь. Не понимаю, к чему они ведут. Пытаются доказать, что я ненавидела Джеймса? Что не могла находиться с ним рядом? У меня сосет под ложечкой, и внутренний голос тихонько спрашивает: «*Может, все-таки адвоката?*»

Сама того не желая, я слегка повышаю голос.

– Знаете, вообще это обычное дело – обрывать контакты с бывшими.

Ламарр снова внезапно меняет тему:

– Опишите ваши перемещения по дому. Вы покидали его пределы?

– Ну да, на стрельбище ездили, – неуверенно говорю я. – Вы же знаете.

– Я имею в виду, не вместе со всеми, а одна. Кажется, вы выходили на пробежку?

При чем тут пробежка?! Я вообще не понимаю, к чему они ведут, и начинаю сильно нервничать.

– Выходила. – Я прижимаю к груди подушку и, с целью продемонстрировать желание сотрудничать, уточняю: – Дважды. Один раз в пятницу вечером и один – в субботу.

– А примерное время можете назвать?

– В пятницу примерно в четыре тридцать. Или попозже. Уже почти стемнело. По пути назад я встретила Клэр, она приехала около шести. А в субботу... рано утром. Раньше восьми. Точнее не скажу. Но после шести утра – было светло. Мелани уже не спала, может, она вспомнит.

– Хорошо. – Ламарр записывает в блокнот названные мной временные промежутки, словно не доверяя диктофону. – Во время пробежек вы не пользовались телефоном?

– Нет.

Я впиваюсь пальцами в подушку, ничего не понимая. Вопросы ставят меня в тупик.

– А в субботу вечером вы не выходили?

– Нет. – Тут я вспоминаю. – А про следы вам сказали?

Ламарр поднимает голову от блокнота.

– Какие следы?

– Утром, возвращаясь с пробежки, я заметила следы на снегу. Они вели от гаража к двери кухни.

– Хм... Спасибо, будем иметь в виду. – Ламарр черкает в блокноте. – Вы не вспомнили, что вы делали в субботу вечером, когда побежали за машиной?

Я качаю головой.

– Нет, извините. Помню только, как продиралась сквозь лес, вспышки фар и битое стекло... Ничего конкретного.

– Ясно. – Ламарр захлопывает блокнот и встает. – Спасибо, Нора. Робертс, у вас еще есть во-просы?

Вопросов у Робертса нет. Ламарр называет в диктофон дату и место, отключает его и уходит.

Я подозреваемая.

Оставшись наедине с собой, я пытаюсь переварить эту информацию.

Почему меня подозревают? Потому что нашли телефон? Но какое отношение мой телефон имеет к убийству Джеймса?

И тут до меня доходит то, что следовало понять уже давно.

Я с самого начала фигурировала в деле в качестве подозреваемой.

Меня прежде не допрашивали по всей форме, потому что мои показания все равно были неприменимы в суде. С таким-то провалом в памяти любой адвокат от моих заявлений камня на камне не оставит. Ламарр была нужна информация, каждая крупинка информации, как можно скорее – именно поэтому она рискнула начать говорить со мной до того, как врачи разрешили официальный допрос.

Теперь врачи признали, что я нахожусь в здравом уме, и полиция начинает выстраивать против меня дело.

Меня не арестовали. Уже неплохо.

Мне *пока* не предъявили обвинений.

Только бы восстановить в памяти стершиеся минуты в лесу... Что там произошло? Что я сделала?

Отчаянное желание вспомнить сжимает мне горло, как рыдания. Я стискиваю мягкую подушку, зарываюсь лицом в ее белоснежную поверхность и пытаюсь вспомнить изо всех сил. Если я не восстановлю эти пропавшие минуты, разве смогу я убедить Ламарр, что мне можно верить?

Я закрываю глаза и представляю тихую поляну в лесу, огромный сияющий дом из стекла, его свет пробивается сквозь стоящие почти вплотную деревья. Пахнет опавшими сосновыми иголками, мороз щиплет мне пальцы и ноздри. Я слышу тихие лесные шорохи, шуршание снега, соскальзывающего с ветвей, уханье совы – и удаляющийся рев мотора.

Я помню, как бегу по грунтовке меж деревьев, как под ногами пружинит ковер из иголок.

А дальше – провал. Как бы я ни старалась поймать в нем хоть что-то – это как ловить отражение в воде. Только что оно было – и вот превратилось в рябь и ускользнуло сквозь пальцы.

Что-то случилось там, в темноте. Со мной, Клэр и Джеймсом. Что-то вызвало эту аварию.

Что-то или кто-то.

– Ну, Леонора, я вами очень доволен. – Доктор Миллер откладывает ручку. – Конечно, меня несколько беспокоит провал в памяти, но, как вы сами говорите, что-то начинает возвращаться, так что я не вижу причин вас здесь удерживать. Некоторое время вам будут нужны регулярные осмотры, но с этим вполне справится терапевт по месту жительства. – И, не дав мне опомниться от такого поворота, спрашивает: – Дома есть кому помочь?

– Э-э... нет, – отвечаю я, не сразу поняв вопрос. – Я живу одна.

– Ни у кого из друзей вы недельку пожить не можете? Или к себе кого-то пригласить? Вы очень быстро идете на поправку, однако оставаться одной в пустом доме я бы пока не рекомендовал.

– Я живу в Лондоне, – зачем-то говорю я.

А как ему объяснишь, что некому мне на недельку навязать свою персону? И вряд ли я сейчас ломанусь в Австралию в матушкины объятия.

– В Лондоне... Кто-то может вас туда подвезти?

Нина сказала мне в случае чего звонить ей. Неужели меня правда сейчас выпишут? Я совсем не чувствую готовности покидать больницу.

Врач уже забрал свои записи и ушел. Я обращаюсь к медсестре:

– Что-то я не пойму... Меня не предупредили.

– Не волнуйтесь, никто не собирается вы-швыривать вас на улицу. Просто вы уже нормально себя чувствуете, а нам нужна палата для новых па-циентов...

Короче, от меня хотят поскорее избавиться.

Я сама не понимаю, почему это так сильно вывело меня из равновесия. За несколько коротких дней, что я здесь пробыла, я успела привыкнуть к больничной жизни. Палата казалась мне клеткой, но вот дверь открыли, а я совсем не хочу уходить. Врач, медсестры, больничный распорядок защищали меня от полиции. От реальности произошедшего.

Что я буду делать, если меня отсюда выкинут? Ламарр отпустит меня домой?

– Поставьте в известность полицию, – говорю я с непонятной отстраненностью. – Не знаю, позволят ли мне выезжать за пределы Нортумберленда.

– Ой, да, я и забыла, что вы та самая. Не волнуйтесь, я им сообщу.

– Сообщите констеблю Ламарр, это она каждый день приходила.

Мне совершенно не хочется иметь дело с огромным мрачным Робертсом.

– Да, я с ней свяжусь. И не беспокойтесь, пожалуйста, сегодня вас никто не выставит.

Сестра уходит. Я остаюсь думать о своих перспективах.

Отсюда меня выкинут – вероятно, завтра утром. Куда дальше?

Либо меня отпустят домой... либо нет. А это значит, что меня арестуют. Я вспоминаю, каковы в этом случае мои права. Могут задержать для допроса... насколько там? Тридцать шесть часов? Вроде этот срок еще можно продлить, точно не помню. Черт! Я же детективы пишу, как я могу этого не знать?!

Надо позвонить Нине. В палате есть платный телефон, однако для него нужна кредитка, а кошелек мой вместе с остальными вещами у полиции. Мне наверняка разрешат позвонить с сестринского поста, но я не знаю номера! Все контакты, разумеется, в мобильнике.

Я пытаюсь вспомнить хоть чей-нибудь номер. Раньше я часто звонила в дом родителей Нины – они переехали. Кто теперь живет в нашем старом доме в Ридинге, я не знаю, как не знаю и номер мамы в Австралии. Все-таки было бы здорово, наверное, иметь спутника, к которому всегда можно обратиться за помощью, не испытывая стыда. Увы, у меня такого человека нет. Всегда считала, что самодостаточность дает мне силу, и вдруг она стала моей слабостью. Что делать? Разве что попросить сестер найти в интернете контакты моего редактора?.. От мысли о том, чтобы показаться ей в таком виде, я хочу сквозь землю провалиться.

Еще я, на удивление, помню номер родителей Джеймса. Я ведь набирала его много сотен раз. Они адрес не меняли, это я точно знаю. Но позвонить им я не могу.

Я должна связаться с ними, когда вернусь в Лондон. Должна выяснить про похороны. Должна... должна...

Я зажмуриваюсь. Нет, только не плакать, хватит плакать. Поплачу, когда все это закончится, а сейчас надо решать свои проблемы. О Джеймсе и его родителях я подумую потом.

Тут мой взгляд останавливается на картонном стаканчике с номером Мэтта. Я осторожно отрываю прямоугольник с цифрами и прячу в карман. Хотя звонить ему я не могу – он сейчас едет в Лондон, – приятно знать, что в случае чего мне есть к кому обратиться.

Два дня назад я не подозревала о его существовании. Теперь же он был единственной моей связью с внешним миром.

Ладно, все не так страшно. Кто-нибудь ко мне зайдет. Нина или хоть Ламарр. Надо лишь подождать.

Я сижу, глядя в одну точку и кусая ногти, когда в дверь просовывается голова медсестры.

– Тебе звонят, лапуля. Сними трубку над кроватью, я сейчас переведу.

Кто может мне звонить? Кто вообще знает, что я здесь? Мама? Я смотрю на часы. Вряд ли, в Австралии сейчас глухая ночь.

Потом меня пронзает догадка – словно ледяная рука ложится на затылок: родители Джеймса. Они знают, что я здесь.

Телефон начинает трезвонить. На секунду я теряю всякое присутствие духа и не могу заставить себя ответить. Потом стискиваю зубы и хватаю трубку с рычага.

– Алло?

Повисает пауза, и на том конце провода слышится Нинин голос:

– Нора? Это ты?

Я вздыхаю с облегчением и даже задумываюсь о возможности телепатии. Как я рада ее слышать, как рада знать, что я не одна!

– Нина! Слава богу, ты позвонила! Меня собрались выписывать, а у меня ни номера твоего, ничего! Ты поэтому звонишь?

– Нет, – коротко отвечает она. – Тут такое дело... Короче, Фло пыталась покончить с собой.

Глава 28

На минуту я теряю дар речи.

– Нора? Нора, ты меня слышишь? Черт, прервалось, что ль...

– Я слышу, – оглушенно говорю я. – Я просто... господи...

– Извини, что вот так ошарашила, но лучше, чтобы ты узнала от меня, чем от сестер или полиции. Ее сейчас везут в ту же больницу.

– Кошмар какой... Она выживет?

– По идее, должна. Я нашла ее в ванной тут, в гостинице. Она все эти дни была не в себе, я не понимала, что все настолько... Я...

Голос у нее потрясенный, и я впервые задумываюсь о том, под каким давлением должны были находиться остальные – Нина, Фло и Том, – пока мы с Клэр валялись в больнице. Наверняка их допрашивали круглые сутки.

– Еще повезло, что я вернулась не так поздно, как предполагала, – говорила Нина. – Я должна была заметить, должна была раньше понять!

– Ты не виновата.

– Нора, я врач или покурить вышла? Да, душевное здоровье не мой профиль, но основы-то надо помнить, нас же учили! Черт! Я должна была это предвидеть!

– Она выживет?

– Не знаю. Она выпила горсть снотворного, валиум, целую упаковку парацетамола и запила все это дело вискарем! Больше всего меня в этом наборе волнует парацетамол – та еще дрянь, когда с алкоголем и в таких количествах. Можешь очнуться в больнице прямо-таки огурцом, а через двое суток у тебя откажет печень – как раз когда ты решишь, что погорячилась и жизнь вообще неплохая штука.

– Господи, бедная Фло... Записку не оставила?

– Оставила. «Больше не могу».

– Ты думаешь... – У меня язык не поворачивается задать этот вопрос.

– Что у нее совесть нечиста? – Я почти слышу, как Нина пожимает плечами. – Не знаю.

В любом случае ружье было в руках у нее. Наверняка Робертс с Ламарр по ней основательно проехались.

– А где она таблетки раздобыла?

– Ей прописали диазепам и снотворное. Она... да все мы пережили сильный стресс, Нора! Я закрываю глаза. Мне тут хорошо в своем уютном коконе неведения, а Фло все эти дни сходила с ума.

– Так хотела сделать для Клэр идеальный девичник... – медленно говорю я.

– Знаю. Поверь, она только об этом и говорила. Круглые сутки ревела и обвиняла себя во всем, что случилось.

– А что случилось, Нина? Ты можешь мне объяснить? – Я замечаю, что до боли в пальцах вцепилась в белую пластиковую трубку. – Ламарр уверена, что это предумышленное убийство. Мне задают странные вопросы о моем телефоне. Допрашивают по всей форме, с диктофоном, зачитыванием прав и всем прочим. Я подозреваемая.

– Мы все подозреваемые, – устало отвечает Нина. – Мы находились в доме, где был застрелен человек. Так что подозревают не только тебя. И как меня это задолбало, кто бы только знал... Я очень скучаю по Джесс, уже и соображать не могу. На хрена мы с тобой вообще на это подписались?

Голос у нее совершенно вымотанный. У меня перед глазами встает картина: Нина и Том одиноко сидят каждый в своем гостиничном номере и ждут, ждут – допросов, ответов, вестей

о Фло и Клэр. Ее попросили не уезжать из Нортумберленда. Она здесь тоже застряла, как и я. Мы все в ловушке случившегося.

– Слушай, давай закругляться, – говорит Нина. – Я тут завела копеечный мобильник с тарифом по предоплате – боюсь, что вот-вот деньги на нем кончатся. Сейчас только еще раз наберу пост, оставлю им свой номер, чтобы вызвали меня, когда тебя надо будет забирать.

– Хорошо. – Я кашляю, надеюсь спрятать слезы в голосе. – Ты береги себя, ладно? И не переживай по поводу Фло. Все будет хорошо.

– Сомневаюсь. Видала я случаи передозировки парацетамола, так что осознаю перспективы. Но спасибо, что пытаешься меня утешить. И, Нора...

Она замолкает.

– Что?

– Нет, ничего, глупо этим тебя долбить, про-ехали.

– Да говори уже.

– Ну, короче... постарайся вспомнить, что с вами было в лесу. На этом много завязано. –

И она добавила с нервным смешком: – Никакого давления.

Я тоже усмехнулась.

– Ага. Пока, Нина.

– Пока.

Она вешает трубку. Я тру лицо. «Никакого давления». Хорошая шутка. Мы с ней обе знаем, под каким мы тут все давлением.

Я должна вспомнить. Должна вспомнить.

И, закрыв глаза, я пытаюсь изо всех сил.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то трясет меня за плечо.

– Нора...

Я моргаю и пытаюсь сообразить, где я и что от меня хотят.

Надо мной стоит Ламарр.

– Который час? – спрашиваю я заплетающимся языком.

– Почти двенадцать, – сухо отвечает она.

На ее лице ни намек на улыбку. Она вообще выглядит сегодня весьма угрожающе. За спиной у нее возвышается констебль Робертс и неподвижно смотрит на меня. Словно он родился таким – с кислой миной и карандашом в руке. Невозможно представить его качающим ребенка или целующим лю-бимую.

– Мы хотим задать вам еще несколько вопросов, – сообщает Ламарр. – Вам дать минуту?

– Нет-нет, я готова.

Я трясую головой, стараясь проснуться. Ламарр внимательно наблюдает. Потом включает диктофон, снова зачитывает мои права... и протягивает мне лист бумаги.

– Нора, я попрошу вас прочесть это вслух. Это электронные письма и сообщения, отправленные с вашего телефона и телефона Джеймса в последние несколько дней.

Я сажусь повыше, протираю сонные глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд на мелком шрифте. Длинный список сообщений, над каждым номер и имя отправителя, дата, время и еще какой-то набор цифр – вероятно, координаты GPS.

Первое сообщение отправлено с моего номера в пятницу в 16.52.

ЛЕОНОРА ШОУ: Джеймс, это я, Лео. Лео Шоу.

ДЖЕЙМС КУПЕР: Лео?? Господи, это правда ты?!

ЛЕОНОРА ШОУ: Да. Мне надо тебя увидеть. Я на девичнике у Клэр. Ты можешь приехать? Это очень важно.

ДЖЕЙМС КУПЕР: Ты серьезно?

ДЖЕЙМС КУПЕР: Клэр тебе сказала?

ЛЕОНОРА ШОУ: Да. Пожалуйста, приезжай. Не могу объяснить по телефону, но мне очень нужно с тобой поговорить.

ДЖЕЙМС КУПЕР: Это правда срочно? До возвращения в Лондон не подождет?

ЛЕОНОРА ШОУ: Пожалуйста. Я никогда тебя ни о чем не просила. И ты у меня в долгу. Завтра? В воскресенье уже поздно.

Ответ от Джеймса пришел только в 23.44.

ДЖЕЙМС КУПЕР: У меня завтра два спектакля – с утра и вечером, закончу не раньше одиннадцати. Ехать на машине больше пяти часов, то есть я буду среди ночи. Тебе это правда очень нужно?

Суббота, 7.21.

ЛЕОНОРА ШОУ: Да.

Суббота, 14.32.

ДЖЕЙМС КУПЕР: ОК.

ЛЕОНОРА ШОУ: Спасибо. Машину оставь на дороге. В дом заходи через дверь кухни, я оставлю ее открытой. Моя комната наверху, вторая дверь справа. Все объясню, когда приедешь.

Еще одна долгая пауза, и в 17.54 ответ, который чуть не разбивает мне сердце.

ДЖЕЙМС КУПЕР: ОК. Лео, прости меня. За все.

А потом еще в 23.18.

ДЖЕЙМС КУПЕР: Я еду.

И на этом переписка заканчивается.

На последних строках голос у меня начинает срываться, в глазах стоят слезы.

– Допрашиваемая закончила читать транскрипт, – негромко произносит Ламарр в диктофон. – Вы можете объяснить это, Нора? Вы думали, что мы ничего не найдем. Удалять сообщения было бесполезно, мы взяли их с сервера.

– Я не... – Сделав глубокий вдох, я заставляю себя говорить: – Я ничего не отправляла.

– Вы серьезно. – Это даже не вопрос, это констатация факта.

– Да, я серьезно! – начинаю оправдываться я, уже понимая тщетность своих усилий. – Вы должны мне поверить! Это отправил кто-то другой! Может, мою сим-карту клонировали!

– Нора, мы это часто слышим. Сообщения отправлены с вашего телефона, время отправки соответствует вашим пробежкам по лесу и поездке на стрельбище.

– Я не брала телефон на пробежки!

– Геолокация четко показывает, что телефон поймал сеть вне дома, на вершине холма.

– Я не отправляла этих сообщений! – безнадежно повторяю я.

Мне хочется заползти под одеяло и накрыться подушкой. Ламарр возвышается надо мной во весь рост, на этот раз никакого панибратского сидения на кровати. Лицо у нее застывшее, как у статуи. Я вижу в нем сочувствие и в то же время незнакомую отстраненную суровость, которой прежде не замечала. Как у ангела – только не милосердия, а возмездия.

– Также мы завершили анализ машины Клэр и знаем, что произошло.

– Что?

Я стараюсь не паниковать, но голос у меня дрожит и срывается. Они знают. Они знают что-то, о чем не знаю я.

– Клэр вас подобрала. Машина выехала на дорогу и набрала скорость. И тогда вы попытались отобрать у Клэр руль. Машина вылетела на обочину.

– Нет.

– На руле ваши отпечатки, много, по всей поверхности. У вас на руках царапины, ногти обломаны. У нее такие же. Вы подрались. У нее под ногтями фрагменты вашей кожи.

– Нет!

И тут же у меня перед глазами вспыхивает картина, словно кошмар наяву – перепуганное лицо Клэр, освещенное зелеными огоньками приборной панели, наши сцепившиеся руки...

– Нет! – повторяю я, всхлипывая.

Что я наделала?

– Джеймс спросил, сказала ли вам Клэр. О чем? Что она выходит замуж за него?

Я не могу говорить, только мотаю головой.

– Допрашиваемая качает головой, – мрачно комментирует Робертс в диктофон.

Ламарр не собирается оставлять меня в покое.

– Тем не менее от Фло мы знаем, что сначала Клэр скрыла от вас этот факт и попросила ее не афишировать личность жениха. Клэр хотела, чтобы вы узнали уже на девичнике. Так ведь?

Господи...

– После разрыва с Джеймсом у вас не было ни с кем отношений, правильно?

Нет, нет, нет...

– Вы были им одержимы. Клэр не хотела вам сообщать, потому что боялась вашей реакции. И не напрасно, правда же?

Когда закончится этот кошмар...

– Вы узнали, заманили Джеймса в дом и застрелили.

Я должна ответить. Я должна хоть что-то ответить! Пусть Ламарр замолчит, пусть перестанет осыпать меня обвинениями своим карамельным голосом.

– Это правда, Нора? – спрашивает она мягко и наконец садится на край моей кровати, протягивая мне руку. – Так все и было?

Сквозь слезы я вижу ее лицо, добрые глаза, огромные серьги, слишком тяжелые для такой изящной шеи. Я слышу треск и шуршание диктофона.

И обретаю дар речи.

– Я прошу предоставить мне адвоката.

Глава 29

Первое сообщение, которое якобы я послала Джеймсу, ушло в 16.52. Я была на пробежке. Телефон валялся в комнате, доступный всем желающим. Кто мог его взять?

Клэр еще не было в доме, это я знаю точно – когда я возвращалась с пробежки, она только подъезжала. Значит, кто-то из остальных.

Но зачем? Зачем кому-то из них понадобилось вот так уничтожить меня – и Джеймса, и Клэр?!

Я начинаю перебирать варианты.

Кандидатуру Мелани я склонна отбросить сразу. Да, пусть даже она единственная не спала, когда я ушла на вторую пробежку, я просто не могу представить, что она стала бы такое затевать. Меня она в пятницу впервые увидела, Джеймс ей тоже наверняка безразличен. Нет у нее мотива идти на такой риск. К тому же она уехала, и ее попросту не было в доме, когда... когда... Я зажмуриваюсь, гоня от себя воспоминания. Тоненький голосок внутри начинает шептать: «Она вполне могла подменить патрон. Она могла сделать это в любое время. И это объяснило бы, почему она уехала в такой спешке...» Ладно, патрон она подменить действительно могла. Но дальше-то была непредсказуемая цепь событий, на которые у нее не было никакого влияния: открывшаяся дверь, снятое со стены ружье...

Том? Возможность у него была – он находился в доме во время моих пробежек и вместе со всеми ездил на стрельбище. К тому же именно он отправил Клэр везти Джеймса в одиночку. Мало ли, что он ей там сказал? Мы об их разговоре знаем только с его слов. Клэр ни с того ни с сего рванула в ночь, оставив Нину – врача, надежду Джеймса на спасение... Том мог наврать ей, что Нина не поедет или что поедет следом на своей машине... да что угодно!

А мотив? Я пытаюсь припомнить детали нашего пьяного трепа о театральном закулисье и конфликте Джеймса с Брюсом. Если бы я только обратила на это внимание! Мне было скучно слушать про подковерную борьбу незнакомых мне людей, так что все в одно ухо влетело, из другого вылетело. Мог ли Том затеять это ради своего мужа?

Нет, все-таки маловероятно. И даже если предположить, что он намеренно отправил Клэр одну, чего бы он этим достиг? Он не мог предугадать, что я побегу следом и случится то, что случилось.

А самое главное – он не знал о моих отношениях с Джеймсом. Если только... если только ему не рассказали.

Клэр могла, будем честны. Однако убийство было спланировано так, чтобы уничтожить троих: меня, Джеймса и Клэр. Не похоже, чтобы кто-то тут был главной целью, а кто-то проходил в графе «сопутствующие потери».

Я пробую взглянуть на все это с точки зрения писателя. В своем сюжете я бы придумала для Тома повод убить Джеймса. Мотив отомстить за что-нибудь Клэр – пожалуй, тоже. Но я бы не придумала, зачем ему подставлять незнакомого человека. Нет, это сделал тот, кто знал всех троих. Тот, кто все время держал руку на пульсе. И это...

Нина.

От этой мысли я прихожу в ужас. Нет, я даже не могу обдумывать ее всерьез. Нина странная, резкая, язвительная, нередко бестактная. Но на *такое* она неспособна. Неспособна ведь? Я видела ее скорбное лицо, когда она вспоминала свою работу в Колумбии. Она спасала там людей с огнестрельными ранениями. Она вообще живет, чтобы помогать людям. Разве могла она такое сотворить?

Но тоненький голос опять нашептывает: «Ты же знаешь, какой она бывает черствой. Ты помнишь, как она спяну говорила: «Хирургам на людей плевать. В нашей работе не до сантиментов. Мы как механики – вскрываем и смотрим, как что тикает. Среднестатистический

хирург – как пацан, который разобрал папкины часы и никак не может собрать обратно. Чем круче становишься, тем проще тебе собрать часы, но прежними они все равно не будут».

А еще я вспоминаю ее вспышки ненависти к Клэр. С какой яростью она говорила о желании Клэр расковырять человека и полюбоваться реакцией, как она до сих пор зла на то, что Клэр выдала в школе ее ориентацию. А может, она зла еще сильнее, чем я думаю?

А как она повела себя в первый вечер! Устроила злобную выходку в игре «я никогда не». С какой мстительной жестокостью она промурлыкала: «Я никогда не спала с Джеймсом Купером».

В жаркой, как сауна, палате меня бросает в холод. Да, это была именно мстительная жестокость – не любопытство, не простая бестактность. Это было намеренное желание ранить меня и Клэр. И кто тут кому расковыривает больные места?

Но я гоню от себя эту мысль. Я не стану так думать о Нине. Просто не стану. Иначе с ума сойду.

Остается Фло. На самом деле она первой пришла мне на ум. Все-таки она была в доме с самого начала, она приглашала гостей, она держала ружье, она уверяла всех, что патроны холостые.

Фло с ее одержимой любовью к Клэр, с ее странным невротичным поведением... О нас с Джеймсом она могла узнать когда угодно, все-таки Клэр ее лучшая подруга с начала университета.

И не поэтому ли она решила покончить с собой, осознав, что натворила?

Я невидящим взглядом смотрю перед собой, погрузившись в раздумья, и вдруг мои глаза фокусируются на стеклянном окошке двери. Снаружи я улавливаю какое-то движение.

Там полицейский.

К палате снова приставили охрану.

И на этот раз у меня нет никаких сомнений – меня не оберегают, меня стерегут. Никто не отпустит меня домой после выписки, меня отправят напрямик в участок. Арестуют, допросят и, скорее всего, предъявят обвинение, если доказательств уже достаточно.

Я отвожу взгляд. Холодно и бесстрастно начинаю прикидывать, как выглядит последний подозреваемый – я сама.

Я была в доме. Имела возможность и отправить сообщения, и заменить холостой патрон на боевой. В момент выстрела моя рука была на ружье. Мне было легко навести дуло на Джеймса.

А самое главное – я присутствовала при аварии, ставшей причиной его смерти.

Что могло произойти в машине? Почему я не помню?

Я вспоминаю слова доктора Миллера: «Иногда мозг подавляет то, с чем психика в данный момент не в состоянии справиться. Если угодно, своего рода... защитный механизм».

С чем моя психика не в состоянии справиться?

Я дрожу, как от холода, хотя в палате жарко и душно. Я закутываюсь в Нинин кардиган, вдыхаю запах сигарет и духов, пытаюсь успокоиться.

Не мысль об аресте пугает меня – я до сих пор не представляю, что это произойдет. Конечно же, мне поверят, если я все объясню, *конечно же!*

Из равновесия меня выводит другое: кто-то меня ненавидит. Очень сильно ненавидит. Но кто?

И есть еще один вариант. Слишком жуткий, чтобы допустить его вероятность, но то и дело возникающий у меня в голове – тихим шепотком, когда я думаю о других вещах.

Вот и теперь, когда я прячусь под тонким больничным одеялом и Нининым кардиганом, шепот спрашивает: «А что, если это и правда сделала я?»

День тянется медленно, как сквозь патоку. Это похоже на кошмар, когда надо бежать, а ноги ватные. Палата превратилась в тюремную камеру – с маленьким окошком в двери и охраной снаружи.

Когда меня выпишут, я не уеду домой. Меня заберут в полицейский участок и, вероятно, предъявят обвинение. Наверняка телефонной переписки для этого будет достаточно.

Много лет назад, когда я писала свою первую книгу, я расспрашивала знакомого полицейского о технике допроса. «Надо слушать, – объяснил он мне. – Слушать, пока не услышишь ложь».

Ламарр и Робертс свою ложь нашли: я утверждала, что телефоном не пользовалась. И вот у них целый список моих сообщений.

Я пытаюсь поесть, но не чувствую вкуса еды и оставляю почти все на подносе. Пытаюсь разгадывать кроссворд, но слова ускользают, превращаются в набор букв, который для меня ничего не значит: разум мой занят другими картинками.

Я сижу на скамье подсудимых, а потом – в тюремной камере.

Фло, подключенная к аппарату жизнеобеспечения, – где-то в этой же больнице.

Клэр лежит навзничь на больничной койке, ее глаза медленно двигаются под закрытыми веками.

Джеймс в растекающейся луже крови.

Даже сейчас чувствую ее запах – жуткий запах лавки мясника, пропитавший мои руки, мою пижаму, доски пола...

Я сбрасываю одеяло и встаю. Иду в ванную, умываюсь, пытаюсь избавиться от навязчивого запаха крови и неотступных воспоминаний. Почему они так и лезут мне в голову, а то, что надо, я вспомнить не могу?! Возможно ли... возможно ли, что я и правда отправила эти сообщения, но вытеснила это из памяти так же, как и аварию?

Кому мне верить, если нельзя верить даже себе?

Я закрываю лицо руками. Затем выпрямляюсь, рассматриваю себя в зеркале под немилосердным светом люминесцентных ламп. Фингалы, конечно, еще не прошли, но заметно посветлели, стали похожи на мешки под глазами. Они придают мне изможденный, желтушный вид. По крайней мере, я уже не выгляжу фриком. Немного консилера – и вообще была бы похожа на человека. Увы, консилера у меня нет, не догадалась попросить у Нины.

На одной щеке отпечатались складки жесткой больничной наволочки. Я выгляжу тощей и старой.

Меж тем в моем внутреннем восприятии мне шестнадцать. Вот уже десять лет мне шестнадцать, и у меня длинные волосы. До сих пор я иногда, задумавшись или нервничая, пытаюсь запустить в них пятерню и откинуть с лица.

У меня в голове Джеймс жив. Я не в состоянии осознать, что его больше нет.

Почему мне не дают на него посмотреть?

Я содрогаюсь, приглаживаю мокрой ладонью короткие вихры, вытираю руки о серые треники.

Затем поворачиваюсь и выхожу из ванной.

В палате что-то изменилось. Я не сразу понимаю, что именно. Вроде все на своих местах: книга на кровати, сланцы под кроватью, полупустая бутылка воды на тумбочке.

Потом я замечаю.

Нет охранника в окошке.

Я подхожу к двери, осторожно выглядываю. Стул на месте. Рядом кружка с чаем, над ней поднимается пар. Охранника нет.

Я чувствую прилив адреналина, от которого встают дыбом волосы на затылке. Тело уже понимает, что я собираюсь сделать, хотя мозг еще не успел осознать. Ноги сами влезают в

сланцы, руки застегивают пуговицы кардигана, прячут в карман две десятифунтовые банкноты, до сих пор лежавшие на тумбочке.

С колотящимся сердцем я толкаю дверь и выхожу в коридор, в любой момент ожидая услышать крик «Стоять!» или ласковый вопрос медсестры: «Все в порядке, лапочка?»

Никаких криков. На меня никто не реагирует.

Я иду по коридору мимо других палат, и сланцы пощелкивают по линолеуму. *Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп...*

Мимо сестринского поста – там никого, медсестра в маленьком кабинете рядом, стоит к двери спиной.

Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Через двойные двери в главный коридор, где запах дезинфицирующего раствора вытесняется запахами еды из кухни. Я прибавляю шаг. В конце коридора виднеется табличка «Выход» со стрелкой, указывающей за угол.

Повернув туда, я обмираю. Возле мужского туалета стоит полицейский и говорит что-то в рацию. На секунду я теряю присутствие духа и чуть было не бросаюсь бежать обратно в палату, пока меня никто не хватился.

Но не бегу. Сжимаю зубы и шагаю вперед. *Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп...* Он на меня даже не смотрит. «Так точно, – говорит он, когда я прохожу мимо. – Понял вас?»

Я скрываюсь за углом. Стараюсь идти не слишком быстро и не слишком медленно. Наверняка ведь меня кто-то остановит? Не дадут же мне так просто взять и уйти из больницы?

Вот он, знак «Выход» в конце коридора, вдоль которого выстроились кровати, закрытые шторками. Я почти у цели.

Добравшись до последней двери, ведущей к лифтам, я вижу знакомое лицо за маленьким стеклянным окошком палаты.

Ламарр.

У меня перехватывает дыхание, и, почти не задумываясь, я прячусь за шторку, надеясь, что лежащий на кровати спит. И замираю, прислушиваясь.

Наконец я слышу стук ее каблучков по линолеуму – *клик, клак, клик, клак*. У сестринского поста, почти напротив отсека, в котором я прячусь, шаги останавливаются. Я стою не дыша, с трясущимися руками, готовая к тому, что сейчас Ламарр отдернет шторку и обнаружит меня.

Но она лишь говорит какую-то любезность дежурной медсестре, и каблучки стучат дальше – *клик, клак, клик, клак*, – в сторону туалетов и крыла, где находится моя палата.

Слава богу, слава богу, слава богу!

Ноги подкашиваются, тянет присесть. Однако отдыхать нельзя. Надо выбираться, пока Ламарр не обнаружила мое отсутствие. Я понимаю, что стоило положить подушки под одеяло или хоть задернуть маленькую шторку на окошке в двери.

Я глубоко дышу, пытаюсь успокоиться, и поворачиваюсь к кровати за своей спиной, чтобы извиниться перед пациентом, который на ней лежит.

И сердце у меня чуть не останавливается.

На кровати Клэр.

Глаза закрыты, золотые волосы разметались по подушке.

Очень бледная. Лицо иссечено еще сильнее, чем у меня. К пальцу прикреплен монитор сердечного ритма, и еще куча проводов тянется под одеяло.

Господи, бедная Клэр...

Осознавая собственную неосмотрительность, я все же не могу сразу побежать дальше. Я протягиваю руку к ее лицу, снимаю прядь волос, прилипшую к губам. Замечаю движение глаз под веками и обмираю в испуге. Но движение мимолетно, Клэр снова погружается – во что? В сон? В кому?

– Клэр, – шепчу я еле слышно в надежде, что она все же как-то ощутит и поймет. – Клэр, это я, Нора. Клянусь тебе, я докопаюсь до правды. Я выясню, что случилось. Обещаю.

Она не отвечает, только глаза двигаются под веками – как тогда, на спиритическом сеансе.

Сердце буквально разрывается, но медлить больше нельзя. Меня вот-вот начнут искать.

Осторожно выглядываю из-за шторки. На сестринском посту никого – видимо, все разошлись к пациентам. Я выскальзываю из отсека в проход и почти бегу к дверям, ведущим на площадку перед лифтами.

Оказавшись там, я лихорадочно жму на все кнопки, как будто этим можно ускорить движение кабины к этажу. Наконец раздается звуковой сигнал, и дальние от меня створки распахиваются. С колотящимся сердцем я влетаю в кабину. Чуть не сталкиваюсь с медбратом, который сопровождает женщину в кресле на колесиках. В ушах у него плеер, он подпевает Леди Гаге себе под нос.

Лифт останавливается. Я пропускаю медбрата с женщиной вперед, затем иду по стрелкам к главному выходу. За стойкой приемной скупающая дама листает журнал со светскими сплетнями. Когда я прохожу мимо, у нее начинает звонить телефон. Против своей воли я ускоряю шаг. «Не берите трубку. Только не берите трубку».

Но, конечно, она отвечает на звонок.

– Алло, приемная.

Я понимаю, что иду подозрительно быстро, но уже ничего не могу поделать от страха. Очевидно же, что я пациентка, не чья-то родственница, которая отнесла передачу и возвращается к своим делам. На мне сланцы – в ноябре! В комплекте с серыми трениками и синей вязаной кофтой на пуговицах.

Сейчас меня остановят. Окрикнут, спросят, все ли в порядке. Две десятки, которые я машинально зажимаю в кулаке, промокли от пота.

– Да вы что! – восклицает дама за стойкой, наматывая телефонный шнур на палец. – Да-да, конечно, я буду следить.

Сердце у меня колотится где-то в горле. Она знает. Мне конец.

Но она даже глаз не поднимает от журнала. Может, речь шла не обо мне?

Я почти у двери. На ней плакат, настоятельно рекомендующий перед выходом протереть руки дезинфицирующим гелем. Остановиться перед краником? Что с большей вероятностью привлечет внимание – если остановлюсь или если нет?

Я быстро шагаю мимо.

Женщина за стойкой все еще говорит по теле-фону.

Передо мной вращающаяся дверь. В голову приходит дикая фантазия: сейчас я застряну внутри, в треугольном пространстве за прозрачным пластиком – может, сумею высунуть наружу руку, однако сбежать не смогу.

Но ничего подобного не происходит. Дверь без помех совершает свой круг, и я вылетаю на холодный, свежий воздух.

Я свободна.

Я вышла из больницы.

Я сбежала.

Глава 30

Ветер холодит лицо. Я стою в полной растерянности. До меня только теперь доходит, что в больницу я попала в бессознательном состоянии и понятия не имею, где нахожусь и как отсюда выбираться.

Идет снег. После жары в палате на улице мне особенно зябко. Я оглядываюсь в надежде на чудо, и оно тут же происходит, приняв форму знака «Такси» и стрелки указателя.

Дрожа, я ковыляю вдоль стены здания, сворачиваю за угол и вижу еще одну надпись: «Начало очереди на такси». Очереди нет. Под знаком стоит единственная машина. За рулем вроде кто-то есть, хотя точно не разглядишь, окна запотели.

Я неловко подхожу ближе – треклятые сланцы успели натереть мне подошву – и стучу в окно.

Оно чуть приоткрывается, и я вижу улыбающееся коричневое лицо.

– Куда тебе, милая? – спрашивает водитель.

Он сикх, на голове у него намотан черный тюрбан, по центру которого приколот значок с логотипом компании. Смесь индийского акцента с характерным северным говором чуть не заставляет меня рассмеяться.

– Мне...

А куда мне, собственно? В Лондон?

Нет.

– Мне в Стекланный дом. Это коттедж недалеко от Стейнбриджа. Знаете Стейнбридж?

Он кивает и откладывает газету.

– Ага, знаю. Запрыгивай, милая.

Несмотря на пронизывающий холод, я медлю в нерешительности.

– А сколько это будет стоить? У меня только двадцать фунтов.

– Вообще, обычно двадцать пять... – Он смотрит на мои синяки. – Но тебе скидку сделаю.

Слава богу. Я растягиваю губы в улыбке, опасаясь, как бы замерзшее лицо от этого не треснуло.

– С-с-спасибо.

Это не заикание, это у меня зуб на зуб не по-падает.

– Садись, милая, а то в ледышку превратишься.

Он открывает заднюю зверь. Я сажусь.

Тепло окутывает меня, словно кокон. Пахнет старым пластиком, хвойным освежителем воздуха и табаком – обычный запах всех такси на свете. Мне хочется свернуться калачиком, заснуть и никогда не просыпаться.

Я путаюсь в ремне безопасности. Пальцы дрожат. Я осознаю, насколько я устала и как ослабела за эти дни. Водитель оглядывается, проверяя, пристегнута я или нет.

– Извините. Извините, я сейчас.

– Ничего, милая. Не спеши.

Наконец ремень застегивается с приятным щелч-ком. Я откидываюсь на спинку и перевожу дух. Все мышцы болят от усталости.

Сикх заводит мотор. Я закрываю глаза. Меня здесь нет.

– Эй, милая. Просыпайся.

Я моргаю, пытаюсь сообразить, где нахожусь.

Машина стоит неподвижно.

– Приехали, – сообщает водитель. – К самому дому я не могу подвезти, там дорога перекрыта.

Я протираю окно и смотрю. Действительно, въезд на ведущую к дому грунтовку загораживают два алюминиевых барьера, связанных полицейской лентой.

– Ничего, – говорю я и протягиваю ему смятые бумажки. – Двадцать, правильно?

Деньги он берет, но смотрит на меня в сомне-ниях.

– С тобой все будет нормально, милая? Похоже, что там и дом закрыт.

– Ничего, я разберусь.

А разберусь ли? Придется. Должен быть способ залезть внутрь. То есть, конечно, дом закрыли, но вряд ли сделали из него Форт-Нокс. Все-таки стеречь его тут особо не от кого.

Водитель нервничает. Он стоит и ждет с открытым окном, глядя, как я огибаю полицейский барьер. Только этого мне не хватало – чтобы кто-то наблюдал, как я в сланцах плетусь по снегу в лес. Я опираюсь на барьер, чтобы меня не шатало, и машу рукой, чтобы он ехал.

– Может, тебя подождать? – кричит он мне. – Могу подбросить до Стейнбриджа. Денег не возьму, мне все равно туда надо.

– Нет, спасибо! – кричу я и стискиваю зубы, чтобы не стучали. – Большое вам спасибо. Всего хорошего.

Он неохотно закрывает окно и уезжает. Красные габаритные огоньки подсвечивают падающий снег и растворяются в синих сумерках.

Господи, как же далеко идти от шоссе... Я и забыла, как далеко. Когда возвращалась этой дорогой с пробежки, было тяжело: ноги к тому моменту устали и я подмерзла. Но тогда мелкие неприятности не шли ни в какое сравнение с тем, что я испытываю сейчас. Что случилось с моими мышцами за эти несколько дней?! Я не прошла и половины пути, а ноги уже трясутся. Хотя сланцы натерли ступни до крови, боли я не чувствую – все онемело от холода. Только вижу красные потеки, которые смешиваются со снегом.

Зато грязь замерзла и не липнет тяжелыми комьями, как в тот раз.

В какой-то момент я попадаю в канаву, под ногой трескается лед, и я по щиколотку проваливаюсь в воду. У льда такие острые края! Я скулю, выдергивая ногу. Звук похож на жалкое пищание мыши, которую схватила сова.

Мне холодно. Мне очень, очень холодно.

Надо двигаться вперед. Я на полпути. Возвращаться бессмысленно. Даже если я поймаю на шоссе машину, куда мне ехать? В больницу, в распростертые наручники Ламарр? Нет, раз уж сбежала, остается идти до конца.

Обхватив себя руками, я усилием воли заставляю ноги передвигаться, благодаря бога и Нину за синий кардиган, который не дает мне замерзнуть насмерть. Ветер завывает в кронах деревьев, с сосновых лап осыпается снег.

Еще шаг.

И еще один.

Я не знаю, далеко ли идти. В доме никого, значит, свет не будет служить мне маяком. Я не знаю, сколько я уже иду. Только понимаю, что идти надо, иначе я умру.

Еще шаг.

В голове сменяют друг друга картины.

Фло с искаженным от страха лицом поднимает ружье.

Перепуганная Нина окровавленными руками пытается остановить кровотечение.

Джеймс в луже собственной крови.

Теперь я понимаю, почему он так смотрел на меня, что пытался спросить.

Он хотел знать, как я могла. Зачем я заманила его на смерть.

Он приехал из-за меня. Потому что я попросила.

Так просила я или нет?

Я понятия не имела, что Клэр выходит замуж именно за него, пока не села к ней в машину. То есть, когда было отправлено первое сообщение, *я не знала*. Так зачем мне его звать?

Наверняка это Фло. Она единственная управляла всем процессом: рассылала приглашения, устраивала вечеринку на своей территории...

И она была в доме, когда уходили сообщения.

Она знала, что я на пробежке.

Я снова вспоминаю странное, восторженное обожание, которое она питала к Клэр. Возможно ли, что она ревновала к Джеймсу? Чувствовала, что он крадет у нее подругу? А тут еще я подвернулась, обиженная бывшая пассия, бывшая лучшая подруга Клэр – идеальная кандидатура, чтобы повесить на меня убийство.

А потом, наверное, она поняла... Осознала, что уничтожила не только соперника, но и подругу.

Разрушила жизнь своей обожаемой Клэр.

И решила покончить с собой.

Господи, как я замерзла. И как устала... Вон поваленное дерево, может, присесть на него? Хоть немного унять дрожь в коленях?

Я ковыляю к нему, тяжело оседаю, привалившись к замшелому стволу. Сворачиваюсь клубком, обнимая колени и дыша на них, чтобы хоть как-то охранить тепло.

Закрываю глаза.

Поспать бы...

Нет.

Жесткий голос звучит у меня в голове.

Нельзя.

Я хочу спать.

Нельзя.

Я понимаю, что умру, если засну. Но мне уже все равно. До того я устала.

Не спать!

Что-то внутри не позволяет мне сдаться.

Это не воля к жизни, на жизнь мне как-то плевать. Джеймса нет. Вокруг сплошные несчастья. Меня тянет вперед желание докопаться до правды.

Я не умру, потому что должна выяснить. Кто-то должен выяснить!

Я встаю. Колени трясутся так сильно, что ноги еле держат, но я опираюсь на поваленное дерево и ловлю равновесие.

Делаю шаг.

Потом другой.

Я дойду.

Я дойду.

Глава 31

Не знаю, сколько времени прошло; уже стемнело, и часы слились в одну полосу припорошенной снегом замерзшей грязи. Я устала – так устала, что не могу думать. От ветра слезятся глаза, лицо онемело... И вдруг он вырастает передо мной. Стекланный дом.

Он больше не похож на золотой маяк, каким я увидела его в первый вечер. Он тихий и темный, почти невидимый. В окне второго этажа отражается полумесяц. Это окно комнаты, в которой спал Том. Вокруг месяца видно гало – значит, скоро станет еще холоднее.

Дверь крест-накрест залеплена полицейской лентой, разбитое окно наверху лестницы закрыто металлической решеткой. Такие ставят на заброшенные дома в опасных районах.

Я с трудом прохожу последние метры по гравийной дорожке и, трясаясь от холода, замираю перед стеклянной стеной. Вот я и дошла, только теперь не знаю, готова ли я войти внутрь, снова оказаться в месте, где погиб Джеймс. Однако вариантов нет, я должна это сделать. Не только ради Джеймса, не только ради правды, а просто чтобы не замерзнуть тут насмерть.

Входная дверь заперта, и в окно не влезешь – потому что окон в привычном понимании нет. Я подбираю камень и примериваюсь к стеклянной стене гостиной. Я вижу внутри все: остывшую печку, журнальный столик, плоский черный экран телевизора. Я представляю, как это огромное стекло сейчас посыплется. Но камень не бросаю. Во-первых, мне все-таки нельзя шуметь, а во-вторых, все равно из этой затеи ничего не выйдет – рама двойная, а то и тройная. Чтобы разбить окно на лестнице, потребовался выстрел из ружья. Мой жалкий камень, скорее всего, просто отскочит.

Я выпускаю камень из рук и медленно ковыляю вокруг дома. Ноги ничего не чувствуют, я несколько раз спотыкаюсь, и между пальцами выступает кровь. Я стараюсь не думать, как буду отсюда возвращаться. Пешком уже не дойду. Хотя, скорее всего, меня заберет полицейская машина. Или чего похуже.

Сзади дом смотрится так же неприступно. Я дергаю стеклянную дверь гостиной, надеясь, что ее неплотно закрыли и сейчас она откатится в сторону. Конечно, она заперта, я лишь зря ломаю ногти. Задираю голову и смотрю вверх. Может, попробовать влезть на балкон, где Нина курила?

С минуту я всерьез обдумываю этот вариант, примериваясь к водосточной трубе. Потом рассудок берет верх. По этой стене я не влезла бы даже в скальных туфлях и альпинистской обвязке, не то что в сланцах и с оочеченными руками. В школе я хуже всех лазала по канату, валилась кулем на маты, пока остальные девочки одна за другой взбирались до потолка и хлопали по нему ладонью.

Тут никаких матов не подстелено. И водосточная труба холодная и скользкая, лезть по ней еще сложнее, чем по канату. В лучшем случае я себе что-нибудь сломаю.

Короче, нет. Вариант с балконом отпадает.

В мрачных мыслях и без особой надежды я дергаю ручку кухонной двери.

И она вдруг поддается!

У меня бегут мурашки по затылку – от потрясения, недоверия, восторга. Неужели полиция забыла ее закрыть? Невозможно. Невозможно, чтобы все было так легко!

Проем перетянут полицейской лентой; я подныриваю под нее и с опаской влезая внутрь. Осторожно выпрямляюсь, почти ожидая, что сейчас взвоят сигнализация или появится полицейский. Однако в доме темно и тихо, лишь снежинки влетают за мной с улицы.

Я хочу захлопнуть дверь, но почему-то не получается, она все время отходит. Я смотрю внимательнее и обнаруживаю, что язычок замка заклеен клейкой лентой. Она и мешает двери захлопнуться как следует.

Я вдруг понимаю, как дверь открылась тогда ночью. Замок на ней такой, что просто обездвигивает ручку, не давая повернуть ее и убрать язычок. Но если язычок зафиксирован в убранном состоянии, от замка вообще никакого толку. Ручка вроде неподвижна, а на самом деле дверь ничего не держит.

Я машинально протягиваю руку, чтобы сорвать ленту, и замираю. Нет, нельзя! Это доказательство. Это железное доказательство того, что смерть Джеймса не случайна и заклеил замок тот, кто ее подстроил. Очень аккуратно я прикрываю дверь и подпираю изнутри стулом.

А потом наконец оглядываюсь по сторонам.

Кухня выглядит такой, какой мы ее оставили. Сначала меня это удивляет. Не знаю, что я ожидала увидеть – слой тонкой серебристой пыли на всех поверхностях, оставшийся после снятия отпечатков? Впрочем, я сразу понимаю: собирать отпечатки пальцев по всему дому бессмысленно, мы и не думали отрицать, что здесь находились.

Больше всего мне сейчас хочется подняться на второй этаж, заползти в постель и уснуть. Но спать нельзя. У меня мало времени – наверняка мое отсутствие успели обнаружить. Они сразу поймут, что пешком далеко я удрать не могла – без денег, верхней одежды и фактически босая. Таксиста быстро вычислят.

И тогда...

Мои шаги в тишине звучат очень громко. Я прохожу через кухню, делаю глубокий вдох и распахиваю дверь в коридор.

Лужу крови и битое стекло убрали – по большей части. Иногда под пластиковыми подошвами сланцев все же что-то хрустит. Пол и стены расчерчены полицейскими пометками, кое-где прилеплены бумажки. В темноте ничего не прочесть, а включить свет я не осмеливаюсь.

Это поразительно – Джеймса больше нет, а кровь его сердца по-прежнему здесь. Я опускаюсь коленями на деревянный паркет, в который впиталась кровь и впечатались осколки стекла. Касаюсь пальцами темного пятна и думаю: «Это Джеймс». Это было у него внутри, это поддерживало в нем жизнь, это заставляло сердце биться, окрашивало щеки румянцем. А теперь это мертвое пятно, которое не служит больше ничему. Его тело где-то в морге, разрезанное патологоанатомом. Скоро оно отправится в землю или в огонь крематория.

Сделав над собой усилие, я поднимаюсь, бреду в гостиную, стягиваю покрывало с дивана. На столе так и остались грязные бокалы из-под вина, валяется Нинина бумага для самокруток. Доску для вызова духов забрали, листок с каракулями тоже.

Я вздрагиваю, вспоминая, как ручка петляла по бумаге, выписывая слово «убийца». Кто-то сделал это намеренно? Или слово действительно поднялось из глубин нашего подсознания, как морское чудо-вище?

Покрывало пахнет сигаретным дымом; я набрасываю его на плечи и укутываюсь. Взгляд падает на штырьки над камином, где висело ружье. Я отвожу глаза. Мне страшно думать о том, что я собираюсь сделать. Но это необходимо.

Это единственный шанс узнать правду.

Я начинаю с вершины лестницы. Встаю там, где мы тогда сгрудились в тесный кружок. Фло была справа от меня, с другой стороны от нее – Клэр и Нина. Том стоял сзади. Я положила руку на ружье.

Заставляю себя медленно дышать через нос, чтобы не потерять сознание. Все уже в прошлом, – Джеймс не поднимется сейчас по этим ступеням – мы убили его, все вместе, в пьяном испуге. Мы все держали ружье.

Я принуждаю себя вспоминать дальше. Вот Джеймс скатился вниз, вот мы с Ниной побежали следом. Сейчас я, конечно, не бегу. Осторожно спускаюсь, держась за перила. На лестнице могли остаться стекла, да и просто легко поскользнуться в сланцах в темноте.

Здесь Нина пыталась оказать ему первую помощь.

Здесь я стояла на коленях в его крови, и он силился что-то сказать.

Я утираю слезы. Нет времени. Совсем скоро за мной явятся.

Что было дальше?

Дверь гостиной снята с петель. На ней мы тащили Джеймса в машину Клэр.

Полиция не навесила на входную дверь замок, так что я легко ее отпираю. И она тут же распаивается от ветра, чуть не ударяя меня по лбу всей своей стальной массой. Снег яростно врывается внутрь, как живое существо, будто стремясь выгнать из дома остатки тепла.

Щурясь и кутаясь в покрывало, я выхожу в метель.

Я стою на крыльце, где стояла той ночью, ожидая Нину. Помню, как Том кричал что-то Клэр, а она рванула прочь.

Помню, что заметила на перилах ее забытую куртку. Представляю, будто она и сейчас там висит, протягиваю к ней руку...

Вспоминаю, как что-то достала из нее.

Что-то выкатилось мне на ладонь из кармана.

Что-то маленькое и круглое.

Патрон!

Пропавший холостой патрон!

Воспоминания возвращаются ко мне, словно тают снежные заносы и из-под них проступает знакомый ландшафт.

Конечно, патрон мог случайно остаться в кармане после стрельбища. Но там мы стреляли боевыми, а я уже вполне могла отличить холостой от боевого – по весу. Тот, что лежал у меня в руке, был легкий, как пластмассовый.

Холостой.

Тот самый холостой.

Тот, что вынули из ружья над камином.

Значит, это сделала Клэр.

Подменила патрон и умчалась во тьму с умирающим Джеймсом на заднем сиденье.

Зачем? *Зачем?*

Это было непонятно мне тогда и непонятно сейчас, однако тогда у меня еще и не было времени на раздумья. Я должна была остановить машину.

Теперь же время у меня есть. Я разворачиваюсь и медленно ухожу в дом, плотно заперев за собой дверь. Сажусь на диван в гостиной и думаю, думаю, обхватив голову руками.

До рассвета я отсюда не выберусь. Если только...

Я встаю, снимаю трубку с телефонного аппарата. Нет, линия по-прежнему оборвана. Значит, я застряла тут как минимум до завтра. Не возвращаться же на дорогу в шлепках чрез метель по темноте? Я попросту не дойду.

Я снова падаю на диван, кутаясь в покрывало, тщетно пытаюсь согреть под ним заочевшие ноги. Господи, как я устала... Но спать нельзя. Я должна разобраться.

Клэр подменила патрон.

Выходит, она убийца.

Полный бред. У нее нет мотива. И она единственный человек, который не мог отправить сообщения, – они начались до ее приезда.

Думать!

Я все время возвращаюсь к одному вопросу: зачем?! Зачем Клэр убивать своего жениха накануне свадьбы?

И тут я холодею, но уже не оттого, что в нетоп-ленном доме жуткий дубак. У меня в голове всплывают слова Мэтта: «У них не все было гладко».

Нет-нет, это смешно... Предположим, Клэр важно, как она выглядит в глазах окружающих, предположим, у нее все должно быть идеально... Но ведь ее уже бросали, не то чтобы

такая неприятность происходит в первый раз! При мне от нее ушел Рик; она страшно злилась, сидела и подписывала адрес его электронной почты на все существующие в интернете спам-рассылки. Но не пыталась же она его убить!

С другой стороны, тогда рядом с ней не было Фло.

Чокнутой обожательницы Фло, которая может воскликнуть со слезами в голосе: «*Она моя каменная стена, и я для нее на все готова. Вот на все!*»

На все, значит?

Я помню, как она обещала убить меня, если я испорчу девичник. Тогда я не приняла ее слова всерьез. А наверное, стоило.

И речь-то шла лишь о девичнике. Что бы она сделала с тем, кто хотел бросить ее драгоценную подругу у алтаря?

И на кого повесить убийство, как не на злую бывшую подружку, которая украла у Клэр ее собственность и упорхнула на десять лет?

А дальше все вышло из-под ее контроля.

Я вспоминаю про манеру Фло копировать одежду Клэр и думаю: а вдруг на крыльце была куртка Фло? Может, Клэр в суматохе схватила ее с крючка по ошибке?

Фло сняла ружье со стены.

Фло заверила всех, что оно не заряжено.

Фло устроила этот девичник и настойчиво уговаривала меня приехать.

И у Фло была возможность отправить сообщения с моего телефона.

Я чувствую, что вокруг меня сплетается паутина и чем больше я дергаюсь, тем сильнее увязую.

Джеймс мертв.

Клэр умирает.

Фло умирает.

Нина сидит где-то в гостинице на грани нервного срыва. Их с Томом мучают вопросы, на которые они не могут ответить, подозрения, которые они не могут стряхнуть.

Это кошмар, и я хочу проснуться...

Я ложусь на бок и сворачиваюсь под покрывалом калачиком, прижимая колени к груди. Надо думать, надо что-то решать, но я так устала, что мысли впустую ходят кругами.

У меня есть выбор. Либо я остаюсь здесь, дожидаясь полиции, пытаюсь им все объяснить в надежде, что мне поверят. Либо я уйду отсюда, как только рассветет, в надежде, что меня не поймают.

Только куда мне деваться? В Лондон? К Нине? Куда, а главное – как?

Все равно меня найдут. И будет гораздо лучше, если найдут здесь.

Помимо моей воли глаза закрываются, окоченевшие мышцы понемногу перестают дрожать и болезненно сокращаться. Я засыпаю. Все равно сейчас я ничего не решу. Завтра будем разбираться.

Я обо всем подумаю завтра.

Мне снится Джеймс у подножия лестницы. Я стою над ним на коленях, и сверху на меня льется золотой свет, а вокруг собирается лужа крови.

Кровь у меня в ноздрах, на руках, под ногтями.

Он смотрит на меня блестящими темными глазами и хрипло шепчет: «Сообщение... Лео...».

Я протягиваю руку к его щеке, и все исчезает.

Нет ни Джеймса, ни крови, ни света.

Я лежу в темной гостиной с колотящимся сердцем и пытаюсь сообразить, что меня разбудило. В доме тишина.

Потом я замечаю две вещи.

Во-первых, сквозь стеклянную стену снаружи я вижу большое темное пятно, которого раньше не было. И я практически уверена, что это машина.

Во-вторых, из кухни доносится негромкий звук. Как будто кто-то двигает стул по кафельному полу.

Стул, которым я подперла дверь.

Глава 32

В доме кто-то есть.

Я резко вскакиваю, роняя покрывало. Сердце колотится так сильно, что к горлу подкапывает дурнота.

Сперва мне хочется закричать «Стой-кто-идет!» или что-то в этом духе. Но я успеваю сообразить, что это глупо.

Кто бы это ни был, он явился не с добрыми намерениями. Иначе не крался бы под покровом ночи через заднюю дверь. Нет, тут два варианта: либо какому-то мимо проходящему грабителю посчастливилось набрести на открытую дверь, либо за мной пришел убийца.

И как бы я сейчас обрадовалась грабителю!

Медленно-медленно я поднимаюсь на ноги и плотнее оборачиваюсь в покрывало, словно мягкая красная шерсть может послужить мне броней.

Одно радует – незванный гость так же, как и я, побоится включить свет. Надо попробовать скрыться в темноте.

Только вот куда тут скроешься?!

Стеклянная дверь заперта, я дергала ее снаружи. У Фло был ключ, и я понятия не имею, куда она его убрала.

Я слышу чьи-то осторожные шаги по кафельному полу.

Во мне борются два очень сильных противоречивых желания. Первое – бежать. Вылететь в коридор, наверх, на второй этаж, и запереться там в ванной. Второе – драться.

Вообще-то в любой непонятной ситуации я бегу. Однако рано или поздно наступает момент, когда бежать уже не можешь.

Я стою, сжав кулаки, кровь стучит в ушах, дыхание хрипло вырывается из горла.

Бежать или драться? Бежать или драться? Бежать или...

Шаги останавливаются под дверью кухни.

Убийца стоит с той стороны. Стоит и прислушивается. Я замираю, не дыша.

А потом дверь распаивается.

Я вижу фигуру в проеме. В полумраке я не могу разобрать, кто это. Человек в куртке, лица не видно – это может быть кто угодно. Но потом фигура двигается, и я различаю проблеск светлых волос.

– Привет, Фло, – с трудом выговариваю я.

И тут она начинает смеяться.

Она смеется и смеется неизвестно чему.

А потом, хрустя стеклом под ногами, выходит на полосу лунного света, и я понимаю, что ее так развеселило.

Это не Фло.

Это Клэр.

Она держится за стенку – очевидно, что сил у нее не больше, чем у меня. Может, в больнице она и притворилась лежащей без сознания, но к монитору ее подключили не случайно. Она еле стоит и сутулится, как старуха. Как будто избита до полусмерти и только начала подниматься на ноги.

– Зачем ты вернулась? – спрашивает она. – Что же ты никак не успокоишься?

– Клэр... – выдыхаю я.

Бред какой-то. Это просто бред.

Клэр медленно плетется к дивану и со стоном на него оседает. В тусклом лунном свете она выглядит ужасно. Хуже меня. У нее изрезано лицо, на одной стороне лба набухший черный кровоподтек.

– Клэр, зачем?

Это не укладывается у меня в голове.

Она молчит. Тянется к столу, где лежат забытый Ниной кисет и бумага для самокруток, хватая их и с удовлетворенным вздохом откидывается на подушки. Начинает вертеть папироску – руки у нее в перчатках и дрожат, так что она дважды просыпает табак, прежде чем ей удастся закончить это дело.

– Несколько лет не курила, – сообщает она, щелкая зажигалкой и с наслаждением затягиваясь. – Господи, как хорошо-то...

– Зачем? – повторяю я. – Зачем ты сюда приехала?

Мой мозг просто отказывается это понимать. Клэр здесь, значит, она убийца. Но почему? И как? Она не могла отправить первое сообщение – единственная из всех присутствовавших.

Мне бы надо бежать. Надо бы забиться в угол с кухонным ножом. Но я никак не могу в полной мере осознать, что происходит. Это же Клэр. Моя подруга. Она сует папироску мне, я машинально беру и затягиваюсь. Потом хочу отдать назад, но Клэр отмахивается.

– Оставь себе, я еще сверну. Господи, как же холодно! Чаю хочешь?

– Спасибо, – отвечаю я как в полусне.

Клэр убийца, но убийцей она быть не может. Я не представляю, что теперь делать, и потому не нахожу ничего лучше, чем на автопилоте следовать обычным правилам вежливости.

Она с трудом поднимается на ноги и, пошатываясь, идет на кухню. Через минуту там начинается шуметь чайник.

Что мне делать?

Самокрутка прогорела, и я осторожно кладу бычок на стол.

Я закрываю глаза, потирая ладонями лицо, и как наяву вижу Джеймса на полу и кровь, яркую, как краска. Ее запах до сих пор у меня в ноздрях, а в ушах по-прежнему отдается его хриплый голос.

Шарканье ног в коридоре. Клэр возвращается с двумя дымящимися кружками. Ставит их на стол, осторожно опускается на диван, достает из кармана упаковку с каким-то лекарством, высыпает содержимое двух капсул в свою кружку.

– Обезболивающее? – спрашиваю я, потому что не знаю, что еще спросить.

Она кивает.

– Ну да. Вообще их положено просто глотать, но я не могу. – Она отхлебывает и морщится. – Мерзость какая. То ли это таблетки, то ли молоко успело испортиться.

Я тоже отпиваю из кружки. Действительно, мерзость. Чай в принципе мерзкая штука, а этот на вкус еще гаже, чем обычно: кисло-горький, несмотря на добавленный сахар. Зато, по крайней мере, горячий.

Какое-то время мы сидим молча, прихлебывая чай. Наконец я не выдерживаю:

– Что ты здесь делаешь, Клэр? Как ты сюда попала?

– Приехала на машине Фло. Она ее моим родителям одалживала, они оставили ключи у меня в тумбочке, чтобы она потом пришла и забрала. Только... она не пришла.

Ну да. Еще бы.

Клэр поднимает на меня глаза поверх чашки. Зрачки у нее расширенные, глаза блестят. Она такая красивая – даже сейчас, когда кутается в старую куртку, без макияжа, с порезами и синяками на лице.

– Я могу задать тебе тот же вопрос, – продолжает она. – Ты-то что здесь делаешь?

– Я вернулась, чтобы вспомнить.

– И как, получилось? – интересуется Клэр будничным тоном, как будто мы тут с ней сидим и сериалы обсуждаем.

– Получилось. – Я смотрю ей прямо в глаза, сжимая в онемевших ладонях кружку. – Я вспомнила про патрон.

– Какой патрон? – спрашивает она по-прежнему безмятежно, хотя во взгляде что-то меняется.

– Про холостой патрон в кармане твоей куртки.

Она качает головой – якобы с непониманием, и я начинаю злиться. Очень сильно злиться.

– Ты душой-то не прикидывайся! Я знаю, что это была твоя куртка! Твоя! Иначе зачем бы ты сюда вернулась?!

– Может... – Она смотрит себе в кружку и снова на меня. – Может, чтобы защитить тебя от себя самой?

– В каком смысле?!

– Ты так и не вспомнила, что случилось, так ведь?

– Тебе-то откуда знать?

– Медсестры болтают. Прямо над головой. Особенно если думают, что я сплю.

– Ну и что с того?

– Значит, ты не вспомнила, что произошло в лесу? В машине?

– Ты о чем вообще?

– Ты схватила руль, – тихо говорит она. – Заявила, что жить не можешь без Джеймса, что десять лет по нему страдаешь, что все эти годы он тебе снится. Что ты так и не простила его за то сообщение. Ты дернула руль, и мы улетели с до-роги.

На секунду меня волной накрывает шок. Лицо горит, как будто она отвесила мне пощечину. Потом это чувство уходит, и я хватаю ртом воздух.

Это правда. Перед глазами тут же вспыхивает чудовищная картинка: мои руки на руле, Клэр яростно борется со мной, я вцепляюсь в нее ногтями...

– Ну как, вспоминаешь? Я видела, как ты взялась за ствол ружья. Это ты направила его на Джеймса, и ты толкнула Фло под руку.

Сперва я теряю дар речи. Вцепляюсь в кружку, как в орудие самозащиты. Потом начинаю мотать головой.

– Нет. Нет, нет, нет! Зачем тогда ты сюда явилась? Почему не побежала сдавать меня полиции?

– Откуда ты знаешь, что я уже тебя не сдала? – тихо спрашивает она.

Господи... У меня все слабеет от ужаса. Стуча зубами по кружке, я отхлебываю чай и пытаюсь думать, пытаюсь собрать вместе все ниточки.

Это неправда. Клэр вводит меня в заблуждение. Кто в здравом уме станет гонять чай с убийцей своего жениха?

– Патрон, – упрямо повторяю я. – Холостой патрон был у тебя в куртке.

– Я не знаю, о чем ты, – говорит она, но я слышу, что голос у нее дрогнул. – Ли, пожалуйста, одумайся. Я тебя люблю. И я за тебя боюсь. Что бы ты ни сделала...

Я ничего не соображаю. У меня болит голова. Во рту мерзкий привкус. Я отхлебываю чаю, пытаюсь смыть этот вкус, но он лишь усиливается.

Я закрываю глаза, и под закрытыми веками возникает Джеймс, умирающий на моих руках. Эта картина будет стоять передо мной до конца жизни? «Сообщение... Лео...» – хрипит он, и его легкие заполняются кровью.

И вдруг до меня доходит!

Я понимаю, что Джеймс пытался мне сказать!

Я опускаю кружку.

Я знаю, что произошло. И почему Джеймс был обречен на смерть.

Глава 33

Господи, какая же я дура! Десять лет! Десять лет это сообщение не покидало моих мыслей, и я ничего не заметила! Я сижу, застыв, и прокручиваю в голове все упущенные возможности – как сложилась бы наша жизнь, заметь я раньше то, что все это время было прямо у меня перед носом.

– Ли? – Клэр смотрит на меня с неподдельной заботой. – Все нормально? Ты неважно выглядишь...

– Нора, – отвечаю я хрипло. – Меня зовут Нора.

Десять лет это гребаное сообщение пылало в моем сердце, и я ни о чем не догадалась!

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Ли, – говорю я ей.

Она отпивает чай и смотрит на меня поверх кружки, недоуменно хмурясь.

– Ли, – повторяю я, – прости, но это твоя проблема, не моя. Разбирайся сама. И больше не звони мне.

– Что?

– Ли!

– Ты чего несешь-то?

– *Ли!* Он никогда меня так не называл. Джеймс никогда не называл меня Ли.

Она смотрит на меня с полнейшим непониманием, и я снова думаю: какая великолепная актриса! Джеймс ей в подметки не годился.

А потом она отставляет чай со скорбной гри-массой.

– Господи, Ли, это было так давно.

Конечно, не признание, но этого достаточно. Я знаю Клэр. То, что она перестала отрицать, уже о многом говорит.

– Десять лет. Феноменальное тугодумие! – бросаю я со злостью.

Я зла на себя. Не только потому, что своей ошибкой загубила себе жизнь, но и потому, что Джеймс был бы сейчас цел и невредим – если бы я сообразила раньше.

– Клэр, зачем ты это сделала?!

Она протягивает ко мне руку, и я отшатываюсь.

– Слушай, я не говорю, что поступила правильно. Мы были совсем юными, я сглупила. Но ради вас же старалась! Я в тот день зашла к нему, на нем лица не было. Просто в штаны со страху наложил. И ты не была готова стать матерью. При этом вам обоим не хватало пороку принять решение. А вышло именно так, как вы хотели.

– Нет! – выкрикиваю я.

– Можешь отрицать сколько угодно, – тихо говорит Клэр. – Факт в том, что ты от него ушла, а он не стал тебя удерживать. Всего-то и надо было – один раз набрать номер, написать одно-единственное сообщение, и мой маленький обман вскрылся бы. Однако вам даже на это духу не хватило. Он хотел тебя бросить, просто дрейфил... ну так я сделала это за него. Для вас обоих.

– Да плевать тебе было на нас и наши чувства. – Голос у меня надламывается. – Ты просто хотела заполнить Джеймса, а я тебе мешала.

Я очень хорошо помнила ее слова на репетиции спектакля. Солнце лилось в высокие школьные окна, и Клэр заявила коротко и ясно: «Джеймс Купер будет мой. Я решила».

А он стал мой.

– Он узнал, да? – Я скорее утверждаю, чем спрашиваю, глядя в ее бледное лицо, на светлые волосы, посеребренные лунным светом. – Как он узнал?

Она вздыхает. И произносит то, что похоже на правду:

– Сама сболтнула.

– Что?!

– Мы с ним говорили о честности в браке. Он сказал, что хочет снять груз с души. Попросить прощения. Я ему сразу сказала, что все ему прощаю, в чем бы он там ни признался, потому что я его люблю. В общем, его «грузом» было то, что листок с моим телефоном он украл из кармана у приятеля, которому я продиктовала номер на вечеринке. Приятелю наплел, что у меня есть парень, мне наплел, что приятель дал номер по доброй воле... в общем, слово за слово, мы начали встречаться. И это глодадо его все эти годы. Мол, отношения начались со лжи, он украл меня у друга. Правда, друг был редкий бабник, и Джеймс волновался, как бы мне не разбили сердце. Так мило... Он ожидал, что я разозлюсь, а я только и думала о том, что ради меня он поступился своими принципами. Ты же знаешь, какой он... был.

Я киваю – и тут же начинает кружиться голова. Да, знаю. Он был анархист с жестким этическим кодексом.

– Так странно, – продолжает Клэр, словно забыв про меня и говоря сама с собой. – Он думал, что после этого признания я его разлюблю, а я только сильнее его полюбила. Он ведь это сделал ради *меня*. Из любви ко *мне*. А я поступила так же. Я солгала из любви к нему. И я подумала, раз я его простила, то и он...

Теперь я понимаю. Понимаю ее извращенную логику. Сыграло роль и ее вечное стремление «догнать и перегнать»: «Ты пошел ради меня на подлость, а я сделала кое-что похуже – значит, я люблю тебя сильнее».

Но тут она фатально недооценила Джеймса.

Я попыталась представить его лицо, когда он узнал. Интересно, какие аргументы она привела в свое оправдание? Те же, что и мне сейчас? Вряд ли. Да, он не был готов стать отцом, однако этим она бы не отвлекла его от главного: от жестокости обмана.

– Что ты ему сказала?

Голова у меня идет кругом от усталости, мышцы стали ватные и плохо слушаются.

– В смысле?

– Чем оправдывалась? Явно не этой пургой про неготовность стать родителями, иначе он бы мне позвонил. Что сказала-то?

– А... – Она потирает виски, откидывает с лица прядь волос. – Не помню. Что ты говорила мне о своем желании побыть одной. Что он испортил тебе жизнь и ты не хочешь его видеть. Что не стоит звонить тебе – ты позвонишь сама, когда будешь готова.

Разумеется, я ему не позвонила. Я сдала экзамены, уехала и отправила его в полный игнор.

Как мне сейчас хочется настучать Джеймсу по башке! За то, что дал так легко себя обмануть! Неужто не мог поступиться принципами и набрать мой номер?! Что ему мешало?!

Хотя я знаю ответ – то же, что и мне. Гордость. Стыд. Трусость. И что-то еще. Что-то вроде оглушения, когда проще двигаться вперед, не оглядываясь. С нами произошло событие, к которому мы были не готовы. И последствия ударили так больно, что мы старались как можно меньше думать, совершать как можно меньше движений. Просто закрыться и переждать.

– Как он отреагировал? – спрашиваю я. – Ну, потом, когда узнал.

В горле пересохло. Я отхлебываю чай. Остывший, он еще более противный; зато сахар и кофеин дадут мне достаточно энергии, чтобы продержаться до утра, а там приедет полиция.

Клэр вздыхает.

– Потребовал отменить свадьбу. Я валялась в ногах. Обвиняла его в том, что он ведет себя как Энджел в «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» – помнишь, он там рассказал ей о своих грехах, но когда она в ответ призналась, что у нее был ребенок от другого, выгнал ее вон.

Я помню, как на уроке литературы Джеймс яростно обличал Энджела: «Да он лицемер гребаный!» – и был выставлен из класса за сквернословие.

– Он потребовал дать ему время подумать. И заявил, что сможет хотя бы попытаться меня простить, только если я перед тобой покаюсь. Я обещала ему сделать это на девичнике. – Клэр невесело усмехается, как будто только сейчас поняв какую-то шутку. – Надо же, какая ирония. Всегда считала, что девичник – это идиотская традиция, а Джеймс сто лет убеждал меня, что гульнуть с подружками перед свадьбой все-таки надо. И убедил-таки в итоге, правда, неожиданным для нас обоих способом. Если бы не он, я бы все это не придумала. Он сам подкинул мне идею.

Теперь я понимаю. Я все понимаю.

Клэр не могла позволить себе ошибиться. Она всегда должна быть права. Она будет поступать так, как ей нужно, – а вину и последствия пусть возьмет на себя кто-нибудь другой.

Понимал ли Джеймс, с кем имеет дело? Или он любил иллюзию, некую роль, в которой она перед ним являлась? Потому что мне-то было ясно как белый день, что его план никогда бы не сработал. Да скорее ад замерзнет, чем Клэр покается в чем-то подобном. Если бы она выполнила требование Джеймса, она выставила бы себя гадиной не только в моих глазах. Ее осудили бы все. Очевидно же, что я не стала бы хранить это в тайне. Рано или поздно все общие знакомые узнали бы о ее подлом обмане. И это еще не самое унижительное. Унижительней всего, что Клэр Кавендиш смогла заполучить своего жениха лишь обманом.

И наверняка она прекрасно понимала, что все равно не растопила бы сердце Джеймса. Не знаю, много ли он рассказал Мэтту, однако сам факт, что он был готов обсуждать эту проблему с друзьями, говорит о многом. Предательство Клэр сильно его задело. И он не обещал простить. Обещал лишь *попытаться*.

Зная Джеймса, я бы на это не рассчитывала.

Нет. От правды Клэр не было бы никакой выгоды, одни потери.

У нее оставалось два варианта: признаться и потерять доброе имя или отказаться выполнять требование Джеймса и потерять жениха. И во втором случае правда все равно бы вышла наружу. Так или иначе, под угрозой был ее *имидж* – хорошей подруги, любящей невесты, добропорядочного человека. Имидж, который она выстраивала много лет.

Я знаю на собственном опыте, как тяжело уходить от прежней жизни и начинать все заново. А уж если это такая идеальная, глянцевая, успешная жизнь, как у Клэр... На одной чаше весов лежало все, чего она в жизни достигла, на другой – ложь.

Ей предстояло либо смириться и позволить себя уничтожить – либо убить Джеймса и выйти из этой ситуации прекрасной и сильной молодой вдовой, восхищающей всех стоическим восприятием постигшей ее трагедии.

Джеймсу пришлось умереть – его казнь была прискорбной необходимостью.

Моя же... моя была наказанием. Смерти Джеймса было для Клэр недостаточно. Полагалось свалить на кого-то вину. Не может же на руках Клэр Кавендиш быть кровь, даже если речь о несчастном случае! Поэтому виноватой она назначила меня – пусть это послужит мне карой.

За то, что увела у нее парня. За то, что встала между ней и тем, кто по праву был ее собственностью. За то, что воспользовалась ее болезнью и украла Джеймса прямо у нее из-под носа. А теперь еще и повторила этот фокус, вдруг возникнув из прошлого, как мертвец из могилы, чтобы в последний раз встать между ней и Джеймсом.

Я очень хорошо понимаю, что из этого дома я не выйду.

Клэр просто не может позволить себе меня отпустить.

Сердце колотится очень сильно. Так сильно, что мне дурно и кружится голова. Я поднимаюсь на непослушные ноги, все еще держа кружку, и вдруг роняю ее. Затянутой в перчатку рукой Клэр пытается поймать ее, но кружка падает на стол, залив его остатками чая.

И я вдруг замечаю в них что-то белое. Какой-то осадок. Это не сахар, сахар растворился. Что-то другое. То, что придавало чаю такой омерзительный вкус.

Вот почему у меня кружится голова. Вот почему Клэр так просто взяла и все мне выложила. И вот почему она сидит в перчатках!
Клэр смотрит на лужу, потом на меня.
– Упс, – произносит она.
И улыбается.

Глава 34

Пару секунд я стою без движения, тупо глядя на лужу чая на столе, прислушиваясь к ватным мышцам, к туману в голове, помешавшему мне заметить эффект раньше. Чем она меня опоила? Обезболивающим? Снотворным?

Я прилагаю все усилия, чтобы удержать равно-весие.

А потом иду к двери.

Медленно, еле переставляя ноги, как в кошмаре.

Клэр хочет броситься на меня, однако ее конечности тоже плохо слушаются. Она цепляется носком за ковер и падает, сильно ударяясь бедром об острый край стола. Крик боли эхом отдается в коридоре, отчего у меня в голове звенит еще сильнее.

Я ковыряюсь с замком на входной двери. Пару часов назад я так легко его открыла! Теперь же пальцы соскальзывают, защелка никак не хочет поддаваться... Наконец я ее проворачиваю и вываливаюсь наружу на холодный свежий воздух, разорвав полицейскую ленту.

Ноги резиновые, в голове дурман, но задача передо мной стоит понятная. Мне надо бежать. А это я умею.

Я делаю шаг, другой, и еще, и еще, а потом меня поглощает лес.

Темно так, что словами не описать, однако останавливаться нельзя.

Воздух холодом обжигает лицо, передо мной вырастают стволы деревьев, черные на черном. Я кое-как огибаю их, выставив перед собой руки, чтобы защитить лицо. Колючки цепляют за ноги, но мне плевать, я все равно ничего не чувствую, разве что они мешают мне продвигаться вперед.

Я снова в своем кошмарном сне. Только на этот раз спасти надо не Джеймса, а себя.

Сзади я слышу, как хлопает дверь машины, как заводится мотор. Между деревьев начинают плясать огни фар. Машина выезжает по ухабистой дороге.

Вот только дорога петляет, огибая холмы и овражки, а я двигаюсь через лес напрямик. Если поднажму, успею добраться до шоссе раньше. А что потом?

Потом разберусь. Дыхание с всхлипами вырывается сквозь сжатые зубы, я заставляю трясущиеся ноги двигаться быстрее.

Я хочу жить.

Я набираю скорость. Я забралась на холмик и теперь бегу под уклон, и все силы уходят не на то, чтобы разогнаться, а на то, чтобы удержать равновесие. Я перепрыгиваю через поваленное дерево, через барсучью нору – черную дыру в белом снегу – и со всего размаху врезаюсь в ствол.

Падаю в снег на руки и колени. Моя голова... Из носа течет кровь, на снегу алые капли. Нинина кофта уже вся залита. Я встряхиваю головой, пытаюсь избавиться от «мушек» перед глазами, и капли летят во все стороны.

Останавливаться нельзя. Надо выбраться на шоссе, прежде чем Клэр меня отрежет. Хватаюсь за ствол, я кое-как встаю и снова бегу.

В голове одна за другой, словно молнии, вспыхивают картины.

Клэр в резиновых сапогах потихоньку выскальзывает рано утром из дома с моим телефоном, чтобы отправить Джеймсу сообщения с вершины холма.

Клэр дожидается, пока Нина убежит в дом за одеялом, и нажимает на педаль, уносясь во тьму. Что она собиралась сделать? Остановиться где-нибудь на обочине и подождать, пока Джеймс истечет кровью?

Бледное лицо Клэр, когда я вдруг вылетаю наперерез ее машине. Она останавливается, я влезаю на пассажирское сиденье. Она молча смотрит на нас, непристегнутых, и без лишних

слов начинает разгоняться. Я не сразу понимаю, что она направляет машину в дерево. А когда до меня доходит, я хватаюсь за руль, ногтями сдираю с него ее руки, а потом происходит удар...

Господи, только бы успеть добраться до шоссе. Если она меня отрежет, я пропала.

Как же больно... Одно хорошо – таблетки Клэр чуть притупляют ощущения, и я могу двигаться вперед на одном страхе и адреналине.

Я хочу жить. Я даже не подозревала, что настолько хочу жить.

И вдруг, совершенно неожиданно, я вылетаю на шоссе. Лесная тропинка просто выбрасывает меня на асфальт – так быстро, что я падаю, пытаюсь затормозить и не выскочить прямо кому-нибудь под колеса. Задыхаясь, я на четвереньках стою на обочине, приходя в себя и соображая, что делать дальше.

Где Клэр?

Я слышу рев мотора. Слышу, как машина подпрыгивает на кочках и ямах. Совсем близко, сейчас она появится. А я больше не могу бежать. Я выжала из себя все силы, какие были.

Но надо удирать, или я погибну!

Сил нет. Вообще нет. Я даже стоять едва могу.

«Беги! – кричу я на себя мысленно. – Беги, идиотка! Сдохнуть хочешь?»

Машина Клэр уже на шоссе. Из-за изгиба дороги виден свет ее фар.

И вдруг ночную тишину пререзает чудовищный визг шин, за которым следует оглушительный удар.

От лязга металла, эхом разносящегося над лесной дорогой, у меня звенит в ушах. Я замираю и круглыми от ужаса глазами смотрю в сторону источника звука.

Наступает тишина, лишь воздух с шипением вырывается из автомобильного радиатора.

Бежать я уже не могу, но ковыляю за поворот на трясущихся ногах. Сланцы я давно потеряла, асфальт должен быть холодным как лед, однако я ничего не чувствую.

Я слышу чьи-то всхлипы и треск рации. Вздрагиваю от неожиданности, когда деревья вдруг освещаются призрачным неоновым-синим светом. И тут до меня доносится голос. Подрагивающий женский голос говорит в рацию:

– Немедленно запрашиваю «скорую» и наряд полиции, шоссе «Б» сорок один сорок шесть, на выезде из Стейнбриджа, прием.

Это Ламарр. Она стоит, держась за открытую дверь полицейской машины. По лицу у нее течет кровь, черная в свете мигалки. Рация что-то булькает ей в ответ.

– Поняла вас. – Ламарр вслушивается в бульканье. – Нет, со мной все в порядке. Пострадал водитель другой машины. Нужна «скорая». И пожарные... с резаком. Прием.

Она бережно убирает рацию и подходит к машине Клэр.

– Ламарр... – хрипло зову я, но она не слышит.

Ноги у меня такие тяжелые, что я не могу сделать больше ни шагу. Я стою на обочине, держась за ствол дерева.

– Ламарр! – Я повышаю голос, стараясь перекричать шипение мотора. – Ламарр!

Она поворачивается ко мне. У меня подкашиваются колени, и я оседаю на холодный мокрый асфальт. Мне больше не надо никуда бежать.

– Нора! – слышу я сквозь туман. – Нора, вы ранены? Где болит, отвечайте!

Я не могу. Силы кончились. Я медленно заваливаюсь на дорогу. Крепкие руки подхватывают меня под мышки и бережно укладывают, не дав разбиться.

Все закончилось. Все закончилось.

Глава 35

– Нора.

Мягкий настойчивый голос продирается сквозь мои беспокойные сны, подцепляет меня, как крюком, и выдергивает на поверхность. Голос мне определенно знаком. Кто это? Нина? Нет, он слишком низкий.

– Нора.

Я открываю глаза.

У кровати сидит Ламарр и смотрит на меня внимательно.

– Как самочувствие?

Я с трудом приподнимаюсь на подушках. Замечаю, что под шелковой блузкой у нее виднеется шейный корсет.

– Заходила к вам вчера, но меня не пустили, – сообщает она.

– Вы тоже тут лежите? – хрипло спрашиваю я.

Она протягивает мне стакан воды, и я благодарно пью.

– Нет. – Ламарр качает тяжелыми золотыми серьгами. – К счастью, вчера отпустили домой. А то дети очень не любят без меня засыпать. Самой младшей всего четыре.

Информация о детях звучит как предложение мирного договора. Что-то в наших взаимоотношениях поменялось.

– Так я больше не... – У меня срывается голос. – Все закончилось?

– Да, вы больше не подозреваемая. Обвинение будет предъявлено Клэр.

– А как Фло?

Возможно, мне кажется, но по лицу Ламарр пробегает тень. Вроде бы его выражение осталось таким же спокойным и безмятежным, однако в атмосфере маленькой палаты вдруг повисает тревога. Дурное предчувствие.

– Она... держится.

– Мне можно к ней?

Ламарр качает головой.

– С ней сейчас родные. Больше никого не пускают.

– А вы ее видели?

– Да, вчера.

– Значит, сегодня ей хуже?

– Я этого не говорила.

Но я по глазам вижу, о чем она пытается умолчать. Я помню, что объясняла Нина про передозировку парацетамола. От действий Клэр все еще расходятся круги, и Джеймс может быть не последней жертвой.

И, пожалуй, с Фло она поступила наиболее жестоко. Для агрессии по отношению к Джеймсу и ко мне у нее, по крайней мере, были причины. Фло же была виновата лишь в том, что ее любила.

Я не знаю, когда Фло начала догадываться. Когда сложила два и два и задумалась, так ли невинно было сообщение, которое Клэр попросила ее отправить с моего телефона. «Джеймс, это я, Лео. Лео Шоу». Возможно, Клэр сказала ей, что это розыгрыш.

Возможно, первые подозрения начали возникать, когда Нина выложила полиции о нашем с Джеймсом совместном прошлом. Фло не могла не удивиться тому, что Клэр сама захотела разворошить бывшее накануне свадьбы. А когда Ламарр стала задавать вопросы о телефонах и сообщениях... тут-то уж она должна была прозреть.

Конечно, вряд ли она вычислила всю правду – по крайней мере, сразу. Она хотела поговорить с Клэр, но ее не пустили. Клэр слишком плохо себя чувствовала, да и полиция не хотела,

чтобы свидетели лишней раз болтались из гостиницы в больницу. Нину пустили только потому, что она в них вцепилась бульдожьей хваткой, да и то предварительно сто раз прогнав ее через допрос. А Клэр, видимо, старательно прикидывалась полумертвой, выжидая, как будет действовать со мной Ламарр.

И Фло осталась сидеть в гостинице, варясь в собственных страшных догадках и подозрениях. Не имея возможности спросить у Клэр, что ей можно говорить, она врала на допросах до последнего, выгораживая подругу. Врала, пока не начала путаться в собственной лжи. Ей было жутко думать, что отправленное ею сообщение в итоге привело к смерти Джеймса. Она стала сомневаться в Клэр. Она отчаялась.

– Вы знаете? – Я слатываю ком в горле. – Знаете, что на самом деле произошло? Клэр вам призналась?

– Клэр сейчас не в состоянии отвечать на вопросы, – мрачно произносит Ламарр. – По крайней мере, если верить ее адвокату. Но мы собрали уже достаточно, чтобы предъявить ей обвинение. Ваши показания, результаты вашего анализа на токсины после того, как она вас опоила, а самое главное – показания Фло. Кстати, «скорую» она даже не пыталась вызвать.

– В смысле?

– Когда Джеймс получил огнестрельное ранение. Не было попыток набрать номер экстренной службы, ни одной. Это должно было сразу насторожить нас, но мы смотрели в другую сторону. – Она вздыхает. – Конечно, нам потребуется снова взять у вас показания официально, когда вы наберетесь сил. Потом, не сегодня.

– Сначала я думала, что это Фло. Когда нашла патрон в кармане у Клэр. Решила, что это куртка Фло. Просто в голове не укладывалось, что Клэр может такое сотворить. Все ведь складывалось именно так, как она мечтала: идеальная жизнь, идеальный жених. Зачем ей все это разрушать? А дошло только потом, когда вспомнила, что в том сообщении, десять лет назад, Джеймс вдруг назвал меня Ли. Но Клэр не повторяет ошибок. Джеймсу она писала от имени Лео. Как я только раньше не догадалась...

– Она не в первый раз подставляет неугодных, – вдруг говорит Ламарр; ее мягкий грудной голос словно оборачивает холодные слова в теплое одеяло. – Конечно, не совсем так, однако случай был. Мы не сразу его раскопали. Из ее университета уволили одного профессора. Обвинили в домогательствах – якобы он рассылал студенткам по электронной почте предложения хороших оценок на экзаменах в обмен на услуги сексуального характера. Он все отрицал, но письма девушкам с его ящика действительно приходили. Проверили его компьютер, письма обнаружили в корзине. Клэр тогда, разумеется, никто не заподозрил, она даже не фигурировала в числе пострадавших. Случилось это спустя короткое время после того, как он поймал ее на плагиате и пригрозил дать делу ход. Разумеется, скоро ему стало не до плагиата, и так бы это все и замялось, если бы одна из его коллег случайно не вспомнила...

Я зажмуриваюсь, по моей щеке скатывается слеза. Не знаю, почему я плачу. Не от облегчения, это точно. И не от горя – у меня давно не осталось сил горевать по Джеймсу. Наверное, от злости. От злости на себя за то, что поддалась на шитый белыми нитками обман и так глупо потратила столько лет.

Хотя... что было бы, сообрази я раньше? Не я ли тогда лежала бы в битом стекле с выпущенными кишками?

– Я вас пока оставлю, – тихо произносит Ламарр и встает, скрипнув стулом. – Вернусь завтра с напарником, мы официально возьмем у вас пока-зания.

Я молча киваю, не открывая глаз.

После ее ухода наступает тишина, которую нарушает лишь мелодия из-за стенки – у кого-то включен телевизор, и начинается очередная серия мыльной оперы. Я сижу, слушаю мелодию и собственное дыхание.

А потом вдруг раздается стук в дверь. Я открываю глаза, думая, что вернулась Ламарр, но голова в окошечке мужская. Я вздрагиваю от неожиданности, а потом узнаю Тома.

– Тук-тук, – говорит он, заглядывая в щелку.

– Заходи.

Он проходит, неловко шаркая ногами. Смотрит на меня с опаской, словно не уверен, что ему тут рады. Вид у него бледный и потрепанный – ничего общего с холемым городским пижоном, который предстал перед нами в первый вечер. На нем рубашка в клетку – мятая и с пятном на груди. Впрочем, судя по выражению его лица, я сейчас тоже далеко не «Мисс Вселенная». Ну да, фингалы мои немного поблекли, но все равно производят немалый эффект на неподготовленного наблюдателя.

– Привет, Том, – говорю я, натягивая к подбородку сползшую с плеча больничную сорочку.

Он растягивает губы в неестественной улыбке – как человек, у которого временно отключились способности к светской беседе.

– Слушай, я должен тебе признаться, – начинает он без обиняков, – я думал, это ты. Ну, сама понимаешь, вся эта история в прошлом, потом сообщения с твоего телефона... Короче... Ты извини меня, поторопился с выводами.

– Ничего, – произношу я и киваю на стул. – Садись, не стой. И не переживай – в полиции вон тоже были уверены, что это я.

– Извини, – повторяет Том, неловко опускаясь на пластиковое сиденье. – Я просто... Мне бы и в голову... Короче, знаешь, а ведь Брюсу она никогда не нравилась. Джеймс – да, а она нет. Джеймса он очень любил, пока они не разругались, а с Клэр даже встречаться не хотел, все время пытался слиться с совместных ужинов. Я вчера ему по телефону все рассказал, и знаешь, что он мне ответил? «Ничуть не удивлен. Эта девица всегда играла роль».

Мы помолчали. Я размышляла над словами незнакомого мне человека о моей подруге детства и понимала: он прав. Клэр действительно всегда играла. У нее всегда были привычные роли: хорошей подруги, примерной ученицы, идеальной дочери, прекрасной возлюбленной. Возможно, поэтому мне было так сложно представить ее дружбу с большинством приглашенных на девичник. С каждым из нас она играла роль, просто роли были разные. Интересно, что будет с ней дальше? Осудят ли присяжные такую милую, такую добрую, такую красивую девушку?

– Я вот думаю... – говорю я и умолкаю.

– Что? – спрашивает Том.

– Я все думаю, а что, если бы я отказалась приехать? Ну, на девичник. Я ведь сомневалась до последнего.

– Не знаю. Мы с Ниной вчера как раз это обсуждали. Думаю, твое присутствие было необязательно. Главное – Джеймс, а ты так, вишенка на торте.

– То есть...

– То есть, если бы ты не приехала, она все равно нашла бы способ заманить Джеймса, а козлом отпущения стал бы кто-то из нас.

– Фло, – уверенно говорю я. – Тогда она свалила бы все на Фло.

Том кивает.

– Пожалуй. Ей пришлось бы совсем чуть-чуть приукрасить. «Ах, подружка одержима мной, ревнует меня к жениху, ведет себя неадекватно». Причем мы бы все повелись и ее в этом поддержали.

– Ты заходил к Фло?

– Пытался. Не пустили. К ней никого не пускают, я боюсь, что...

Он умолкает. И так все понятно.

– Я сегодня возвращаюсь в Лондон, – говорит он после паузы. – Но буду рад, если мы останемся на связи.

Том достает бумажник и протягивает мне плотную глянцевую визитку с именем, номером телефона и адресом электронной почты.

– Извини, у меня визитки нет. Если найдется ручка...

Вместо этого он дает мне мобильник, чтобы я сразу вбила номер и адрес. Отправляет на мой ящик пустое письмо.

– Ну все. – Он встает. – Теперь не потеряемся. Пойду я, ехать далеко. Береги себя, Шоу.

– Ладно.

– А ты-то, кстати, как возвращаться будешь?

– Еще не знаю.

– Я знаю, – произносит голос от двери.

В проеме, прислонившись к косяку, стоит Нина. В углу рта у нее незажженная сигарета, как в нуарных детективах.

– Эта дама со мной.

Глава 36

Дома. Короткое слово, но как много в нем счастья. Как только я захожу в свою маленькую квартирку и закрываю за собой дверь, меня охватывает такое облегчение, какое невозможно выразить словами.

Дома! Я дома!

Нас привезла Джесс. Приехала за нами с Ниной из Лондона и забрала.

Они предложили помочь мне втащить чемодан по лестнице, но я вежливо отказалась.

– Я очень хочу поскорее остаться одна, – честно призналась я.

Они поняли, потому что разделяли мое желание – им тоже хотелось поскорее остаться друг с другом. По дороге я замечала их молчаливые выражения нежности, как они мимоходом поглаживают друг друга то по колену, то по плечу.

Я же до этого момента не догадывалась, до какой степени люблю свой дом.

Фло умерла через несколько часов после нашего разговора с Томом – через три дня после попытки самоубийства. Нина как в воду глядела. И действительно, за эти три дня Фло успела многое передумать. Я ее не видела, а Нина к ней заходила и слушала, как Фло то плачет, то начинает строить планы на будущее, когда ее выпишут из больницы. В последние минуты с ней были родители. Не знаю, была ли ее смерть безболезненной. Нина отказывается об этом говорить, так что я подозреваю, что нет.

Со вздохом я опускаю чемодан на пол. Я устала и жутко хочу пить. Все тело затекло после долгого сидения в автомобиле.

Я наливаю воду в кофемашину, открываю стеклянную банку, в которой храню молотый кофе, и вдыхаю аромат. Конечно, зерна смолоты неделю назад и уже староваты, но все равно мой нос чуть ли не поет от наслаждения.

Это аромат моего дома, а бульканье машины – его звук. И вот я наконец устраиваюсь с чашкой на кровати и делаю первый глоток. Зимнее солнце пробивается сквозь плетеную занавеску из ротанга, внизу гудят машины, но этот гул слишком далекий, чтобы раздражать, скорее наоборот, он меня успокаивает, как шум прибоя.

Я думаю о стеклянном доме, одиноко стоящем в лесной тишине. Над ним порхают птицы, мимо него через сад тихо проходят олени и лисы. В стеклянных стенах отражаются темные силуэты деревьев, и лунный свет льется внутрь, на ковер гостиной.

Дом будет выставлен на продажу. Так родители Фло сказали Нине. Слишком много крови, слишком много страшных воспоминаний. И они намерены сжечь «говорящую доску», как только полиция им ее вернет.

Вот это единственное, что так и осталось за пределами моего понимания. Наш спиритический сеанс.

В остальном мозаика сложилась. Но кто написал это жуткое сообщение?

У меня перед глазами возникает ручка, выписывающая безумные петли на листе бумаге.

Убишшшшштсссссааа

Ламарр считает, что это было частью плана Клэр – заставить всех понервничать, создать благодатную почву для паники.

Я не уверена. Скорее я склоняюсь к версии Тома – про то, что эти сообщения являются из подсознания участников. Может, Клэр, сама того не желая, выразила именно то, что тщательно пыталась скрыть?

Хотела бы я прогнать воспоминания о той ночи... Увы, их не прогонишь. Мне, Тому и Нине придется жить с ними до конца дней.

Вытаскиваю из чемодана ноутбук. Телефон мне пока не вернули, но хотя бы почту я могу проверить. В Лондоне меня не было неделю, и в углу экрана всплывает надпись: «Загружается 1 из 187 сообщений». Я смотрю, как они одно за другим падают в ящик.

Вот письмо от редактора. Еще одно. Два от литературного агента. Одно от мамы, с заголовком «ТЫ ЖИВАЯ???»». В последнюю очередь загружаются письма с сайта. Как обычно, это куча спама: «Горячие тайские штучки!», «Гениальный способ вернуть себе талию!»... И вдруг среди этой кучи:

От: Мэтт Ридаут

Тема: Кофе?

Я нащупываю в кармане потрепанный кусочек картона, оторванный от кофейного стакана. Цифры на нем почти неразличимы, к тому же в середине залом и не поймешь, то ли там две семерки, то ли единицы.

Я собиралась предоставить решать судьбе. Если я получу от полиции свой мобильник прежде, чем номер окончательно исчезнет...

И вдруг Мэтт решил вмешаться сам.

Я помню, как он прятал лицо в ладонях, оплакивая Джеймса.

Я помню его улыбку.

Помню его взгляд, когда он со мной прощался.

Я не уверена, что мне стоит продолжать с ним общение. Я опасаясь, что так я не смогу отпустить произошедшее, начать с чистого листа.

На секунду мой палец застывает над кнопкой «Удалить».

А потом я щелкаю мышкой.

Выражение признательности

В первую очередь хочу поблагодарить своих дорогих друзей в издательстве «Vintage» за то, что поддерживали меня на всех этапах пути (и тактично воздерживались от того, чтобы лишний раз спросить: «Ну ты как, скоро?»). Если я попытаюсь перечислить тут всех, кто мне помогал, получится телефонный справочник. Но я все же отдельно хочу поблагодарить всех в «Harvill Secker», включая моего гениального редактора (и королеву детектива) Элисон Хеннесси, которая и подбросила мне идею девичника, Лиз, Майкла и Ровену из редакции, Бетан и Фиону из отдела рекламы, Джейн, Монику, Сэма и Пенни из юридического и всех-всех из отдела продаж (вас очень много, и я всех вас очень люблю!), Саймона из производственного отдела, всю великолепную команду дизайнеров – особенно Рейчел и Вики – и всех гениев из отдела маркетинга.

Спасибо всем остальным: Кларе, Поппи, Сьюзан, Пэрис, Бекки, Кристиану, Дэну, Лизе, Чери, Алексу, Фрэн, Рейчел, еще одной Кларе и всем-всем-всем, кого мне никак не уместить на этой маленькой страничке. Я вас всех люблю и по вам скучаю. Особенно это относится к талантливому, скромному, терпеливому и прекрасному во всех отношениях отделу рекламы.

Спасибо моим первым читателям, Мэг, Элеанор, Кейт и Элис, – за то, что поддерживали меня, и не давали мне спуску, и всегда задавали правильные вопросы.

Спасибо моим друзьям и коллегам-писателям, которые откладывали свои проблемы, чтобы помочь мне с моими. Знайте: вы делаете жизнь лучше и веселее. Эва, Эмма, Лейла, Ив, Дженн, Джери, Джесс и все-все-все!

Благодарю за огромную помощь Сэма, Джона, Ричарда и Лорну, которые помогли мне разобраться в технических деталях работы полиции, больничных порядков и обращения с огнестрельным оружием. Разумеется, все возможные ошибки принадлежат мне (и я прошу прощения, что иногда чересчур вольно обращалась с вашими советами!).

Огромное спасибо Еве и Джеку из литературного агентства «Eve White» за поддержку и заботу.

И наконец, спасибо моей дорогой семье, особенно Иэну и детям, за то, что позволяли мне запираяться в комнате и печатать. Люблю вас всех.